

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ART OF SCIENCE

Материалы VI Международной
гуманитарной научно-практической
конференции

Пермь 2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ART OF SCIENCE

**Материалы VI Международной гуманитарной
научно-практической конференции**

(г. Пермь, ПГНИУ, 4–5 декабря 2022 года)

Пермь 2023

УДК 3
ББК в7
А79

Art of science [Электронный ресурс] : материалы VI Международной гуманитарной научно-практической конференции (г. Пермь, ПГНИУ, 4–5 декабря 2022 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2023. – 4,8 Мб; 216 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Art-of-science-2023.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4060-7

Издание представляет собой сборник материалов VI Международной гуманитарной научно-практической конференции. Рассмотрены актуальные проблемы гуманитарных наук, представлены результаты междисциплинарных исследований студентов и аспирантов гуманитарных специальностей.

Материалы сборника предназначены специалистам-гуманитариям, аспирантам, студентам, и всем тем, кто интересуется проблемами гуманитарных наук.

УДК 3
ББК в7

*Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Ответственные за выпуск: А. Р. Ехлакова, Д. А. Ренев

Рецензенты: канд. ист. наук, научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности Пермского государственного института культуры **А. А. Космовская**;

канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ – Пермь **А. В. Глушков**

ISBN 978-5-7944-4060-7

© ПГНИУ, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
----------------	---

ART OF CULTURAL STUDIES

<i>Базяева Д. Э.</i> Формирование образа женщины-христианки в англосаксонской литературе раннего Средневековья	8
<i>Жакова В. Ю.</i> Эстетизация руин в постсоветской культуре сталкерства.	18
<i>Кардаков И. А.</i> К истории памятника Степану Халтурину в Кирове: проблема сохранения наследия.....	32
<i>Лебеденко А. В.</i> Самураи периодов Токугава и Мэйдзи в записках русских современников	38
<i>Пчелкина А. К.</i> «Освобождение – вот призыв наш вечный!»: образ Спартака в художественной литературе первых лет советской власти	46
<i>Чайкина Н. В.</i> Эволюция цензурных механизмов в отечественном кинопроизводстве.....	53

ART OF HISTORICAL STUDIES

<i>Борисова Е. Ю.</i> Проблема интерпретации матримониальной политики Филиппа II Македонского в трудах античных и современных авторов.....	60
<i>Джуган А. В.</i> Античный врач как социальная категория: профессиональные общества жрецов и эмпириков.....	67
<i>Тихомирова А. А.</i> Вестиментарный код родоначальниц второй волны феминизма.....	73
<i>Чижова Е. Р.</i> Карен Декроу в русле нарратива второй волны феминизма	82

ART OF IMAGE

<i>Иванова И. А.</i> Эволюция образов и символов в скульптуре Поля Гогена	88
---	----

ART OF PHILOLOGY AND LINGUISTICS

<i>Безрукова М. В.</i> Сверхмалые жанры англоязычной сетевой литературы: способы вербализации ключевых концептов	96
<i>Городничева Д. В.</i> Жанровая специфика современных печатных рецензий (на материале публикаций Галины Юзефович)	105
<i>Ермолаева В. М.</i> Проповеди митрополита Антония Сурожского как источник сведений о речевом портрете оратора.....	113
<i>Загидуллина М. Р.</i> К опыту создания тезауруса предметной области на примере тезауруса по терминам квантитативной лингвистики	122

<i>Любарский Р. В.</i> Концепции Карлоса Кастанеды в русской сетевой поэзии (на примере творчества Александра Семенова)	136
<i>Малых В. А.</i> Организация цветового пространства в сборнике Перикла Ставрова «Без последствий» как один из аспектов приобщения поэта к «парижской ноте»	144
<i>Обласова А. Р.</i> Контаминация как способ словообразования неологизмов в английском языке в период пандемии в дискурсе СМИ.....	151
<i>Свечникова Е. С.</i> Лексические и грамматические трансформации при переводе (на материале русского и болгарского языков).....	160
<i>Серкина М. А.</i> Образ автора в мемуарах И. Одоевцевой «На берегах Невы»	166

ART OF PUBLIC

<i>Костин П. С., Кукушкина А. М., Тихонов С. Г., Штейникова И. В.</i> Процессы укрупнения муниципальных образований как фактор, оказывающий влияние на результативность «протестного голосования» (на примере кейсов Пермского края)	170
<i>Мартыненко М. А.</i> «Бои за историю» в Польской народной республике 1980-х гг.: историческая политика и конкурирующие нарративы о прошлом...	179
<i>Назарова Н. А.</i> Президентские выборы во Франции в 2012 г. и 2017 г.: популистская риторика кандидатов	187

ART OF TEACHING

<i>Жангужина О. Ю.</i> Социально-психологическая дезадаптация, ее риски и причины формирования у студентов в образовательной среде вуза.....	199
<i>Казанцева М. А.</i> Отцовские практики заботы о ребенке и матери в 1940–1960-е годы по материалам журнала «Работница».....	206

CONTENTS

Introduction	7
--------------------	---

ART OF CULTURAL STUDIES

<i>Bazyayeva D. E.</i> Formation of the Image of a Christian Woman in the Anglo-Saxon Literature of the Early Middle Ages	8
<i>Zhakova V. Yu.</i> Aestheticization of Ruins in the Post-Soviet Culture of Stalking	18
<i>Kardakov I. A.</i> History of the Monument of Stepan Khalturin in Kirov: the Problem of Heritage Preservation	32
<i>Lebedenko A. V.</i> Samurai of the Tokugawa and Meiji Periods in the Notes of Russian Contemporaries	38
<i>Pchelkina A. K.</i> "Liberation is Our Eternal Call!". The Image of Spartacus in the Fiction of the First Years of Soviet Union	46
<i>Chaikina N. V.</i> Evolution of Censorship Mechanisms in Domestic Film Production	53

ART OF HISTORICAL STUDIES

<i>Borisova E. Yu.</i> The Problem of Interpretation of the Matrimonial Policy of Philip II the Macedonian in the Works of Antique and Modern Authors	60
<i>Dzhugan A. V.</i> Ancient Physician as a Social Category. Professional Societies of Priests and Empiricists	67
<i>Tikhomirova A. A.</i> Vestigial Code of the Founders of the Second Wave of Feminism.....	73
<i>Chizhova E. R.</i> Karen Decrow in the Second Wave Feminist Narrative	82

ART OF IMAGE

<i>Ivanova I. A.</i> Evolution of Images and Symbols in the Paul Gauguin's Sculpture	88
---	----

ART OF PHILOLOGY AND LINGUISTICS

<i>Bezrukova Maria V.</i> Mini-Genres of English Web Literature. Ways of Verbalizing the Main Concepts.....	96
<i>Gorodnicheva D. V.</i> Genre Specificity of Modern Book Reviews (Based on the Material of Publications Written by Galina Yuzefovich)	105
<i>Ermolaeva Victoria M.</i> Sermons of Metropolitan Antony of Sourozh as a Source of Information about the Orator's Speech Portrait	113
<i>Zagidullina Milena R.</i> Experience of Creating a Thesaurus of a Subject Area on the Example of a Thesaurus of Terms of Quantitative Linguistics.....	122
<i>Lubarsky R. V.</i> Carlos Castaneda's Concepts in Russian Network Poetry (on the Example of Alexander Semenov's Creativity)	136

<i>Malykh V. A.</i> Colour and Space Organisation in Pericles Stavrov's Compilation «Without Consequences» as an Aspect of Poet's Communion to “Parisian Note” ..	144
<i>Oblasova A. R.</i> Blending as a Source of Neologisms in English-Speaking Media During the Pandemic.	151
<i>Svechnikova E. S.</i> Lexical and Grammatical Transformations in Translation (Based on the Material of the Russian and Bulgarian Languages)	160
<i>Serkina M. A.</i> The Image of the Author in Irina odoevtseva's Memoirs “On the Banks of the Neva”	166

ART OF PUBLIC

<i>Kostin P. S., Kukushkina A. M., Tikhonov S. G., Shteynikova I. V.</i> Processes of Consolidation of Municipalities as a Factor Influencing the Performance of “Protest Voting” (by the Example of Cases in the Perm Region)	170
<i>Martynenko M. A.</i> “Battles for History” in the Polish People's Republic of the 1980s: Historical Politics and Competing Narratives about the Past	179
<i>Nazarova N. A.</i> The 2012 and 2017 Presidential Elections in France. The Candidates' Populist Rhetoric	187

ART OF TEACHING

<i>Zhanguzhinova O. Yu.</i> Socio-Psychological Maladaptation, its Risks and Causes of Formation in Students in the Educational Environment of the University.....	199
<i>Kazanceva M. A.</i> Father's Practices of Caring for a Child and Mother in the 1940–1960 Based on the Materials of the Magazine “Rabotnitsa”	206

ВВЕДЕНИЕ

VI Международная гуманитарная научно-практическая конференция «Art of science» – это проект, направленный на популяризацию научной деятельности среди студентов-гуманитариев и объединение молодых ученых, представляющих разные гуманитарные науки, с целью повышения интереса к междисциплинарным исследованиям.

Цель конференции – поддержка интеллектуальной деятельности студентов, направленная на формирование условий для профессиональной, научной самореализации молодых ученых в области гуманитарных наук.

В задачи конференции в 2022 г. вошло:

- содействие развитию студенческих инициатив в области гуманитарных наук, практических и экспертных навыков, с целью популяризации научной деятельности среди студентов;
- развитие творческих, презентационных и ораторских способностей участников конференции;
- консолидация молодых ученых в сфере гуманитарных наук с целью привлечения большего количества студентов-гуманитариев к научной деятельности и формирования научной площадки для междисциплинарных исследований;
- популяризация новых направлений в российской научной среде и актуализация междисциплинарных подходов к гуманитарному исследованию;
- создание условий для научной, творческой, социально-общественной самореализации молодых ученых и максимального использования их потенциала для развития науки;
- обмен практиками в сфере студенческой научной деятельности, направленный на развитие науки, повышение её значимости для молодых ученых и формирование новых научно-практических площадок в регионах.

Конференция также имеет целью показать участникам и гостям, что наука – это искусство мыслить, задавать вопросы и находить ответы, понятные обществу.

Таким образом, формат реализации проекта исходит из идеи «наука – это не скучно».

В рамках конференции удалось объединить такие исследовательские области, как история, филология и лингвистика, культурология, политология и преподавание гуманитарных дисциплин.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-ХРИСТИАНКИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Базяева Диана Эдуардовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18, dbazyueva@gmail.com

В статье рассматривается специфика репрезентации женских образов в англосаксонской литературе раннего Средневековья. Анализируются представления писателей о женском героизме, отражающие процесс слияния древнегерманского и христианского элементов англосаксонской культуры. Внимание уделяется изучению образа женщины и анализу героических и религиозных мотивов в древнеанглийской литературе. Англосаксонские авторы, опираясь на христианские архетипы, древнегерманские традиции и исторический контекст, наделяли литературные образы новыми чертами. Подобные трансформации, возможно, были связаны с необходимостью вооруженной борьбы с завоевателями, в контексте которой отважные женщины-христианки должны были олицетворять собой образец для подражания.

Ключевые слова: англосаксонская культура; гендерная история; раннее Средневековье; христианство; библейский сюжет.

Картина духовного мира англосаксов уникальна. Складываясь на протяжении нескольких столетий, она испытала на себе влияние различных социокультурных факторов, в итоге трансформировавшись в нечто совершенно самобытное. В этой связи необходимо отметить, что особую роль в становлении культурных и духовных особенностей англосаксонского общества играла христианская религия и древнегерманская мифология. Языческие верования, которые распространялись германскими племенами с IV в., и христианство, окончательно пришедшее на Британский остров вместе с миссионерами в VI–VII вв., в процессе своего сосуществования способствовали становлению специфических черт в культурной традиции англосаксов [Глебов, 2007, с. 64].

В данном контексте представляется интересным изучение древнеанглийской поэзии с точки зрения того, как библейские архетипы и древнегерманские идеалы воздействуют друг на друга, создавая уникальные образы. В частности, как слияние героических и религиозных компонентов англосаксонской культуры влияет на репрезентацию женских персонажей.

Христианизированная англосаксонская культура создает нового для древнеанглийской поэзии литературного героя, часто опирающегося на такие христианские духовные архетипы, как Христос или Дева Мария. Но, в отличие от прообразов, поэт наделял героя уже знакомыми для воинствующих англосаксов чертами, такими как храбрость, бесстрашие, мужественность. Так, идеалами становились вожди и отважные герои, чьи подвиги были примером для следующих поколений. Наряду с мужчинами древнеанглийская поэзия прославляла также истории о храбрых женщинах и их самопожертвовании. Слияние героических и христианских аспектов в англосаксонской культуре способствовало тому, что для характеристики женских персонажей могли использоваться качества, которые традиционно приписывались мужчинам.

Литературная традиция англосаксов знает несколько историй о женщинах, которые действовали вопреки христианским канонам и брали на себя мужские функции. До наших дней сохранились стихотворения о Святых Юлиане и Елене авторства Кюневульфа, а также поэма анонимного автора «Юдифь». Для того чтобы понять, как англосаксонская культура повлияла на образ женщины-героини в древнеанглийской литературе, следует остановиться на этих произведениях подробнее.

Религиозная поэзия англосаксов нередко связывается с именем древнеанглийского поэта Кюневульфа, который предположительно был монахом и жил в конце VIII – начале IX или в конце IX – начале X века [Клемина, 2009, с. 22]. Он – одна из выдающихся фигур в англосаксонской христианской поэзии. Его имя было вплетено руническим алфавитом в конец текста четырех поэм: «Елена», «Юлиана», «Деяния апостолов», «Христос» [Там же]. Две из них, «Юлиана» и «Елена», часто считаются англосаксонскими житиями святых [Клемина, 2014, с. 31].

Единственный сохранившийся манускрипт поэмы «Юлиана» датирован 970–990 годами. Сохранилась поэма в Эксетерской книге (рукопись X в.) между стихами «Феникс» и «Странник» [Мельникова, 2018]. «Юлиана» Кюневульфа представлена полностью в форме стихотворения и дошла до нас на древнеанглийском языке. Кюневульф, вероятно, адаптировал свою версию рассказа о Юлиане из неизвестного латинского источника, который был утрачен [Frederick, 2005, p. 61].

Это рассказ о мученице и святой женщине, которая до последнего вздоха оставалась на стороне Господа, несмотря на множественные попытки склонить ее к замужеству с язычником. Действие поэмы происходит во времена гонений на христиан императора Диоклетиана. Кюневульф рассказывает историю о девушке,

которую отец вынуждает выйти замуж за язычника Хелесия. Принявшая христианство Юлиана яростно сопротивляется замужеству, не желая нарушать свои отношения с Богом. После отказа от брака девушку пытаются и бросают в темницу. Там христианку посещает дьявол в обличие ангела и пытается ее искусить. Но Юлиана распознает его истинную сущность и побеждает. Затем, когда девушка вновь отказывается язычнику, тот гневом пытается сжечь Юлиану заживо в горячем свинце, однако она восстает несгоревшей. В последней попытке наказать ее Хелесий обезглавливает девушку [Murch, 1905, p. 303–319].

На протяжении всей истории Юлиана постоянно упоминается как девственница: «Она несет в своей душе все святое, с нетерпением ожидая, что ее девственность будет сохранена ради любви Христовой, чистой от всякого греха» (строки 28–30) [Ibid., p. 303]. Также мы можем увидеть, что верность Богу преобладает в сознании героини: «Страх перед Богом был в ее сознании сильнее, чем все богатства, которыми владел этот дворянин» (строки 35–36) [Ibid. P. 304]. Кюневульф также подчеркивает святость Юлианы в отличие от язычников Максимиана, Африкана и Хелесия. Он называет ее «благословенной» (строка 105) [Ibid. P. 305], «мудрой» и «дорогой Богу» (строки 130–131) [Ibid., p. 306], «святой женщиной» (строка 535) [Ibid. P. 314], в то время как мужчины в этой истории «грубые и слепые душой» (строка 59) [Ibid., P. 304], «язычники, больные своими грехами» (строки 64–54) [Ibid.]. Юлиана – идеальный образец для подражания любому истинному слуге Христа. Несложно увидеть, насколько Юлиана подходит под архетип девы Марии: она красивая девственница, которая ценит свои отношения с Богом, ставя веру выше самосохранения и брака с богатым мужчиной.

В то же время Кюневульф не ограничивает Юлиану пассивной ролью в повествовании. Он подробно описывает ее духовную борьбу. Героиня предстает перед читателями не просто идеальной христианской святой, но и той, чья непоколебимость смогла преодолеть все трудности. Она не только назвала свое условие, при котором брак может состояться: «если ты будешь поклоняться истинному Богу и верить в Него, признаешь Прибежище духов и вознесешь Ему хвалу, я сразу же готова без колебаний подчиниться твоей воле» (строки 46–48) [Ibid.], но также заявляла, что ее собственная вера не поколеблется даже под угрозой пыток: «никогда ты в порыве ненависти не придумаешь такого тяжкого вреда и жестоких мучений, чтобы отвратить меня от этих слов» (строки 55–57) [Ibid.]. Приведенный выше отрывок свидетельствует о том, что Юлиана — сильная женщина, готовая пожертвовать своей жизнью, чтобы сохранить свою веру. Мученичество и девственность Юлианы – это способы оказывать влияние на мужчин.

Героиня даже косвенно убеждает Хелесия и Африкана мучить ее, подвергая пыткам. Следовательно, мученичество – ее собственный выбор.

Юлиана также бросает вызов отцу, что является важным шагом на ее пути к независимости. Прежде всего, она отказывается от брака на условиях, которые были предложены отцом, таким образом не признавая власть над ней и желая самой вершить свою судьбу. В той части стихотворения, где Юлиану посещает дьявол в облике ангела, наиболее явно раскрывается та сила, которую Кюневульф придал характеру героини. Она не только сразу замечает, что существо перед ней – это исчадие ада, но и ведет с ним словесную борьбу. Юлиана заставляет демона несколько раз признаться во всех своих злодеяниях, тем самым навсегда унизив его в адском королевстве. Во время их разговора дьявол даже подчеркивает доблесть и силу, которую он увидел в Юлиане: «Сначала скажи мне, как ты смелая, благодаря глубоким размышлениям, стала такой храброй в борьбе за пределами всего женского, так крепко связала меня оковами, что я не в силах сопротивляться» (строка 430) [Ibid. P. 312]. Дьявол признает, что он был ответственен за грехи людей, смерть Христа и бесчисленное множество других злодеяний, но, тем не менее, он бессилен против Юлианы. Ее победа явно изображена как результат духовной силы.

Автор выводит главную героиню из канонично пассивной роли и наделяет ее духовной силой и храбростью перед лицом опасности, соединяя, в образе Юлианы два мира – христианский и эпический. Оставаясь непоколебимой в своей вере на протяжении всего пути, Юлиана ведет активную духовную борьбу: до последнего момента отстаивает свою независимость и храбро противостоит дьяволу. Мученичество Юлианы – это героическая победа ради воссоединения с Богом.

Следующее произведение авторства Кюневульфа – поэма «Елена». Текст сохранился в Верчелльской рукописи (конец X в.) и датируется концом VIII – первой половиной IX века [Клемина, 2009, с. 22]. Предполагается, что поэма была написана в связи с празднеством посвященному Обретению Креста Господня, отмечавшемуся в Англии с конца VIII века [Там же].

Поэма основана на истории царицы Елены, матери римского императора Константина Великого, который известен как первый император, принявший христианство. Поэма начинается с победы Константина в битве, которую он одержал благодаря знаку креста, увиденному в небе. По возвращении Константин обращается в христианство, и, прочитав отрывок из Библии о распятии, приказывает своей матери Елене найти истинный крест на земле евреев. В конечном итоге Елена по просьбе сына находит крест, на котором был распят Иисус, и

гвозди, удерживавшие Христа [Там же, с. 23]. Можно сказать, что автор произведения представляет Христа прообразом императора, их объединяет крест, который для каждого из них являлся своеобразным знаком победы. А образ Елены отчетливо напоминает архетип девы Марии, как матери Константина-поборника христианства. Она с такой же готовностью, как и ее библейский прототип, служит своему господину и обращает людей в христианство. В итоге ее поиски приводят к тому, что Елена приносит евреям Евангелие и основывает среди них церковь [Клемина, 2014, с. 31].

В своем произведении Кюневульф репрезентует образ Елены не как женщины, которая лишь подчиняется приказам мужчины, но как человека, имеющего собственную активную позицию. Основная часть стихотворения посвящена поиску креста и отношениям главной героини с евреем Иудой. На протяжении всего произведения Елена изображается сильной, решительной и авторитетной женщиной, что подчеркивает ее царственный характер. Когда мать Константина прибывает в Иерусалим, она созывает собрание мудрецов иудеев. Елена презирает их за то, что они приговорили Иисуса к распятию и угрожает евреям смертью, если они не помогут ей найти крест. Ее речи настолько яростны, что старейшины приходят в замешательство и число мудрецов, способных ответить на вопросы царицы сокращается с трех тысяч до пятисот [Гвоздецкая, Клемина, 2011, с. 164]. Страх евреев растет, пока они, наконец, не выдают Иуду как самого знающего члена общины. Именно во время встречи с ним Елена показывает свою наибольшую силу.

Ее главная цель найти Святой Крест, и она ни перед чем не остановится. Елена готова даже прибегнуть к насилию в отношении неверующих. Когда героиня узнает, что Иуда отказывается помочь ей, она бросает его в тюрьму без еды и воды, чтобы принудить к сотрудничеству: «Тебе уготованы две судьбы, либо жизнь, либо смерть» (строки 604–608) [Гвоздецкая, Клемина, 2018, с. 154]. Она ставит себя в доминирующее положение по отношению к мужчине и добивается своего, когда через семь дней Иуда, раскаявшись в своем неверии, соглашается показать место, где находится крест. Елена находит крест и по наказу сына строит церковь на холме, где тот был найден. Решительность героини также сподвигла Иуду принять христианство. Она дает ему имя Кириак и назначает епископом [Гвоздецкая, Клемина, 2015, с. 154]. Это очень важный момент, так как присвоение имени традиционно воспринимается как действие, исходящее от мужчин, потому что дать чему-то или кому-то имя означает получить власть. Со стороны Елены это может рассматриваться как еще одна узурпация традиционно мужской роли.

Кюневульф подчеркивает значение Елены как сильной личности, истинного лидера, что является очень важным для англосаксонского общества, и описывает ее как ту, что командует «мужами прославленными» (строка 270) [Гвоздецкая, Клемина, 2010, с. 198]. Кроме того, ее действия также подчеркивают ее авторитетное положение: она приказывает (строка 1201) и наставляет (строка 1210) [Гвоздецкая, Клемина, 2015, с. 159]. Елена также одаривает пастыря «дарами бесценными» за его помощь бедным и немощным (строка 1217) [Там же]. Отсюда мы видим как акт дарения сокровищ, типичная черта героического общества, переносится в христианский контекст. Здесь получение сокровищ требует религиозных обрядов, а не военных подвигов. Фактически героиня поэмы дважды одерживает победу: в духовной войне, своими активными действиями обратив в христианство неверующих, и в битве на физическом уровне, когда находит крест и гвозди Христа. Елена воплощается в себе черты истинной христианки и англосаксонской королевы, которая обеспечивает безопасность своего народа.

Англосаксонская литературная традиция также знакома с ветхозаветной историей о Юдифи в интерпретации анонимного поэта, датированной X веком [Мельникова, 2018, с. 300]. Это история об отважной вдове, которая, чтобы спасти свой народ, идет в лагерь врагов и обезглавливает их предводителя Олоферна. Данный сюжет особенно ярко отображает то, как слияние христианских и героических традиций влияет на образ женщины в англосаксонской литературе.

Христианские богословы уделяли особое внимание нравственным качествам Юдифи. Именно чистота, смиренность и непорочность типологически связывали Юдифь и Деву Марию в глазах церковных деятелей. Об этом пишет римский христианский поэт IV века Пруденций (348 – после 405 гг.) в произведении «Психомахия», используя Юдифь как образ целомудрия и идеал нравственной силы [Пруденций, 2012, с. 34].

Но ветхозаветная история, пересказанная анонимным англосаксонским автором, демонстрирует свою интерпретацию образа Юдифи. Он не только передал религиозный характер истории, но и наделил ее героиню традиционными героическими качествами. Она предстает перед читателем, безусловно, целомудренной, но в то же время храброй, отважной и энергичной воительницей.

Во-первых, стоит обратить внимание на контраст образов Юдифи и Олоферна. Перед нами два лидера – с одной стороны Олоферн, который позволил себе и своим воинам слишком обильное употребление алкоголя, а с другой – Юдифь, наказавшая своим согражданам быть бдительными и ждать ее возвращения. В итоге слабости Олоферна оказались для него фатальными и отрицательно повлияли на его роль предводителя. Юдифь же, напротив, изображается как чистая добродетель: «женщина чистая» (строка 58), «дева пречистая» (строка

35), «Господня раба» (строка 74) [*Сынковский*]. Она не подвержена порокам и сотрудничает со своими людьми ради достижения общей цели – победы над ассирийцами. Именно на ее примере автор показывает то, как христианские качества выделяют человека и помогают проявить себя как настоящего предводителя для своих воинов.

Одной из ключевых сцен в поэме является сцена обезглавливания Олоферна. Эта сцена является определяющей в контексте переплетения в образе Юдифи христианских и эпических начал. Именно акт обезглавливания перемещает Юдифь на арену войны, традиционно отданную мужчине. Она вынуждена взять на себя мужскую роль, совершить насилие. Женщина здесь доминирует над мужчиной, который представлен в поэме как сильный и грозный воин. Убийством Юдифь узурпирует данную роль. А та жестокость, с которой автор описывает действия Юдифи, явно выводит историю исключительно из христианского контекста: «Хватила зломыслого изверга заклётого дева с заплетёнными косами мечом окровавленным рассекла ему шею до половины» (строки 104–106) [Там же].

Далее идет сцена шествия героини после убийства врага и демонстрация головы, как доказательство ее победы. Таким образом автор акцентирует наше внимание на том, что Юдифь достигла успеха как воин и гордится этим: «Приказала премудрая, златом прибранная, служанке своей, деве смышленной, воестранника из мешка голову вызволить, да показать градожителем знак кровавый, как в сражении она преуспела» (строки 171–175) [Там же]. Демонстрация людям окровавленной головы также олицетворяет ее доминирование над врагом и желание вести за собой народ.

Кульминацией развития образа женщины как эпического лидера становится речь Юдифи, в которой она, держа в руках голову побежденного Олоферна, призывает ветулиан взяться за оружие и дать отпор врагу (строки 188–189) [Там же]. Как истинный герой она берет на себя функции предводителя и руководит действиями своих сограждан. Она дает воинам подробные инструкции о том, что им следует делать, действуя скорее как военачальник, который составляет план битвы. Автор явно подчеркивает тот факт, что Юдифь ведет свой народ.

Очевидно, что и сами ветулианцы считают вдову своим предводителем, поскольку после победы над ассирийскими захватчиками, они вручают ей военные трофеи в виде меча Олоферна и его окровавленного шлема, которые, по сути, являлись символами лидерства ассирийского захватчика: «Ей в награду за поход памятный преподнесли вожди, владельцы копий крепких, меч Олофернов, шлем, кровью сочащийся, кольчугу широкую, чистым златом украшенную, да те богатства несметные, чем владел воевластитель зломыслый» (строки 335–339) [Там же].

В данной интерпретации образа Юдифи мы наблюдаем не только христианские идеалы, такие как жертвенность, благочестие, целомудрие, вера в Бога и любовь к нему, но и явное влияние героических германских традиций, которые существовали в англосаксонском обществе рубежа X–XI вв. [Мельникова, 2018, с. 244]. Это, например, подробные описания поединков, наделение героя чертами харизматичного лидера, ценность полученных наград, прежде всего, как убедительных знаков доблести [Там же, с. 92]. Сочетая в себе героизм и лидерство, Юдифь олицетворяет собой не просто воина, который проявляет отвагу и доблесть, а полководца, берущего на себя основную работу и мудро командующего войсками. Англосаксонский поэт сознательно отклоняется от канона и помещает Юдифь в военную обстановку, которая являлась прерогативой мужчин. Таким образом, кажущийся парадокс женщины как лидера и полководца для своего народа – это не просто результат сложности адаптации библейской истории к германской героической традиции, а сознательный выбор автора.

Подобные трансформации каноничных христианских образов были во многом связаны с германскими традициями, которые унаследовали англосаксы. Несмотря на распространение христианства, влияние героического прошлого на англосаксонское общество было еще сильно. В частности, оно находило отражение в духовном мире англосаксов: в декоративно-прикладном искусстве, ремесле и литературе. Этот мир населяли бесстрашные герои, мужественные войны, которые служили примером для новых поколений, оживленные боги и боги, наделяющие воителей удачей и храбростью в бою [Там же]. Данные тенденции повлияли на процессы создания уникальных образов древнеанглийской поэзии и сформировали такой сложный и интересный феномен, как женский героизм в представлении англосаксов. Авторы, опираясь на древнегерманские традиции, наделяли образы христианских женщин новыми чертами – такими, как бесстрашие, непоколебимость и независимость. С другой стороны, христианская идеология поднимала акт самопожертвования на новый уровень и придавала тому, что когда-то воспринималось как поражение в битве, новый статус – статус победы. Благодаря этому женщины выходили из привычной для себя пассивной роли. Древнеанглийская литература представляла их в новом свете – активными, независимыми лидерами, теми, кто способен командовать людьми и даже узурпировать мужское положение.

Героическая трактовка женских образов, возможно, была связана и с необходимостью вооруженной борьбы с завоевателями [Глебов, 2007, с. 54]. Здесь обществу представляется некий образец для подражания, героиня, которая при похожих обстоятельствах смогла преуспеть вопреки всему, когда другие отча-

ялись. Новый идеал – это сильная и инициативная женщина, способная выполнять обязанности мужчины: от обладания непоколебимой смелостью до награждения своих соратников щедрыми дарами. Основанные на христианских архетипах образы преданных Богу героинь свободно сочетают в себе женственность и мужественность. На литературную сцену выходит новый герой, который кажется одновременно знакомым и уникальным, но, как и прежде, всегда уходит с триумфом.

Библиографический список

1. Гвоздецкая Н. Ю., Клемина Е. Н. Поэма «Елена». Фрагмент: главы вторая и третья // *CURSOR MUNDI. Человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2010. Вып. 3. С. 190–199.
2. Гвоздецкая Н. Ю., Клемина Е. Н. «Елена» (главы 4–6) // *Флорилегий. Чтения по истории христианской позднеантичной и средневековой литературы*. 2011. Вып. 1. С. 163–176.
3. Гвоздецкая Н. Ю., Клемина Е. Н. «Елена». Главы 7–10 // *Сретенский сборник: научные труды преподавателей Сретенской духовной семинарии*. 2018. Вып. 5. С. 151–162.
4. Гвоздецкая Н. Ю., Клемина Е. Н. Поэма «Елена». Фрагмент: главы 11–15 // *CURSOR MUNDI. Человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2015. Вып. 7. С. 149–162.
5. Глебов А. Г. Англия в раннее средневековье. СПб.: Евразия, 2007. 283 с.
6. Клемина Е. Н. Образ Святой Елены глазами англосаксонского поэта: культурно-гендерный аспект // *CURSOR MUNDI. Человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2009. Вып. 2. С. 22–29.
7. Клемина Е. Н. Образ Святой царицы Елены в поэтическом творчестве англосаксов // *Теоретические и прикладные аспекты современной науки*. 2014. Вып. 3-3. С. 30–40.
8. Мельникова Е. А. Меч и лира: героический мир англо-саксонского эпоса. СПб.: Наука, 2018. 335 с.
9. *Пруденций. Сочинения* / пер. с лат. Рэ Шмаракова. М.: Водолей, 2012. 264 с.
10. Сынковский А. Англосаксонская поэма Юдифь. URL: http://britanniae.ru/poem/OE_Judith.htm (дата обращения: 11.12.2022).
11. *Frederick J. Warring With Words: Cynewulf's Juliana* // *Readings in Medieval Texts*. New York: Oxford, 2005. P. 60–74.
12. *Murch H. Translation of Cynewulf's «Juliana»* // *The Journal of English and Germanic Philology*. 1905. Vol. 5, No. 3. P. 303–319.

FORMATION OF THE IMAGE OF A CHRISTIAN WOMAN IN THE ANGLO-SAXON LITERATURE OF THE EARLY MIDDLE AGES

Bazyaeva Diana E.

Kazan (Volga region) Federal University,
18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russia, dbazyaeva@gmail.com

The article deals with the specifics of the representation of female images in the Anglo-Saxon literature of the early Middle Ages. The writers' ideas about female heroism are analyzed, reflecting the process of merging the ancient Germanic and Christian elements of Anglo-Saxon culture. Attention is paid to the study of the image of women and the analysis of heroic and religious motives in Old English literature. Anglo-Saxon authors, relying on Christian archetypes, ancient Germanic traditions and historical context, endowed literary images with new features. Such transformations may have been associated with the need for armed struggle against invaders, in the context of which courageous Christian women were supposed to represent a role model.

Key words: Anglo-Saxon culture; gender history; early Middle Ages; Christianity; biblical story.

ЭСТЕТИЗАЦИЯ РУИН В ПОСТСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ СТАЛКЕРСТВА

Жакова Влада Юрьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, zhakova.03@mail.ru

Исследование посвящено изучению феномена эстетического восприятия и знаковости руин в российской действительности. Изучение категорий и концепций руин выполнены на основе обращения к работам Г. Зиммеля и А. Шенле. Раскрываются явление постпамяти, травматическое восприятие сталкеров. Ключевой проблемой исследования является выявление мотивации сталкер-туризма в исследовании заброшенных объектов. В практической части проведен контент-анализ фотографий жанра и опрос сталкеров. В результате исследования сделаны выводы о сущности интереса сталкеров и прогноз дальнейшего развития культурного течения постсоветского сталкерства.

Ключевые слова: руины; субкультура сталкеров; культурный сталкер; индустриальный туризм; фотография; постсоветский период.

Городские руины и заброшенные территории сегодня является для дискуссий городских жителей. Они стали напоминанием о развале СССР, следствием экономического кризиса, но частью культуры. В журналистике звучат заголовки статей про популярные города-призраки, их «темных туристов», споры вокруг сноса заброшенных построек.

Интерес к заброшенным территориями стал причиной формирования субкультуры индустриального туризма. Их исследуют, и этот ритуал становится полноценным хобби, из него складывается особое мировоззрение сталкеров.

Термин «сталкер» имеет множество значений благодаря массовой культуре. Неологизм впервые упоминается в повести «Пикник на обочине» (1972) Стругацких, в которой создается антиутопическая вселенная и рожденные катаклизмами аномальные Зоны, по которым может провести сталкер. Сейчас сталкерами называют себя как фанаты компьютерных игр, так и увлеченная ролевыми играми по книжной вселенной молодежь. В данной работе сталкеры рассматриваются в наиболее общем значении понятия – как исследователи заброшенных мест. Их особое восприятие является мировоззренческим ядром субкультуры.

Зиммель в своей статье «Руина» вводит ряд категорий. Одной из них является понятие «материи» [Зиммель, 1996, с. 232]. Ученый противопоставляет ма-

терию, «созданную духом» природе [Зиммель, 1996, с. 230]. Материя – идея, выраженная через материал, ресурсы, которые были взяты из природы. Материя облачена в постоянную форму, она вещественна. От искусства материя отличается тем, что не может ставить целью эмоциональное воздействие на воспринимающих ее, а является практическим инструментом, сотворенным человеком, чтобы удовлетворить те или иные потребности.

Из рассуждений Зиммеля можно проследить, в какой момент запускается процесс руинизации «материи» [Зиммель, 1996, с. 232]. Человек создает «материю» из материалов, которые берет из природы. Далее, по независящим от человека причинам, будь то срочный переезд или закрытие территории в связи с нерентабельностью ее содержания, созданная «материя» покидается. После этого начинается процесс руинизации: заброшенная «материя» подвергается влиянию природных сил.

Тем не менее, руинизация не ощущается несправедливым явлением. Природа забирает то, что отдала, потому что имеет на это право как источник материала для творения. Противостояние «материи» и природы всегда приводит к победе природы, поэтому руинизация – это естественный, неизбежный процесс. Таким образом, «материя» в статье философа соотносится с философской категорией материи, как вещественной субстанции, причиной самой себя. Автор выдвигает идею истока разрушения, которая гласит, что «материя» содержит в себе «глубинный слой» природного начала, которое воссоединяется с природой, сливаясь с окружающим миром [Зиммель, 1996, с. 230].

Описание Зиммеля руинированной «материи» может быть структурировано с определением следующих характеристик руин:

Во-первых, внутреннее единство – культурный артефакт был первоначально природным, природа взаимодействует с этим слоем природного начала, «возвращает» его себе. Материя, распадаясь на части, теряет только внешнее единство формы, в то время как внутреннее ее содержание возрастает.

Во-вторых, внешнее, колористическое единство с природой. Из слов Зиммеля можно сделать вывод о том, что неруинированные, жилые здания не способны достичь полной гармонии с окружающей местностью, которой характеризуется материя, подвергаясь нерукотворному вмешательству.

В-третьих, неповторимость и уникальность, невозможность имитации достигнутого естественным разрушением – наиболее важный аспект в концепции Зиммеля [Зиммель, 1996, с. 233].

Наглядно представлено понимание Зиммелем руины как совместного «продукта» человека и природы [Зиммель, 1996, с. 229]. В руинизации видно перерождение искусства, где автором реконструкции «материи» становится природа.

Самоискусство природы определяет феномен руин. Утрачивая функциональность в процессе руинизации, руина сохраняет эстетическое содержание, дополняемое нерукотворной силой природы. Так, рассмотрение «обработки» заброшенной материи природой как эстетичной в свою очередь определяет феномен эстетизации руин.

Статья Зиммеля ценна также тем, что выдвигает ряд проблем в установлении ценности руин, затрагивает тему границы перехода руин в неэстетические развалины исходя из цельности и уровня сохранности от первоначального вида материи [Зиммель, 1996, с. 232]. Однако меру разрушенности невозможно определить, поскольку ценность материи полностью зависит от индивидуального восприятия и возможности мысленно воспроизвести по остатку материи ее былую совокупность, что возможно по нарративам и копиям, памяти людей.

Патина, ржавчина, тусклость и другие внешние повреждения составляют процесс руинизации, предполагая, что руинами могут быть только объекты из достаточно устойчивого материала. Руинами не могут считаться одежда и предметы, которые могут полностью потерять форму и поглотиться природой, как переработанные отходы. Здания и монументы напротив взаимодействуют с природой и обретают новую форму.

Можно заключить, что руина – оставленный и измененный природным воздействием объект материальной культуры. В индустриальном туризме руина определяется как заброшенное здание, в разговорном стиле – «заброшка».

Продолжая поиск границы, где проходит разница между руиной и развалиной, обратимся к теме постсоветских руин. Андреас Шенле в своей работе «Архитектура забвения» вводит понятие «классических руин», под которым подразумевает только каменные, долговечные постройки, доказывая, что в России не мог быть создан культ руин ввиду деревянного зодчества [Шенле, 2018, с. 7]. Индустриальное происхождение руин советской эпохи является их особенностью, создавая историческую значимость для новых поколений.

Шенле выдвигает противоположную Зиммелю позицию в оценке значимости руин и объясняет предпосылки формирования негативного отношения россиян к руинам [Шенле, 2018, с. 6]. Он вводит термин «руинофобия», когда рассматривает пример Ваньки из произведения «Прогулка по Риму с моими знакомыми» А. Майкова [Шенле, 2018, с. 6]. Шенле обличает невежественную уверенность героя, заявляя, что для него «руины бросают тень на заботу государства о городе, публичном пространстве и обществе, а также в том, что люди больше заинтересованы в разграблении памятников, чем в их сохранении» [Шенле, 2018, с. 6].

Анализируя произведение, Шенле обуславливает руинофобию актуальностью политической призмы при взгляде на заброшенные здания, приданием руинам идеологического значения как наследию национальной памяти [Шенле, 2018, с. 8].

Андреас Шенле анализирует философские концепции руин, которые можно разделить на два противоположных подхода, также добавив его собственный. Результат деления представим в табл. 1:

Таблица 1

Два подхода концепций восприятия руин

Романтизирующий подход	Деромантизирующий подход
Трансцендентность, «возвышенное» Берка [Шенле, 2018, с. 13]	Агитация к полит. динамике, «необходимость государства» Гегеля [Шенле, 2018, с. 17]
Экзистенциализм, «эмблема быстротечности жизни» Дидро [Шенле, 2018, с. 15]	«Распад» истории Бенямина [Шенле, 2018, с. 19]
Продукт «творческой энергии природы» Зиммеля [Шенле, 2018, с. 17]	Руинофобия по Шенле

Таким образом, в результате изучения и обобщения разных научных взглядов на заброшенные сооружения, Андреас Шенле раскрывает руины как многогранное и двойственное в восприятии явление.

Возможно противопоставить существующую романтическую субкультуру сталкерства и более утилитарное восприятие развалин взрослым населением, пережившим распад СССР. Рассмотрим, как влияние двух противоположных подходов к восприятию руин отражено в современности, воплощая соответствующие философские концепции.

С точки зрения деромантизирующего подхода, руина – поражение цивилизации, утрата, создающая политический дискурс. В переходе из советского в постсоветское время возникновение заброшенных территорий и заводов переживается через личный опыт как утрата культурной идентичности пролетариата – рабочих. Появляется стремление устранить руины как наболевшее.

Возникшее после экономического и политического кризиса поколение можно назвать поколением «постпамяти» – мысленного воссоздания образов прошлого, выстраивания отношений «с личной, коллективной и культурной травмой» предыдущего поколения [Хириш, 2021, с. 12].

Следствием данного умозаключения становится понимание необходимости сохранности памяти прошлого.

Доктор исторических наук Г. Янковская в своей статье определяет феномен постпамяти следующим образом: «...под постпамятью принято понимать явление, основанное на том, что поколение без советского бэкграунда ностальгирует по советскому на уровне эмоционального состояния, чувствует сопричастность к тому времени» [Янковская, 2018].

Молодежь, родившаяся после распада СССР, не знала эпохи, при которой советская руина возникла, однако построение образов прошлого с помощью воображения способствуют эмоциональному восприятию заброшенных зданий и романтизации руин.

В российской действительности феномен постпамяти приобретает уникальную форму и создает контрастное восприятие: вынужденное принятие окружающих однотипных индустриальных объектов и романтическое отношение к заброшенным строениям, несущим в себе память советского образа жизни в виде оставленных повседневных или личных вещей в панельных и деревянных постройках, темных бомбоубежищ, ржавых труб и механизмов завода.

Создание образов прошлого становится точкой опоры для сравнения с настоящим и способом получения удовлетворения от экзистенциальных размышлений. При изучении руины у исследователя возникает многогранность ощущений, которая будет выявлена в проведенном анкетировании, связанных как с чувством ничтожности под властью разрушительной силы времени, так и с чувством превосходства над созерцанием застывшего кусочка прошлого. Предполагается, что именно эти чувства, соотносящиеся с концепциями романтизирующего восприятия руин, в сообществе сталкеров преобладают над негативным восприятием, соотносящимся с концепциями деромантизирующего подхода.

Также можно предположить, что, исследуя постсоветские руины, сталкеры возвращаются в советское прошлое, о котором много слышали, рассматривают его остатки. Руина становится гиперболизированным символом прошлой эпохи. Создание вымышленного мира на основе найденных предметов, нахождение в «другом мире» помогает сталкерам погрузиться в кризис личности, ощутить иллюзорность времени. Таким образом, основным фактором эстетического восприятия разрушения является кризис настоящего при осмыслении ушедшей эпохи.

Прежде, чем перейти к практическому исследованию остановимся на работе В. Чумаковой, в которой используется методика семиотического анализа публикаций сообщества под названием «Эстетика е**ней» в социальной сети «ВКонтакте». Основной деятельностью сообщества является публикация фотографий

индустриальных объектов, заброшенных старых зданий как в сельском, так и в городском пространстве.

При анализе комментариев участников сообщества Чумакова находит признаки экзистенциальных переживаний и обращение участников сообщества к вечности [Чумакова, 2018]. Также Чумакова отмечает, что в сообществе не одобряют политические дискуссии, мотивируя это тем, что «Политики приходят и уходят, е**ня вечны» [Правила]. Данная цитата указывает на представленное в ироничной форме понимание участниками индустриальных объектов как более устойчивое явление, чем государство. В данной фразе затрагивается политическое устройство и возвеличиваются руины как объекты высокого искусства.

Автором рассматриваемой статьи о вернакулярных фотографиях выдвигается идея о том, что поиск руинизированных объектов и фотография труднодоступных мест – это игра. Данное предположение подтверждается тем, что сталкеры создают карты заброшек (рис. 1) и охотятся на хабар (найденные на заброшках вещи) как трофеи.

Рис. 1. Исследовательская карта заброшек

Источник: личный архив Вячеслава М., г. Омск

Наблюдения Чумаковой позволяют продолжить изучение образов заброшек в рамках субкультурного движения: «...образ сталкера из «Пикника на обочине» эстетически перекликается с частью фотографий сообщества «Эстетика е**ней», даже если не рефлексруется его участниками...» [Чумакова, 2018, с. 82]. Эстетизация и осмысление руин становятся личным и индивидуальным занятием, выводами о котором участники сообщества делятся друг с другом, создавая группу по интересам. Сталкерство в таком случае не имеет четких границ: не требует наличия определенных творческих хобби, идентификации себя как части субкультуры, а является особым мироощущением, романтическому восприятию руин как к ценности, которую не все могут понять. Присущая романтизирующему подходу недоступность понимания эстетики руины основывается на понимании рассматриваемого ранее самоискусства природы, не нуждающегося в функциональности.

Исследование В. Чумаковой современного сообщества, эстетизирующего руины, дает другой ответ: «...популярность эстетизации руин в современной сетевой культуре во многом связана с кризисом идентичности и переосмыслением отношений с прошлым на постсоветском пространстве» [Чумакова, 2018, с. 75]. Данный вывод перекликается с ролью руин в идентичности и историческом сознании русской культуры, анализируемых Шенле [Шенле, 2018, с. 13], подтверждая ценность российских руин.

Описывая особенности сталкерства в концепции образов заброшек, Чумакова отмечает, что «... "зона", изображенная Стругацкими, – место со своим особым временем, которое конструируется индивидуально для каждого, как и вообще все, что попавший туда может встретить» [Чумакова, 2018, с. 82]. Данная цитата способствует продолжению нашего исследования сталкерства как игры фантазии, отдельного для каждого сталкера мира, ключевое значение в котором отдается времени.

Постсоветские руины становятся частью фантастического мира, более того – частью постапокалиптической реальности, когда технологический пик развития уже пройден.

Семиотический подход, используемый в работе В. Чумаковой, позволяет исследовать образ руины как систему знаков и кодов, отражающих наиболее важные компоненты сталкерства в фотографии.

Рис. 2. Публикация «Крюково. Зеленоград»
Источник: Крюково. Зеленоград // Эстетика е*еней.
URL: https://vk.com/wall-69563163_1601650

Рассмотрим знаки на фотографии опубликованной в группе Вконтакте «Эстетика е*еней» 7 апреля 2022 года с подписью «Крюково. Зеленоград» (рис. 2): развитые или заколоченные окна, облупившаяся краска на фасаде здания, патины, граффити, опавшие листья. Не так очевидно разделение знаков на искусственные и естественные ввиду специфики изучаемого объекта: руины относятся как к создаваемой человеком культуре, так и к природе.

Все перечисленные знаки символизируют разрушение, влияние времени. Следует ожидать, что индустриальный туризм и восприятие руин сталкерами принимают вид особого мироощущения, воздействуя на эмоции как непосредственных исследователей, так и созерцателей фотографий жанра.

Выставка фотографий «Работа в черном» прошла в сентябре 2021 года в Музее современного искусства «ПЕРММ», куратором которой стал Иван Козлов [Выставка индустриальной фотографии]. В описании идеи проекта сказано, что руины необходимы как этап осмысления прошлого, за которым последует нечто новое. В выставке делается акцент на сожаление о потере индустриальной мощи.

Выставка, по сравнению с публикациями «Эстетики е*еней», представляет собой структурированное произведение, экспозиционный зал выставки был распределен на части. Таким образом, работы в жанре сталкерства поддаются систе-

матизации по былой функциональности объектов, которые можно назвать и перечислить: заводы и промышленные объекты; подземные сооружения; сталинский ампи́р; города-призраки; суда.

К каждому блоку давалось отдельное описание, раскрывающее его суть. Помимо уже названных подтем выставки, можно выделить еще два смысловых блока: противостояние человека и природы; творческое взаимодействие с руинами. К ним не давалось отдельного описания, поэтому при отделении данных смысловых блоков мы опирались на семиотическое содержание и расположение в экспозиции.

Так, противостояние человека и природы заметно во всех работах через призму описанных ранее категорий Зиммеля: на фоне часто запечатлены живые растения, поглощающие «умирающую» тусклую материю.

На рис. 3 представлена одна из работ, изображающее взаимодействие сталкера с руиной. Фотография демонстрирует опасность индустриального туризма, от которой сталкеры получают наслаждение; маска противогаза – атрибут игры и способ сохранить анонимность, огонь – эстетически привлекательный символ опасности в совокупности со способностью человека преобразовывать мир.

Рис. 3. Фотография выставки «Работа в черном»

Источник: Выставка РАБОТА В ЧЁРНОМ // Музей современного искусства PERMM.

URL: https://vk.com/wall-13853229_8086

Данный перечень представляет собой комплекс семиотических характеристик жанра фотографии сталкерства. Возможно, он не полностью совпадает с эстетическими предпочтениями подписчиков сообщества «Эстетики е*еней» – в их сферу интересов индустриального туризма, можно предположить, входят также обычные панельные дома и действующие центры города («человеиники»), построенные в советское время и как бы символизирующие привычный образ жизни нации.

«Фотки руин», часто добытые нелегально или с риском для жизни, сложились как жанр, пережили период повальной моды на «сталкерство» и, похоже, постепенно теряют былую популярность...», – делится экспертным мнением Иван Козлов в описании к «Работе в черном» [Выставка индустриальной фотографии]. Он объясняет это тем, что количество заброшенных индустриальных объектов значительно сократилось. Данное обстоятельство становится утратой для сталкеров, следящих за состоянием заброшек и имеющих привязанность к их истории.

Сталкеры, репрезентирующие свою культуру, открывают взгляд на неэстетичные вещи как на заслуживающие внимания. Российские руины превращаются в антураж создаваемого фантастического мира, в послание о ценности прошлого и, через восприятие автора, становятся эстетически привлекательными. Уникальность руин позволяет сделать упор на качественную, а не количественную ценность заброшенных индустриальных объектов. Сталкерство – это творческое течение мысли, набирающее обороты в цифровом искусстве.

Ввиду закрытости сообщества сталкеров, возникшей в связи с нелегальностью посещения заброшенных зданий, представители субкультуры предпочитают оставаться анонимными. Заочное анкетирование с помощью онлайн-опроса и предоставления возможности сохранения анонимности способствует решению проблемы страха сталкеров как препятствия для опроса.

Ссылка на опрос «Исследование сталкерства» для тех, кого эстетически привлекают заброшки, была опубликована в таких сообществах Вконтакте как «Digger memes», «Пермь заброшенная», «Эстетика сибирских е*еней» и разослана в более закрытые сообщества (например, в беседу сообщества сталкеров-ролевики в г. Санкт-Петербурге). Общее количество опрошенных: 58 человек. Это много для добровольного интернет-анкетирования, данное количество достаточно благодаря охвату представителей разных федеральных округов и позволяет назвать выборку репрезентативной. Из них около 12% участников опроса воспользовались возможностью сохранить анонимность.

Участникам опроса задали перечень вопросов, среди которых наиболее важными для достижения выполнения задачи исследования идентичности ценителей жанра сталкерства, отношения к созерцанию эстетики руин в сообществах в

социальных сетях, особенностей восприятия руин сталкерами и причин повышенного внимания к заброшенным территориям являются следующие вопросы:

1. Можете ли вы назвать себя сталкером? Или диггером?
2. Подписаны ли вы на сообщества с публикацией фотографий на тему заброшек, вроде «Эстетики е*еней»?
3. Как бы вы описали свои чувства, когда вы находитесь на заброшенной территории? Ваше отношение к развалинам? (развернутый ответ)

1. Можете ли вы назвать себя сталкером? Или диггером?

58 ответов

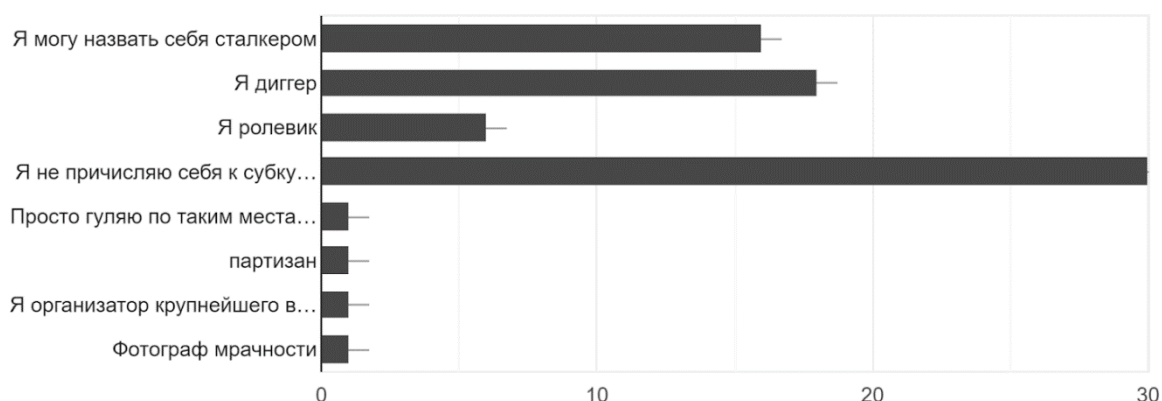

Рис. 4. Диаграмма ответов на вопрос анкеты №1

Рис. 4 представляет собой диаграмму ответов на вопрос самоопределения. Опрошенным была дана возможность выбрать несколько вариантов ответа или написать свой. Исходя из результатов опроса, идентификация себя как диггера возникает немного чаще, чем как сталкера. Вероятно, причиной этому является многозначность термина «сталкер», тогда как «диггер» – более узкое по смыслу определение сталкера как исследователя подземных территорий. Подавляющее большинство опрошенных не причисляют свое эстетическое увлечение заброшенными объектами к субкультуре.

По результатам закрытого вопроса №2 об интересах в сфере фотографии индустриального туризма 81% опрашиваемых подписаны на соответствующие сообщества в социальных сетях. Соответственно, большинству сталкеров присуще эстетическое наслаждение руинами через фотографию, однако почти 1/5 из тех, кто увлечен романтизацией заброшенных объектов, необходимо реальное взаимодействие с руинами.

Наибольшую ценность в результатах опроса представляет анализ глубинного интервью (вопрос №3), участники которого описывают ощущения на заброшенной территории и восприятие руин. Сообществу присуще постироничное отношение к вопросам, которое отражает особенности взаимодействия сталкеров

и свободный от конформизма, относящийся к постмодерной культуре менталитет сталкеров.

Помимо общего понятия интереса наиболее часто в ответах названы чувства спокойствия, умиротворения, подтверждающие концепцию руин Зиммеля, а также такие эмоциональные состояния как любопытство, восхищение, азарт, экстрим, печаль, страх, пустота и другие.

В наиболее подробных ответах непременно затрагивается тема отношения к прошлому, воображения того, какой была жизнь в здании, ставшем руиной. Дмитрий Б. из г. Воронеж описывает свой опыт следующим образом: «Когдаходишь на объект и видишь все в опустении, в разрушении то представляешь как только недавно (по меркам всей истории человечество) здесь учились, работали, жили, отдыхали люди, а сейчас всего этого нет, то на душе становится грустно, но в тоже время спокойно от того чувства как будто ты остался один в целом мире» [Дмитрий Б.]. Обнаруживается двойкость восприятия, в котором погружение в травматическую обстановку через постпамять становится отправной точкой для изменения восприятия себя в соотношении с воображаемым прошлым, глубина ощущений при этом достигает положительного восприятия одиночества как части фундаментальных процессов, неотъемлемой части мирского бытия.

«91 год все таки худший год за всю историю России», – Андрей К. из г. Бугуруслан своим эмоционально окрашенным наблюдением подтверждает травматический символизм руин и основной фактор возникновения сталкерства [Андрей К.].

Необходимость самостоятельного исследования реальных объектов для формирования особого мировоззрения подтверждается следующими ответами участников интервью: «Мне очень нравится представлять то, чем было это место до того, как я туда попал. Я люблю исследовать их, иногда читаю документы, которые там остаются, осматриваю развалины очень внимательно», - так описывает детали своего ритуала взаимодействия с руиной Глеб К., г. Пермь [Глеб К.]. В исследовании заброшки Никиту Г. из г. Москвы «...интересуют главным образом именно наиболее сохранившиеся для изучения объекты», что касается темы границ руинизации, при котором руина является подходящей для изучения и эстетического восприятия [Никита Г.].

Тема разницы между руиной и развалиной имеет решающее значение в связи с маргинализацией субкультуры сталкеров. Часть исследователей руин забирает хабар, который можно рассматривать как мусор, ненужный и оставленный продукт жизнедеятельности, который обесценили. В руках сталкера хабар становится ценным объектом исследования. Вещь сохраняется, как бы музеефици-

цируется, становится объектом восхищения и гордости, не используя по назначению. Целью сбора оставленных предметов сталкеры принципиально отличаются от маргиналов.

Завершая практическое исследование, мы обнаруживаем, что гипотеза Чумаковой об игровом характере сталкерства [Чумакова, 2018, с. 82] подтверждается фантазийным восприятием реальности: «Это своего рода машина времени, которая лагает и не прогружает текстуры полностью, но общие контуры тоже могут впечатлить и дать информацию. Мне бы не хотелось жить постоянно в развалинах, но бывать в них несколько раз в месяц потребность есть», – резюмирует свое отношение к посещению руин Анастасия Л., г. Пермь [Анастасия Л.]. В ответе подчеркивается потребность периодического нахождения в руинах как в некоем медитативном пространстве.

Таким образом, есть основания считать сталкерство особым мироощущением и эстетическим мировосприятием, более фундаментальным культурным течением, выходящим за рамки субкультуры и жанра фотографии. Основным фактором возникновения повышенного внимания к заброшенным территориям является переход из одной эпохи в другую. Ценителей заброшенных территорий интересует как ценность коллективного опыта, исследование духа советской эпохи, так и более общее экзистенциальное осмысление разрушаемой природой и временем материи. Ценность руин формулируется через личную и коллективную идентичность, которая таится в символизме распада прошлого, обещающем новую эпоху.

Библиографический список

1. Анастасия Л. // Личный архив автора. 2022.
2. Андрей К. // Личный архив автора. 2022.
3. Глеб К. // Личный архив автора. 2022.
4. Дмитрий Б. // Личный архив автора. 2022.
5. Зиммель Г. Руина // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 227–233.
6. Никита Г. // Личный архив автора. 2022.
7. Шенле А. Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 376 с.
8. Чумакова В. П. Эстетика руин в вернакулярной фотографии русскоязычных социальных медиа: постановка проблемы исследования // Наука телевидения. 2018. Т. 14, № 3. С. 74–90.
9. Хириш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста. Б. м.: Новое издательство, 2021. 428 с.

10. Янковская Г. А. Руины современности // Новый компаньон. 2018. № 21. 3 июля. С. 18.
11. Выставка индустриальной фотографии // PERMM: музей современного искусства. URL: <https://permm.ru/~rabota-v-chornom> (дата обращения: 15.04.2022).
12. Эстетика е*еней. Правила. URL: https://vk.com/yebenya?w=page-69563163_49019355 (дата обращения: 10.04.2022).

AESTHETICIZATION OF RUINS IN THE POST-SOVIET CULTURE OF STALKING

Zhakova Vlada Yu.

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia, zhakova.03@mail.ru

The research is devoted to the study of the phenomenon of aesthetic perception and the significance of ruins in Russian reality. The study of the categories and concepts of ruins is based on a reference to the works by G. Simmel and A. Schenle. The phenomenon of post-memory, traumatic perception of stalkers. The key problem of the study is to identify the motivation of stalkers when studying abandoned objects. In the practical part, a content analysis of photos of the genre and a survey of stalkers were conducted. As a result of the study, conclusions are drawn about the essence of the interest of stalkers and the forecast of the further development of the cultural trend of post-Soviet stalkers.

Key words: ruins; subculture of stalkers; cultural stalker; industrial tourism; photography; post-Soviet period.

К ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА СТЕПАНУ ХАЛТУРИНУ В КИРОВЕ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ

Кардаков Илья Алексеевич

Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36, Kardakov031@mail.ru

В настоящее время в СМИ стали часто подниматься вопросы, посвященные сохранению памятников советского времени, которые в большинстве случаев находятся в неудовлетворительном состоянии. В данном исследовании рассматривается история создания и значение памятника Степану Халтурину в г. Киров. В статье анализируется образ Степана Халтурина в первые годы советской власти, который формируется на местном уровне в Вятской губернии и на уровне всего государства. Представлено значение памятников как элемента построения исторической памяти и обосновывается важность их сохранения. Несмотря на неоднозначную оценку деятельности самого Халтурина в современной исторической науке, результаты исследования показали необходимость сохранения памятника Степану Халтурину в г. Киров.

Ключевые слова: *сохранение культурного наследия; памятник Степану Халтурину; памятники г. Киров; Степан Халтурин; план монументальной пропаганды.*

В 2024 г. город Киров отметит свой 650-летний юбилей, в связи с этим проходит масштабная подготовка: реставрируются культурные объекты, реализуются общественные инициативы, обсуждаются проекты по привлечению туристов. Всего на территории города Кирова располагается девять памятников монументального искусства, самый старый из них – памятник Степану Халтурину, которому в 2023 г. ему исполняется 100 лет. Это довольно неоднозначная личность, и поэтому вопрос целесообразности сохранения данного памятника поднимался неоднократно и до сих пор продолжает волновать жителей города. В этой связи важно рассмотреть исторические аспекты создания памятника Степану Халтурину для историко-художественной оценки значимости памятника в городской среде Кирова.

Памятник Степану Халтурину был торжественно открыт 7 ноября 1923 г. в г. Вятка, в шестую годовщину Октябрьской революции.

Создание и установка памятника проводились в рамках реализации Ленинского плана «монументальной пропаганды», который был сформулирован еще в 1918 г. Имя Степана Халтурина входило в «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР» наряду с такими деятелями революции, как А.И. Герцен, М.А. Бакунин, Спартак, К. Маркс и Ф. Эн-

гельс. Всего в список входило 66 лиц, из них 31 – революционеры и общественные деятели. Это свидетельствует о высоком значении, которое придавали личности Степана Халтурина. Согласно плану, в Москве на Миусской площади в 1918 г. был установлен памятник Халтурину, но он не сохранился из-за низкого качества материалов. По словам Ю. М. Стеклова: «Москва ... первая воздвигла памятник столяру Халтурину. Мы уверены, что скоро такие же памятники будут поставлены Степану и в красном Питере, ..., и в ... Одессе, ..., и на его родине в Вятской губернии, давшей России такого великого сына» [Стеклов, 1924, с. 73].

Действительно, в данный период образ Степана Халтурина начинает активно использоваться для революционной пропаганды как пример самоотверженной борьбы со старым порядком. Через его имя транслируются идеи замены старых героев новыми, серьезности намерений большевиков. В советском календаре на 1919 год в списке из 10 человек наряду с Марксом и Робеспьером значится и Халтурин [Советский календарь на 1919 год, 1919, с. 99].

В Вятке в 1923 г. проводились многочисленные мероприятия, связанные с именем Степана Халтурина: его биографию печатали в газетах [Отдадим должное, 1923, с. 1; Степан Николаевич Халтурин, 1923, с. 1], проводились лекции в учебных заведениях [План празднования в Вятке, 1923, с.3], была открыта выставка в его честь [Открытие выставки..., 1923, с. 1] и переиздана книга Ю. М. Стеклова «Степан Халтурин» [Подготовка к 6-й годовщине..., 1923, с. 3], собирались деньги на постройку аэроплана «Степан Халтурин». В связи с этим было также опубликовано и стихотворение Вари Работницы:

Ну и что-ж, что люди – не птицы,
Что веками сиднем-сидели...
Будет сердце моторное биться,
Будет тучи резать пропеллер.

Знаем, нам, рожденным бурей,
Невозможного нет в свете...
Знаем, будет «Степан Халтурин»
В переносицу солнцу метить.

Зенки нечего в небо пялить –
Тысячи лет делали это!
Лучше аэро-корабль из стали
Бросим ввысь нынче летом.

Ведь по тучам шагать – гладко...
Ведь пути – иные вовсе...

Эй, трудовая Вятка,
К авио-неделе готовься! [Разворачиваем крылья, 1923, с. 1].

Последовала также череда переименований: в его честь был переименован Александровский сад, улица Пятницкая в г. Вятке и др. Родной город героя – Орлов получил название Халтурин.

Памятник Степану Халтурину стал первым памятником советской власти на Вятке и вторым памятником в городе в целом. На создание памятника была развернута масштабная кампания по сбору средств. В 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров была определена сумма, необходимая на создание одного памятника в рамках реализации плана «монументальной пропаганды» – 8 тысяч рублей [Броновицкая, 2012; Коненков, 1958]. На создание памятника Халтурину «собрали 605 735 рублей 14 копеек совзнаками и золотом на сумму 14 066 рублей 35 копеек». Больше всего денег пожертвовали Губфинотдел (53 000 рублей совзнаками), советская товарная биржа (15 000 рублей совзнаками) и Химдревтрест (15 625 рублей совзнаками) [Пешком по Вятке, 2022].

В создании памятника Халтурину участвовали знаменитые деятели искусства: модель памятника создана вятским скульптором Николаем Ивановичем Шильниковым, работа курировалась бывшим губернским архитектором и другом Степана Халтурина Иваном Аполлоновичем Чарушиным. В юности оба жили в г. Орлов и посещали одно уездное училище. Архитектор И. Чарушин изготавлял постамент на основе чертежа постаментов для более раннего памятника Александру III. Скульптуру Халтурина изготовили в Москве из цемента на металлическом каркасе. К 4 ноября 1923 г. разобранный памятник был доставлен в Вятку и 5 ноября установлен на пьедестале. Работа была высоко оценена современниками-представителями искусства: «В фигуре выражено большое движение, мысль и революционный пафос. Отлично посажена голова, хорошо разработаны формы рук, продуманы движения складок. Вся фигура декоративна, сообразуясь с материалом, вполне скульптурна и цельна по форме» [К открытию..., 1923, с. 4]. Отдельно была отмечена работа И. А. Чарушина: «благодаря энергии и любовному отношению к делу архитектора Чарушина памятник вышел больше, чем удачным» [Там же]. Похвалили и постамент: «из цемента достигнуто впечатление гранита. Постамент архитектурен и хорошо выдержан в пропорции» [Там же].

На торжественное открытие памятника в город пригласили брата Степана Халтурина – Павла Николаевича [Брат ст. Халтурина..., 1923, с. 1], а также представителей из Одессы, которые привезли документы о казни террориста [Приезд представителей..., 1923, с. 1]; представителя Германии Эренфрида Вагнера [На родине..., 1923, с. 3]; наркома просвещения Луначарского (не приехал) [Представители центра, 1923, с. 1]. Из Москвы специально для съемки мероприятия

приехал кинооператор [Кино-съемка Октябрьских празднеств, 1923, с. 1]. Открытие памятника сопровождалось митингом и оружейным залпом [На площади Большевиков, 1923, с. 2].

Высота памятника составила 8,2 м., скульптуры – 2,7 м., постамента – 5,5 м. Памятник стал композиционным центром площади, на которой был установлен (площадь не имеет точного названия и в различных источниках называется по-разному: «площадь большевиков», «площадь борцов революции», «Халтуринский сквер» и т.д.) [Пешком по Вятке, 2022]. Позднее, к 1926-1927 гг. вокруг памятника были установлены чугунные колонны, ограждение (в настоящее время не сохранились). В первые годы советской власти на площади проводились различные мероприятия, митинги. Он был центром общественной и политической жизни.

В настоящее время площадь несколько утратила свое важное общественное значение, но периодически на ней проходят массовые мероприятия. Ситуацию несколько осложняет соседство площади и памятника Степану Халтуру с важными святынями города: у площади находится Спасский собор, поблизости – Трифонов монастырь. Это вызывает критику со стороны православных активистов. Сам памятник находится в неудовлетворительном состоянии. Капитальный ремонт памятника проводился дважды: в 1965 и 2005 гг. Сейчас памятнику требуется полноценная реставрация. Восстановительных мероприятий и облагораживания требует и территория площади.

Для памятников эпохи монументальной пропаганды характерна политическая и идеологическая ангажированность, поэтому после смены политического строя началась программа по их уничтожению. Однако стоит учитывать, что для памятников, как важных компонентов оформления исторической памяти, характерна диалогичная природа [Аполлонов, Хлезов, 2021, с. 79]. Она подразумевает наличие множества мнений и субъективных суждений, часто противоположных друг другу. Именно во взаимодействии различных мнений и рождается представление о прошлом как сложной, неоднозначной и неоднородной структуре. А зрителю дается возможность самому сделать выводы об исторических событиях прошлого.

При таком подходе памятник Степану Халтуру предстает очень важным элементом формирования мировоззрения, осмысления истории. Поэтому сейчас важно сохранить памятник, несмотря на возможное негативное отношение к личности самого Степана Халтура. Во-первых, на сегодняшний день памятник Степану Халтуру – старейший памятник в г. Кирове. Более того, памятник признан объектом культурного наследия федерального значения. Всего на территории города Кирова 9 памятников монументального искусства, из них только

3 признаны объектами федерального значения (памятник Халтурина 1923 г., бюст А.И. Герцена 1948 г., памятник С.М. Кирову 1957 г.)

Важно отметить, что памятник Халтурина – индивидуальный проект, созданный в единственном экземпляре (в отличие, например, от типовых памятников Ленину, которых в г. Кирове в разное время было установлено более десяти). В работе над памятником принимали участие знаменитые деятели искусства: выпускник Академии Художеств, губернский архитектор И. А. Чарушин и Н.И. Шильников – известный скульптор, автор многих типовых проектов эпохи соцреализма (один из вариантов памятника Ленину, вариант скульптуры «девушка с веслом» и т.д.). Стоит учесть, что в целом в России сохранилось очень мало памятников эпохи монументальной пропаганды, а ведь они предопределили стилистику будущих произведений советского искусства. С.Т. Коненков писал: «особенно важны первые проекты, которые будут приняты и одобрены как показательные» [Коненков, 1958]

Таким образом, памятник Степану Халтурина – важная часть городского пространства, обладающий исторической и художественной ценностью, памятник является образцом искусства своего времени.

Библиографический список

1. Аполлонов И. А. Хлевов А. А. Памятник в контексте исторической памяти // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pamyatnik-v-kontekste-istoricheskoy-pamyati> (дата обращения: 20.12.2022).
2. Брат ст. Халтурина – в Вятке // Вятская правда. 1923. № 255. С. 1.
3. Броновицкая Н. Н. Архитектура Москвы 1910–1935 гг. М.: Искусство XXI век, 2012. 356 с.
4. Вагнер Э. На родине Степана Халтурина // Вятская правда. 1923. № 261. С. 3.
5. Двин К. К открытию памятника Степану Халтурина // Вятская правда. 1923. № 259. С. 4.
6. Декрет СНК РСФСР от 12.04.1918 О памятниках Республики // Вики-тека: URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%82_%D0%BE_%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%85_%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8 (дата обращения: 20.12.2022).
7. Кий П. На площади Большевиков // Вятская правда. 1923. № 257. С. 2.
8. Кино-съемка Октябрьских празднеств // Вятская правда. 1923. № 255. С. 1.
9. Коненков С.Т. Слово к молодым. М.: Молодая Гвардия, 1958. 146 с.

10. Открытие выставки имени Степана Халтурина // Вятская правда. 1923. № 255. С. 1.
11. Памятник Степану Халтуруину // Пешком по Вятке. URL: https://www.vyatkawalks.ru/wiki/pamyatnik-stepanu-khalturinu/?sphrase_id=14812 (дата обращения: 20.12.2022).
12. Панфилов В. Отдадим должное // Вятская правда. 1923. № 141. С. 1.
13. Панфилов В. Степан Николаевич Халтурин // Вятская правда. 1923. № 141. С. 1.
14. План празднования в Вятке // Вятская правда. 1923. № 254. С. 3.
15. Представители центра // Вятская правда. 1923. № 255. С. 1.
16. Приезд представителей из Одессы // Вятская правда. 1923. № 255. С. 1.
17. Работница В. Разворачиваем крылья // Вятская правда. 1923. № 140. С. 1.
18. Смирнов Д. Подготовка к 6-й годовщине Октябрьской революции // Вятская правда. 1923. № 254. С. 3.
19. Советский календарь на 1919 год. URL: https://rusneb.ru/catalog/002293_000049_RU___%D0%92%D0%BB%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D1%8F+%D0%9E%D0%A3%D0%9D%D0%91___EKG___142187/ (дата обращения: 20.12.2022).
20. Стеклов Ю.М. Борцы за социализм. Очерки из истории общественных и революционных движений в России. М.; Л.: Государственное издательство, 1924. 429 с.

HISTORY OF THE MONUMENT OF STEPAN KHALTURIN IN KIROV: THE PROBLEM OF HERITAGE PRESERVATION

Kardakov Ilya A.

Vyatka State University, 36, Moskovskaya st., Kirov, 610000, Russia,
Kardakov031@mail.ru

Nowadays, issues concerning the preservation of cultural heritage, in particular the preservation of monuments, have begun to be raised frequently. However, many monuments are in unacceptable condition. Firstly, in this research the history of the creation of the monument to Stepan Khalturin in Kirov, its perception by contemporaries are being examined, secondly, the image of Stepan Khalturin in the first years of Soviet rule, which was formed both at the state-wide and local (Vyatka gubernia) is being analyzed, thirdly, the importance of monuments as an element of building historical memory is being analyzed, fourthly, the importance of the monument to Stepan Khalturin to preserve the historical memory and organic urban environment is being justified. The results of the research showed the necessity of preserving the monument to Stepan Khalturin, despite the ambivalent view of Khalturin's activities.

Key words: Preservation of cultural heritage; monument to Stepan Khalturin; Kirov monuments; Stepan Khalturin; monumental propaganda plan.

САМУРАИ ПЕРИОДОВ ТОКУГАВА И МЭЙДЗИ В ЗАПИСКАХ РУССКИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Лебеденко Алена Вячеславовна

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55, lebedencko.ale@yandex.ru

Самураи являются одними из самых колоритных персонажей в истории Японии. Однако в научной литературе не существует масштабных исследований, посвященных образу самурайства в глазах их современников. В данном исследовании представлен тот образ самураев, который отложился в памяти у русских путешественников, посещавших Японию в переломный для страны XIX век, соединивший в себе крах эпохи традиций и расцвет эпохи модернизации.

Ключевые слова: *самураи; Япония; образ самурайства; период сегуната Токугава; эпоха Мэйдзи.*

Самураи – одни из самых влиятельных и колоритных персонажей в истории Японии. Эпоха правления сёгунов Токугава была временем наивысшего расцвета воинского сословия, окончания формирования его идеологии, культуры и обычаев. Но в 1868 году произошла революция Мэйдзи, во время которой страна потерпела крах прошлых обычаев, а самураи утратили своё привилегированное положение [Спеваковский, 1981].

Обе эпохи оставили о себе след в различных путевых заметках, дневниках тех людей, которые посещали Японию. Отсюда следует цель написания данной статьи – выявить и проанализировать, как описывали самураев периодов Токугава и Мэйдзи русские путешественники, побывавшие в Японии в «переломный» XIX в., объединивший эти две эпохи – традиции и модернизацию. Для анализа были взяты: книга очерков И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“», «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев» В. М. Головнина, работа А. Пеликана «Прогрессирующая Япония».

Первым литературным трудом, из которого русский читатель мог подробно узнать о Японии, были записки капитана В.М. Головнина, который в ходе экспедиции по изучению Курильских островов 11 июля 1811 года японским гарнизоном Кунашира (начальник крепости Насасэ Саэмон) был захвачен в плен. Вскоре пленников перевели в город Хакодате на острове Матсмай (Хоккайдо) и заключили в тюрьму. В. М. Головнин был в непосредственном тесном контакте с японцами, мог увидеть их мир изнутри: он передвигался из одного места заключения

в другое, ему проводили допросы многие чиновники Японии. С японцами пленник сначала общался посредством русского переводчика – некоего Алексея Максимовича, курильца, который не умел полностью изложить сказанное, но смысл мог передать. После побега Головнина его переводчиком стал выступать голландец Теске, чьи языковые способности в области точности перевода были значительно выше [Давыдов, 1968].

Свободное время у Василия Михайловича было. Биографы утверждали, что Головнин все, что он наблюдал во время прогулок и узнавал из разговоров с охранниками, заносил в свой оригинальный «журнал» из ниток. Русский путешественник напишет потом об этом так: «...За неимением бумаги, чернил или другого, чем бы я мог записывать случившиеся с нами примечательные происшествия, вздумал я вести свой журнал узелками из ниток, для каждого дня с прибытия нашего в Хакодате завязывал я по узелку: если в какой день случилось какое-либо приятное для нас приключение, вязывал белую нитку из манжет, для горестного же происшествия черную шелковинку из шейного платка; а если случилось что-либо достойное примечания, но такое, которое ни обрадовать, ни опечалить нас не могло, то вязывал я зеленую шелковинку из подкладки моего мундира; таким образом, по временам перебирая узелки и приводя себе на память означенные ими происшествия, я не мог позабыть, когда что случилось с нами» [Давыдов, 1968, с. 113]. Уже позже, по прибытии на родину, Василий Михайлович оформил эти воспоминания в текстовом виде.

«Записки флота капитана Головнина о приключениях его у японцев...» впервые были опубликованы в 1816 г., чем вызвали небывалый до этого интерес публики. Кроме подробного изложения обстоятельств плена «Записки...» содержали также описание природы, климата, состояния торговли, промышленности и сельского хозяйства, образа государственного правления Японии, а также вероисповедания, обычаев, обрядов, быта и культуры японцев, в том числе и самураев, с которыми автору приходилось сталкиваться за время пребывания в плену.

Головнин, будучи пленником, высоко оценивал японскую культуру и описал японцев с положительной точки зрения, как культурный народ, в результате чего бытовавший доныне образ жестокого японца стал смягчаться. Он подмечал интересную особенность японской культуры, которая подразумевала наличие стандартизированных правил, традиций, призванных регламентировать все стороны человеческой жизни, в том числе и то, каким образом следует вязать пленников, а также неоднократно отмечал отличия русской и японской культур.

С самураями Японии В. М. Головнин знакомил читателя с первых страниц своих записок. Описывая сцену пленения русских японцами, автор отмечает: «лишь только мы вступили в крепость, нас тотчас же ввели в палатку, где против

входа на стуле сидел их главный начальник в богатом шелковом платье и в полной воинской одежде, имея за поясом две сабли. Через плечо у него висел длинный шелковый шнур, на одном конце была такая же кисть, и на другом стальной жезл, который он держал в руках и который, конечно, служил знаком его власти» [Головнин, 2004, с. 112]. Русский путешественник делает предположение, что перед ним – знатный чиновник. Он не называет представителей воинского сословия «самураями» – они у него «чиновники», «солдаты» или просто «японцы», однако читатель может отличить самураев по многочисленным в тексте упоминаниям мечей, которые они носят с собой (только самураи имели привилегию носить оружие).

В этом же отрывке можно увидеть и то, что описанный автором самурай обладает определенными знаками отличия от других людей – на нем богатое шелковое платье, а также, что является самым главным, за его поясом находятся две сабли.

Головнин описывает отношения между разными чинами самурайства, пропитанные духом иерархии. Один из конвоиров путешественника, заведя на подходе к селению «начальника в богатом шелковом платье», который держал в руке «наподобие весов, знак своей власти», подошел к нему «с великим раболепством и, присев почти на колени, с поникшею головой, долго что-то ему рассказывал» [Головнин, 2004, с. 209].

Встречаются в «Записках» и описания рядовых воинов, представителей низших чинов. Во время своего конвойного пути на Хоккайдо, пленник замечает, как на берегу реки стоят «...японские солдаты: первые были в воинской одежде и в латах с ружьями, а последние со стрелами и луками» [Головнин, 2004, с. 206].

Головнин мог наблюдать не только за начальниками, которые его допрашивали, но и длительное время за упомянутыми выше низшими чинами – их представители были его конвойными. Однако, несмотря на отсутствие у них великолепных и дорогих шелковых платьев, пленники отмечают в их среде высокую культуру и нравственность: никогда ни один конвойный не мешал встречным японским крестьянам «мирволить» русским. На каждом привале конвоиры спрашивали, не голодны ли путники, отгоняли от них комаров и мух.

Дальше описаний внешности Василий Михайлович заходит редко: характер всех японцев он характеризовал как учтивый, благородный. Он различал их только по внешним признакам: все офицеры – «нарядно одетые», в каретах со свитой, а солдаты – вооруженные саблями и кинжалами, иногда – огнестрельным оружием. Однако некоторые черты поведения самураев, построенные на принципе Бусидо, бросались в глаза и несведущему человеку. Например, Головнин отмечает, что ««испытавши многократно в прежние времена затейливость и жадность или, учтивее сказать, склонность к прибыткам европейских народов,

японцы имеют справедливую причину бояться этого как огня» [Головнин, 2004, с. 356]. Эта фраза может послужить отсылкой к тому, что японского воина уже в детстве учили презрению к торговцам и деньгам.

Дополняют портрет самурая периода Токугава сведения, излагаемые И. А. Гончаровым в своей книге очерков «Фрегат „Паллада“». Он был благодарным читателем записок Головнина и неоднократно ссылался на Василия Михайловича – его интересовал «живой» стиль предшественника, его описания.

В середине XIX в. Россия попробовала завязать отношения с Японией, и фрегат «Паллада» отправился в Страну восходящего солнца именно с этой целью. Так родилась работа сорокалетнего И.А. Гончарова под названием «Фрегат „Паллада“». Текст был составлен на основе путевых заметок, написанных во время экспедиции на военном парусном корабле в 1852–1855 годах. Иван Александрович Гончаров, входивший в личный состав фрегата в качестве секретаря главы морской экспедиции вице-адмирала Евфимия Васильевича Путятина, вместе с экипажем посетил Англию, затем побывал в некоторых странах Африки, Китае, Японии; в Петербург писатель вернулся по суше через Сибирь. Первый очерк, озаглавленный «Ликейские острова», был напечатан в журнале «Отечественные записки» от 1855 г. В дальнейшем, вплоть до выхода книги, путевые заметки о кругосветном путешествии Гончарова публиковались в журналах «Современник», «Морской сборник», «Русский вестник» и «Отечественные записки». Первое полное издание появилось в 1858 году. При жизни писателя книга выходила шесть раз как отдельными изданиями, так и в составе собраний сочинений автора [Садокова, 1999].

Внешнюю картину переговоров Гончаров описал очень подробно в двух очерках путевых записок, озаглавленных «Русские в Японии». Однако эти два очерка занимают центральную часть его произведения, охватывая одну треть путевых заметок. Гончаров не владел ни голландским, ни японским языками и не имел возможности разговаривать с японцами. Более того, он как иностранец не мог свободно передвигаться не только по стране, но и по городу Нагасаки. Все его внимание сосредоточилось на не созерцательном, а на напряженном наблюдении за отдельными людьми, которые посещали фрегат.

«Фрегат „Паллада“» застаёт нетронутую европейскими нормами и обычаями Японию, этакий «запертый ларец» или «страна чудес» со своим сложным церемониалом, как называет ее сам И. А. Гончаров. Здесь всё и все представляются путешественникам сказочными и необычными для человека иной культуры. Здесь всё другое: «Наша вежливость у них – невежливость, и наоборот», – пишет автор [Гончаров, 2018, с. 374]. Среди всего этого блеска нашло место и отражение положения самурайского сословия.

С самых первых страниц, посвященных пребыванию в Японии, Гончаров подчеркивает, что самураи выделяются из числа других людей своей одеждой: «кофты у них из тонкой полупрозрачной черной материи, у некоторых вытканы белые знаки на спинах и рукавах – это гербы» [Гончаров, 2018, с. 378]. Однако, он не выделяет нигде в своих путевых записках, что перед ним именно представители военного сословия – он их называет «бониосы» или, на наш манер, – «чиновники».

Для самурая, пишет автор, почетной смертью в случае неудачи является возможность «распороть себе брюхо» [Гончаров, 2018, с. 335]. И. А. Гончаров указывает, что «самый замечательный и дорогой подарок» – сабля, которую могли носить только представители самурайского сословия. Оружие украшалось, оберегалось и становилось показателем личного успеха.

Автор неоднократно указывает на дихотомию «мы – они», различными способами показывая, как европейская культура отличается от японской. Гончаров пишет, что самурайство неохотно отказывается от сложного искусства каллиграфии в пользу заморских университетов.

Таким образом, поскольку Япония была закрыта в эпоху Токугава, записки русских путешественников о ней скудны, они дают мало информации для реконструкции образа самурая. Они представляют только обрывочные сведения о самурайстве: источники фокусируются больше на внешних моментах: показывают их как богатых людей. Самураи носят дорогие одежды с гербами, находятся при правительстве и занимают высокие посты в этой системе. Их главная гордость – собственная сабля, которая украшается и показывает их положение в обществе. Головин, возможно, невольно фиксирует некоторые положения из Бусидо – об их благородном поведении, которым пронизаны все сферы жизни, о небрежном отношении к деньгам и торговцам. Отмечается довольно высокий уровень образования в самурайской среде. Гончаров описывает самураев, как образ исконно-японской культуры: все их манеры приема гостей, даже их лица и телосложение – все это противопоставляется европейскому. Но сложить полноценную картину положения самураев в эпоху Токугава затруднительно из-за специфики периода и ограниченности источников.

Совсем другими предстают самураи в работе «Прогрессирующая Япония» российского дипломата А. А. Пеликана, который побывал в стране в эпоху Мэйдзи.

Александр Александрович Пеликан происходил из дворянской семьи, был внуком знаменитого врача В. В. Пеликана. В 1874 г. окончил юридический факультет Харьковского университета. В 1874–1884 гг. пребывал в должности вице-консула от России в Йокогаме. Помимо этих кратких сведений, биография автора больше никоим образом не получила отражения в литературе, поэтому

подробности его пребывания в Японии неизвестны. Один из его главных трудов – «Прогрессирующая Япония» – был издан в Санкт-Петербурге в 1895 г. и больше не переиздавался.

В «Прогрессирующей Японии» можно увидеть совершенно иную картину положения самураев, ведь, как пишет автор, «все законы Иэясу были отменены» [Пеликан, 1895, с. 105].

В работе видна совсем другая Япония: это больше не «запертый ларец» с чудесами, а страна, которая сознательно тянется к европейской культуре. «Вчерашние лакеи» становятся дипломатами, всё и все тянется к другому, непривычному миру. Самураям, а особенно их низшим представителям, приходится привыкать к этой ситуации: «они остригли себе косы, сбросили халаты и облеклись в европейские костюмы» [Пеликан, 1895, с. 108].

После петиции, по которой «княжества переименовали в провинции, а владельцы их в имперских наместников», большинство даймё (букв. «большое имя» – бывшие владетельные князья) были обременены значительными долгами и не могли сводить концы с концами.

Всюду появляются «новые люди» – они «появились в смутное время из всех щелей и проникли во все слои правительства». Эти люди – вчерашние конюхи и лакеи иностранцев, проживавших в Японии. Именно у иностранцев «новые люди» и переняли опыт. Автор отмечает, что ронины, которым он дает характеристику как «самой развратной категории населения, готовой за деньги на любые преступления, вербующейся в наемные убийцы», являющейся самым низшим звеном самурайства, наоборот, получили множество плюсов для себя из нового положения дел [Пеликан, 1895, с. 113–117]. А. А. Пеликан пишет, что «вчерашние лакеи превратились в дипломатов, а бывшие ронины и конюхи в генералов» [Там же]. Они с самонадеянностью брали на себя руководящую роль в таких делах, где имели смутное или ложное представление, при этом «перекраивая национальные обычаи на европейский лад» [Там же]. Автор смеется над таким положением вещей, показывая всю нелепицу сложившейся ситуации: «генералы пили воду из полоскательных чашек и упивались шампанским на публичных обедах до изbleвания» [Там же]. «Новые люди» семимильными шагами вели страну к социальному перевороту, «поглотившему все феодальные привилегии» [Там же].

Потребность в военном искусстве самураев отпала – столкнувшись с Западом, страна поняла необходимость обзавестись регулярными флотом и армией. А для этого, как отмечает Пеликан, «необходимы были знания, которые даймё не имели». В войска набирали «новых людей», оставив самураев на обочине военной истории.

Во всей этой «прогрессивной вакханалии» были люди старой закалки, которые не могли вынести новый порядок положения вещей. Пеликан рассказывает про старого самурая Симадзо Сабуро, который вместе с преданными слугами удалился в свои владения. Он воспользовался путешествием императора по Японии, чтобы передать ему свой «адрес» с требованиями вернуть прошлый строй. Для объяснений автора послания вызвали в Токио. Но даже тут Симадзо Сабуро показал, что старый самурайский дух жив – он явился в «сопровождении 200 человек свиты, одетой и вооруженной по-старинному» [Пеликан, 1895, с. 107]. Этот эпизод показывает, насколько быстро изменилась мода в одежде и правила поведения в обществе.

Самураи были отстранены и от политической жизни страны. Теперь очень редко можно было увидеть выходца из родовитого клана в качестве чиновника. Автор пишет, что «новые люди» дальновидной политикой введения чина «аристократ ума» оттеснили «прочих куте» (окружение императора) от кормила власти.

Со слов Пеликана, самураи резко отреагировали на отмену «феодализма» властями – представили им петицию, где просили пересмотреть некоторые установления. Они были недовольны различными формами уравнивания их с другими жителями страны, одной из которых являлся запрет носить оружие.

Но были и более радикальные формы протеста. Одной из таких является Сацумский мятеж, который в красках описывает Пеликан. Приводя различные петиции бунтующих, автор отмечает, что причинами поднявшегося восстания под предводительством Сайго Такамори были сильные антиправительственные настроения в среде бывших самураев. Их жизненный уровень и общественный авторитет сильно упали в результате правительственных реформ. Власть упразднила государственные пенсии для них, лишив последних статуса государственных служащих.

Таким образом, из записок русских путешественников можно увидеть, что по прошествии всего лишь нескольких лет, положение самурайского сословия очень сильно изменилось. Самураи Пеликана находятся в несколько ином положении, нежели самураи, описываемые его соотечественниками годами ранее. Они уже не носят дорогих одежд, не находятся при высших постах во властных структурах. Их финансовое положение оставляет желать лучшего, а на ношение оружия, которое выступало в качестве символа привилегированного статуса, введен запрет. Им приходится уживаться и считаться с европейскими нормами: остригать свои косы и менять одежды. Теперь самурайство – это не феномен чисто японской культуры.

Изменился и характер источника – стало больше сведений о самураях, причем эти сведения уже не освещают только внешность, а затрагивают и иные аспекты. Теперь в жизнь страны, закрытой на несколько веков от внешнего мира,

начинают просачиваться европейские веяния, которые переворачивают ее устои, искореняя старые порядки.

Библиографический список

1. Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев. М.: Захаров, 2004. 464 с.
2. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 800 с.
3. Давыдов Ю. В. Головнин. М.: Молодая гвардия, 1968. 208 с.
4. Пеликан А. А. Прогрессирующая Япония. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1895. 295 с.
5. Садокова А. Вот этот запертый ларец... // Знакомьтесь – Япония. 1999. № 23. С. 105–116.
6. Сневаковский А. Б. Самураи – военное сословие Японии. М.: Наука, 1981. 168 с.

SAMURAI OF THE TOKUGAWA AND MEIJI PERIODS IN THE NOTES OF RUSSIAN CONTEMPORARIES

Lebedenko Alena V.

Omsk State University, 55, Mira ave., Omsk, 644077, Russia,
lebedencko.ale@yandex.ru

Samurai are one of the most colorful characters in Japanese history. However, in the scientific literature there are no studies devoted to the image of the samurai in the eyes of their contemporaries. This study presents the image of the samurai, which was deposited in the memory of Russian travelers who visited Japan in the turning point for the country in the 19th century, which combined the collapse of the era of traditions and the flourishing of the era of modernization.

Key words: Samurai; Japan; the image of a samurai; period of the Tokugawa shogunate; Meiji era.

«ОСВОБОЖДЕНИЕ – ВОТ ПРИЗЫВ НАШ ВЕЧНЫЙ!»: ОБРАЗ СПАРТАКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Пчелкина Анастасия Константиновна

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1,
p4elkina.nas@yandex.ru

Статья посвящена специфике репрезентации образа Спартакa в художественной литературе первых лет советской власти. Спартак, ставший символом революционной борьбы во второй половине XVIII века, был заимствован большевиками из европейской политической практики. Образ «первого революционера» быстро вошел в арсенал большевистской символической политики и использовался в пропаганде, одним из средств которой выступала художественная литература. Автор выявляет источники, из которых складывался образ Спартакa в пропаганде большевиков, и исследует художественные приёмы изображения Спартакa в романе Ц. С. Гуревич «Спартак» (1918 г.) и трагедии В. М. Волькенштейна «Спартак» (1920 г.).

Ключевые слова: *Спартак; репрезентация; революционная традиция; символическая политика; пропаганда большевиков; В. М. Волькенштейн; Ц. С. Гуревич.*

Спартак, известный предводитель восстания рабов I в. до н.э., в эпоху Просвещения стал символом борьбы за свободу, и этот символ использовался не только в искусстве, но и в политических практиках. В XX в. Спартак попал в советский «пантеон» деятелей революции. Большевики в попытках создать наднациональную, интернациональную, «революционную» идентичность сделали Спартакa инструментом своей символической политики, используя для трансляции его образа различные средства, в том числе художественную литературу. До появления кинематографа литература была важнейшим каналом пропаганды и использовалась большевиками для распространения своих идей. В данной статье будет рассмотрено два художественных произведения: «Спартак. Предводитель римских гладиаторов» Ц. С. Гуревич (1918 г.) и «Спартак» В. М. Волькенштейна (1921 г.). Для анализа литературных произведений необходимо понять степень изученности восстания Спартакa в дореволюционной России и выявить другие источники, которыми могли пользоваться авторы при конструировании образа Спартакa в художественной литературе.

В дореволюционной России изучение широких народных масс и классовой борьбы из-за принадлежности к марксистской методологии было под запретом

[Алексеева, 1997, с. 17]. Историки занимались социально-экономической, политической историей древнего мира, зачастую игнорируя сюжеты классовой борьбы [Машкин, 1963, с. 411]. После Октябрьской революции был взят курс на пересмотр древней истории с марксистских позиций, с точки зрения классовой борьбы и смены общественно-экономических формаций через революцию. Стоит отметить, что гораздо большее значение большевики придавали революциям Нового времени, нежели античности, но, исходя из их логики, рабовладельческая формация также должна была закончиться революцией угнетенного класса (рабов). В этом ключе восстание Спартака начало рассматриваться только в 1930-е гг.¹

В дореволюционной историографии восстание Спартака упоминалось редко. Так, И. Нетушил в «Обзоре Римской истории» не излагал ход восстания, ограничившись краткой характеристикой: «мятеж» и «восстание рабов» [Нетушил, 1912, с. 182, 184]. Другой исследователь античности, Р. Ю. Виппер, полностью обходил противоречия рабов и рабовладельцев и в изложении событий 70-х гг. до н.э. восстание Спартака не упоминал [Машкин, 1963, с. 403]. Интерес представляет статья о Спартаке, написанная А. М. Придиком для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона». Она составлена на основе трудов западных историков. В статье «Спартак – предводитель рабов в так называемой войне гладиаторов», «...человек энергичный и мужественный и отличался необыкновенной военной опытностью и даже полководческим талантом» [Придик, 1900, с. 133].

В Европе же, напротив, Спартак был хорошо известен, а восстание активно изучалось. Как резюмирует историк Е. А. Чиглинецев, в европейской историографии XVIII–XIX вв. сложился романтический образ Спартака [Чиглинецев, 2009, с. 194–195, 200]. По мнению советского историка А. В. Мишулина, он несколько раз актуализировался в связи с революционными событиями [Мишулин, 1936, с. 104]. Образ Спартака использовался в пропаганде с Великой Французской революции [Мишулин, 1936, с. 104]. Очередная актуализация произошла в 1870-е гг. и была связана с выходом романа «Спартак» итальянского писателя Р. Джованьоли, который сам придерживался левых убеждений. Роман перевели на русский язык, но запретили к распространению из-за народовольческого терроризма. В начале XX в. в Российской империи выходили переводы и вольные пересказы романа, они издавались книгоиздателями, придерживавшимися социалистических идей.

¹ Теория «революции рабов», разработанная А. В. Машкиным в 1930-е гг. и описанная в монографии «Спартакосское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до н.э.», в настоящее время опровергнута и признана историографическим мифом.

В годы Первой мировой войны имя предводителя рабов получило левое революционно-социалистическое крыло германской СДПГ, во главе которого стояли Р. Люксембург и К. Либкнехт. В 1916 г. созданный ими Союз Спартака участвовал в Ноябрьской революции 1918 г. и в образовании коммунистической партии Германии в 1919 г. Большевики заимствовали Спартака как революционный образ из европейской политической практики, что отразилось, в том числе, в митинговых речах и в постановлениях. Так, в июле 1918 г. в РСФСР выходит постановление «Об утверждении списка памятников великим людям». В постановлении Спартак первый в списке революционеров и общественных деятелей [Декреты Советской власти, 1964, с. 118]. Судя по всему, список компоновали не в хронологическом порядке, а по приоритету, иначе бы Спартак не «обогнал» Тиберия Гракха (163–133 гг. до н.э.). В августе 1918 г. В. И. Ленин на митинге в политехническом музее говорил, что «Спартак поднял войну для защиты поработенного класса» [Ленин, 1974, с. 65]. Уже обладая ореолом легенды, Спартак становится частью революционной мифологии. В первые годы советской власти на тему восстания Спартака выходит несколько произведений.

Первой книгой о восстании рабов, изданной при советской власти, была «Спартак. Предводитель римских гладиаторов» (1918 г.) Ц. С. Гуревич— члена РСДРП, видной участницы революционного движения [История дореволюционной России..., 1979, с. 207]. «Спартак» Ц. С. Гуревич представляет собой сокращенный пересказ романа Р. Джованьоли, что отражено в подзаголовке книги. Книга впервые вышла в партийном издательстве «Жизнь и знание» в 1918 г., в 1919 г. второе издание после реорганизации партийной печати осуществило издательство «Коммунист». Стоимость книги была невысокой, что должно было способствовать ее лучшему распространению среди населения. К моменту выхода книги уже вышел план монументальной пропаганды, где Спартак стоял первым в списке революционеров и общественных деятелей.

В переводе Гуревич из романа отобраны только фрагменты, относящиеся к ходу восстания; полностью отсутствуют романтические линии. Повествование предваряется предисловием автора, в котором подчеркивается реальность описываемых событий. Там же характеризуется тяжелое положение рабов и развращенный нрав римлян. Гладиаторские бои названы самой ужасной из грубых и жестоких забав римлян [Гуревич, 1919, с. 4]. Восстание рабов преподносится как месть римлянам и способ освобождения.

Образ Спартака складывается из описания внешности и характеристик; все эти черты взяты из романа Р. Джованьоли. Автор сразу выделяет Спартака из группы рабов на арене: «Ему только что минуло 30 лет. Длинные белокурые волосы и густая борода обрамляли его красивое, мужественное лицо. Особенно вы-

разительны были его большие синие глаза, полные жизни, чувства и огня» [Гуревич, 1919, с. 9]. Спартак наделен такими качествами, как твердость духа, благородство, отвага. Он обладает полководческими способностями и природный лидер, он привязан к своему войску и верен делу восстания, подготовке которого посвятил несколько лет жизни.

Джованьоли наделил своего персонажа революционным пафосом, которым наполнены речи Спартака перед войском. Эта стилистика плавно перешла в перевод Гуревич: «Кто из вас желает сделаться свободным, кто предпочитает жалкому существованию, на которое обречен, почетную смерть...» [Гуревич, 1919, с. 68]; «обретение свободы – единственная цель и радость жизни» [Гуревич, 1919, с. 82]; «... для того, кто сильно чего-нибудь желает, нет ничего невозможного» [Гуревич, 1919, с. 85].

Взгляд Спартака на общественное устройство представлен в его диалоге с римским посланником, который оказывается переодетым полководцем Лукуллом. Посланник (Лукулл) убежден, что рабство было и будет всегда, потому что по своей природе человек человеку – волк. Спартак же противопоставляет ему свой взгляд и рисует картину «золотого века» – времени, когда каждый кормился плодами своих трудов. Спартак осуждает рабство, полагая, что оно не должно быть прямым следствием неравенства [Гуревич, 1919, с. 107].

Спартак погибает в финальной битве с римским командующим Марком Крассом. Гуревич подводит итог жизни Спартака, называя его лучшим человеком своего времени, подчеркивая, что в нем соединились великое военное дарование, обширный ум, безграничная храбрость, редкая скромность и бескорыстие. Это финальный аккорд в воздействии на читателя, который делает Спартака примером для подражания, показывает его великим революционером. Специфика отбора исходного материала Р. Джованьоли для печати, время выхода книги Ц. С. Гуревич говорит о ключевом значении фигуры Спартака для большевистской пропаганды, представляет Спартака первопроходцем в деле устройства нового порядка, пусть его попытка и не увенчалась успехом.

Самостоятельным произведением явилась трагедия В. М. Волькенштейна «Спартак», написанная в 1920 г. Как указано в издании, в основе сюжета лежат данные, предоставленные Плутархом в жизнеописании Марка Красса. В 1923 г. трагедия была поставлена на подмостках Театра Революции. В. М. Волькенштейн был известной фигурой в театральных кругах. Он входил в режиссерскую коллегию МХТ, до революции публиковал критические заметки и статьи в журналах, среди которых «Русская мысль» и «Слово» [Русские писатели..., 1989, с. 481–482]. В. М. Волькенштейн создавал пьесы на историческую тематику. Одна из них посвящена восстанию рабов под предводительством Спартака.

Волькенштейн создает собственный сюжет, согласовывая его построение с канонами драматургии. У Плутарха он заимствует последовательность событий

восстания, но самостоятельно прописывает пребывание Спартака в школе гладиаторов; часть его окружения также вымышлена автором. Спартак поднимает восстание после того, как его вынуждают на арене цирка убить своего лучшего друга Берисада. Этот эпизод отсутствует в античных источниках, но прописан у Джованьоли, с той разницей, что Спартак отказывается убивать друга. Волькенштейн не описывает внешность Спартака, но с помощью разных приемов дает характеристику его личности. Один из приемов – реплики других персонажей: «пылкий, гордый нрав» [Волькенштейн, 1961, с. 40], «великий вождь» [Волькенштейн, 1961, с. 44]. Спартак говорит о себе как об «одном из множества рабов», в то время как войско называет его вождем [Волькенштейн, 1961, с. 48]. Другим приемом характеристики выступает сравнение: Спартак нацелен на победу, он не видит препятствий в достижении цели, и сравнивает свой путь с путем Александра Македонского. Возлюбленная Спартака Юлия сравнивает его с Ганнибалом.

Реплики Спартака полны революционного пафоса. Они не носят лозунговый характер и не стали афоризмами, что считает недостатком Ф. Степун, автор рецензии на пьесу [Степун, 1922, с. 39]. Однако стоит отметить, что в речь Спартака Волькенштейн явно вложил смыслы гимна Интернационала – гимна РСФСР с 1918 г. Так, в драме мы читаем: «Пусть же рухнет ветхое строенье / Рима старого; он был жесток. / На его обломках нечестивых / Государство славное создам» [Волькенштейн, 1961, с. 50]. В то же время гимн Интернационала содержит следующие строки: «Весь мир насилья мы разрушим / До основания, а затем / Мы наш мы новый мир построим, / Кто был ничем тот станет всем!» [Государственная российская символика..., 2003].

Трагедия была высоко оценена народным комиссаром просвещения А. В. Луначарским. В своем письме заместителю заведующего Госиздатом Д. Л. Вейсу он просил напечатать «Спартака» в первую очередь, потому что «подобных произведений у нас в литературе решительно мало» [Издание художественной литературы..., 2009, с. 159]. В то же время Валерьян Полянский (псевдоним литературного критика П. И. Лебедева-Полянского) критиковал произведение Волькенштейна за недостаточно показанную роль масс в восстании [Полянский, 1922, с. 296].

Таким образом, Спартак, заимствованный большевиками из европейской революционной символики, быстро стал инструментом их собственной символической политики. Образ первого революционера транслировался посредством художественной литературы, которая до распространения кинематографа была важнейшим каналом пропаганды. Первым шагом было издание сокращенных переводов романа Р. Джованьоли. После Октябрьской революции появляются самостоятельные произведения о Спартаке. Их анализ показывает, что в первых советских произведениях на тему восстания Спартака образ предводителя рабов

конструировался на основе: 1) скудных данных античных авторов; 2) европейской художественной литературы, из которой наибольшее влияние имел «Спартак» Р. Джованьоли. В пользу второго утверждения говорит тот факт, что за неимением других произведений первое время распространялись сокращенные переводы романа итальянского писателя. Данные источников используются авторами для построения сюжета произведения, в то время как некоторые детали биографии, окружение, речи придумываются ими самостоятельно. Описание внешности Спартака и характеристика его личных черт составляют образ великого, непобедимого полководца, лидера народных масс, стремящегося к установлению справедливости и горящего идеей восстания. Спартака сравнивают с величайшими полководцами древности: Александром Македонским и Ганнибалом. Это сравнение, вероятно, отталкивается от античных авторов, которые признавали полководческий талант предводителя рабов. Социалистические установки вкладывают в реплики Спартака, и наиболее показательна здесь трагедия В. М. Волькенштейна (в силу самостоятельности произведения), где герой говорит строками гимна Интернационала. Таким образом, Спартак вошел в советскую революционную мифологию как первый в мировой истории борец за справедливость.

Библиографический список

1. *Алексеева Д. Г.* Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука в России в XX веке. М.: Научно-исследовательский центр «Скрипторий», 1997. С. 13–51.
2. *Волькенштейн В. М.* Спартак // Волькенштейн В. М. Пьесы. Москва Советский писатель, 1961. С. 5–105.
3. *Гуревич Ц. С.* Спартак. Предводитель римских гладиаторов. Петроград: Коммунист, 1919. 146 с.
4. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 3, ч. 1. М.: Книга, 1979. 383 с.
5. Интернационал – гимн Советского Союза // Соболева Н. А. Российская государственная символика: история и современность. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 208 с. URL: <http://simvolika.rsl.ru/index.php?doc=291> (дата обращения: 25.10.2022).
6. *Коркина Е. Б.* Волькенштейн Владимир Михайлович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Сов.энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 481–482.
7. *Ленин В. И.* Речь на митинге в политехническом музее 23 августа 1918 г. // Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 65–70.

8. *Машкин Н. И.* Изучение истории Древнего Рима // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. С. 396–411.
9. *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в I веке до н.э. М.: ОГИЗ, 1936. 290 с.
10. *Нетушил И. В.* Обзор Римской истории. По лекциям, читанным в Императорском Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. Харьков: Типография «Печатник», 1912. 412 с.
11. Письмо Наркома Просвещения А. В. Луначарского зам. зав. Госиздата Д. Л. Вейсу // Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по фонду Госиздата / сост. Л. М. Креси́на, Е. А. Динерштейн; науч. ред. Е. А. Динерштейн. М.: РОССПЭН, 2009. С. 159.
12. *Полянский В.* Владимир Волькенштейн. Спартак. (рец.) // Печать и революция. М.: Государственное издательство, 1922. С. 296.
13. Постановление «Об утверждении списка памятников великим людям» от 30.07.1918 г. // Декреты Советской власти. Т. III. М., 1964. С. 118–119.
14. *Придик А. М.* Спартак // Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского; Изд. Ф. А. Брокгауз [Лейпциг], И. А. Ефрон [Санкт-Петербург]. СПб.: Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1900. Т. 31. С. 133–134.
15. *Степун Ф.* О сущности трагедии (По поводу трагедии Владимира Волькенштейна «Спартак») // Культура театра. 1922. № 1-2. С. 39.
16. *Чигли́нцев Е. А.* Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XX века. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2009. 290 с.

“LIBERATION IS OUR ETERNAL CALL!”. THE IMAGE OF SPARTACUS IN THE FICTION OF THE FIRST YEARS OF SOVIET UNION

Pchelkina Anastasia K.

Yaroslavl State Pedagogical University, 108/1, Respublikanskaya st.,
Yaroslavl, 150000, Russia, p4elkina.nas@yandex.ru

The article is devoted to the specifics of the representation of the image of Spartacus in the fiction of the first years of Soviet power. Spartacus, which became a symbol of the revolutionary struggle in the second half of the 18th century, was borrowed by the Bolsheviks from European political practice. The image of the «first revolutionary» quickly entered the arsenal of Bolshevik symbolic politics and was used in propaganda, one of the means of which was fiction. The author identifies the sources from which the image of Spartacus was formed in the Bolshevik propaganda, and explores the artistic methods of depicting Spartacus in the novel by Ts. S. Gurevich "Spartacus" (1918) and the tragedy by V. M. Volkenstein "Spartacus" (1920).

Key words: *Spartacus; representation; revolutionary tradition; symbolic politics; Bolshevik propaganda; V. M. Volkenshtein; Ts. S. Gurevic.*

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕНЗУРНЫХ МЕХАНИЗМОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНОПРОИЗВОДСТВЕ

Чайкина Наталья Вячеславовна

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
634050, Россия, Томск, просп. Ленина, 36, n.chajkina@bk.ru

Цензура на протяжении длительного времени выступает главным инструментом идеологического воспитания и контроля над обществом. Однако с переходом к демократическим принципам построения общества данный феномен становится неприемлемым и законодательно истребляется. В связи с этим актуальность представляет обращение к формированию разновидностей цензурирования и его влиянию на развитие культуры. Предметом исследования автора статьи является феномен цензуры в отечественном кинематографе (рассматривается три периода: советский, 1990-е гг., 2000-е–2010-е гг.). В результате исследования определяются основные формы трансформации цензуры в демократическом обществе и ее влияние на развитие кинематографа указанных периодов.

Ключевые слова: самураи; цензура; отечественный кинематограф; новые ограничительные меры; советский период; постсоветский период.

С образованием СССР меняется отношение к кинематографу: он воспринимается, как один из главных инструментов идеологического воспитания населения. Период конца 1910-х–1930-х гг. ознаменовывается становлением и институционализацией цензуры, а также ее законодательным оформлением.

Первым шагом стало принятие декретов «Об учреждении Совета Народных Комиссаров (СНК)», а также «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению (ГКП)» 1917 г., которые регламентировали взятие под контроль со стороны власти искусства и просвещения. В 1918 г. выходит обращение президиума Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москва и Московской области «Ко всем товарищам, работающим в области кинематографии», которое регламентирует содержательную часть кинематографа и деятельность киностудий. В 1918 г. был основан Областной кинематографический комитет – первый орган, установивший контроль над кинопроизводством, в компетенции которого входило решение всех вопросов, связанных с кинематографом. В 1919 г. кинопромышленность национализируется, что подтверждается декретом СНК РСФСР «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Наркомпроса РСФСР». Данные положения свидетельствуют о законодательном закреплении цензуры. Вместе с тем необходимо от-

метить, что в начале становления идеологических ограничений, в силу их неокончательной оформленности, кинематографисты «нередко вводили в заблуждение Отдел рецензий, предварительно вырезая из позитивной копии куски, которые могли не понравиться чиновникам» [Насртдинова, 2017, с. 46], после допуска фильма к прокату, сцены из фильма вклеивали обратно. Однако с 1922 г. данная возможность истребляется, регулирующие органы не принимают работы без вырезанных фрагментов фильмов и монтажных листов, что значительно ограничило кинематографистов в обходе закона. Эти процессы свидетельствуют об институционализации цензуры и ее укреплении.

Период существования СССР нельзя считать однородным, так как с 1920-х гг. и до 1980-х гг. наблюдаются попеременные усиления и снижения идеологического контроля. В рамках данной работы автор считает необходимым остановиться на периоде 1960-х–1980-х гг., рассмотрев усиление идеологической цензуры в кинематографе. Идеологическая цензура – это запрет на произведения искусства и информацию, которые не соответствуют основным идеям политической власти. Усиление данного феномена в области кинематографа в рамках рассматриваемого периода подтверждается нормативно-правовыми актами, в которых большое внимание уделяется идеологической составляющей фильмов [Постановление ЦК КПСС, 7 января 1969 г.; Постановление ЦК КПСС от августа 1972 г.; Шауров, 1967].

Прежде чем предстать перед зрителем в 1960-е гг., фильм должен был пройти через ряд контролирующих ведомств. Первым был редактор, задача которого состояла в определении идейного и художественного уровня сценариев. Сценарий утверждался руководством и худсоветом творческого объединения, руководством студии, органами республиканских кинокомитетов, после чего попадал в Главную сценарно-редакционную коллегию Кинокомитета (ГСРК). За ней был закреплён самый широкий круг задач и полномочий, среди которых идеологический контроль над репертуаром советского кино, стратегическое руководство всем кинопроцессом. При Д. К. Орлове принцип персонального кураторства студией был дополнен тем, что были образованы «кусты» – тематические группы по самым кардинальным тематическим направлениям. Создавалась группа редакторов, которая отвечала за разработку современной тематики. Каждое подобное объединение должно было обеспечивать рост и движение в правильном направлении важной тематической линии советского кинематографа. При этом за КПСС оставалось монопольное право определять и проводить политику в духовной сфере. В. И. Фомин также пишет о «закрытых» заключениях на сценарии, которые подготавливали не только официальные служащие комитета, но и «маститые кинематографисты» [Кино и власть..., 1996, с. 341]. Подобные заключения заказывались на «подозрительные» сценарии, вызвавшие у комитета сомнения по идейной или художественной части.

Среди основных причин недопуска фильмов в этот период выделяются: искажение советской действительности (омрачение состояния деревни и быта советского человека, чрезмерное употребление алкоголя, жестокость людей, демонстрация драматического и трагического), присутствие религиозных мотивов, чрезмерное «философствование» и элитарность, неприемлемая трактовка истории (не соответствующая курсу советской власти). Среди основных мер, осуществляемых в процессе цензурирования, можно выделить: редактирование, ограничение тиража, запрет на фильм, признание режиссера профессионально не пригодным.

Официальная цензура данного периода позволяла обеспечить идеологическое воспитание советского общества, формировала единую мировоззренческую концепцию, повышала художественное значение фильмов за счет метафоричности языка. Вместе с этим этап сопровождался массовыми запретами на нежелательные темы, которые оказали большое влияние на судьбу отдельных кинематографистов и их картин. Взамен на это кинематографисты получали полную финансовую поддержку и художественную свободу, выражавшуюся в отсутствии необходимости погони за исключительно коммерческим успехом.

Съезд кинематографистов 1986 г. становится переломным моментом в истории отечественного кинематографа. Одной из поднятых на Съезде проблем стала система государственного планирования, производства и проката, в результате чего основной задачей становится борьба за независимость киностудий. В результате борьбы за независимость встает вопрос финансирования, который ранее решался неудобной теперь системой государственного планирования. В 1987 г. учреждается конфликтная комиссия, основной задачей которой становится пересмотр и, в случае положительного решения, выпуск в прокат фильмов, которые были запрещены на протяжении двух десятилетий. После планомерной работы многие картины нашли своего зрителя и принесли славу отечественному кинематографу («История Аси Клячиной» А. Кончаловского, «Интервенция» Г. Полоки, «Комиссар» А. Аскольдова и др.). Основными последствиями Пятого съезда кинематографистов стали смена руководства Союза, фактический конец политической цензуры в кино, допуск к прокату большого количество фильмов, переход проката на рыночную экономику. В начале 1990-х гг. эти процессы способствовали повышению посещаемости кинотеатров.

В связи с резкими переменами в стране и в сфере кинематографа после Пятого съезда кинематографистов, кинопроизводство начала 1990-х гг. приняло стихийный характер. В финансировании фильмов принимали участие всевозможные предприятия, банки, кооперативы, а также частные лица. Фильмы начали снимать те, кто был способен найти финансовое обеспечение для кинопроизводства, вне зависимости от уровня образования и профессиональной принадлежности.

Главной проблемой кинематографистов в 1990-е гг. стала их неосведомленность в сферах экономики, финансирования, социологии кинематографа. Таким образом, государственная монополия на производство и прокат фильмов разрушается, авторы получают свободу в создании произведений, но новым барьером становится отсутствие государственного содержания проектов и законодательной базы, необходимой для развития молодого российского кинорынка.

К середине 1990-х гг. постепенно стала уменьшаться посещаемость кинотеатров. Большое влияние на становление данной проблемы оказала видеореволюция, которая проявила себя в СССР в середине 1980-х гг., в эпоху «перестройки» (в Западной Европе, Японии и США данные процессы начались в 1970-х гг.). Распространение получает и телевидение. Постсоветский кинотеатр не был обновленным, в нем все также находилась «не менявшаяся десятилетиями проекционная аппаратура, нещадно рвавшая пленку, плохой звук» [История кино ..., 2008, с. 379]. Эти причины со временем приводят к тому, что население отдает предпочтение домашнему просмотру, а не походу в кинотеатр.

Поиск источников финансирования и учет спроса со стороны зрителя говорит о том, что в 1990-е гг. появляется коммерческая цензура, которая включает в себя ограничения, основанные на необходимости производителей информационного контента и произведений исходить из цели окупаемости, поддерживать массовые взгляды в обществе для получения наибольшей финансовой выгоды.

Таким образом, с переходом к свободной от идеологического контроля модели кинопроизводства, складывается ряд новых для отечественных кинематографистов проблем. Среди них необходимо отметить: финансирование кинопроизводства, потеря интереса зрителя к отечественному кинематографу, отсталость технического оснащения кинотеатров. Поэтому данный этап сопровождался поиском способов финансирования отрасли, созданием законодательной базы для регулирования процессов в сфере образовавшегося кинорынка, определением основных задач для модернизации, способов привлечения зрителя. Таким образом, кинематографисты сталкиваются с феноменом коммерческой цензуры.

Принятая в 1993 г. Конституция закрепляет за Россией статус демократического государства. В политическом аспекте демократических стран важным становится разграничение понятия цензуры и ограничительных мер. Современные меры, ограничивающие информационные и культурные аспекты, исходят из прав и свобод человека, признанных в конвенциях и других нормативно-правовых актах демократических государств. Если обращаться к опыту России, основными причинами введения ограничительных мер на момент 2018 года, С. А. Куликова [Куликова, 2018, с. 331] выделяет следующее: 1) цензура и ограничения свободы массовой информации в целях защиты нравственности; 2) цензура и защита чести и достоинства человека и гражданина; 3) цензура и ограничения сво-

боды на передачу, производство и распространение информации, предусмотренные законодательством о противодействии терроризму и экстремизму. Таким образом, 2000-е гг. ознаменовались становлением новых ограничительных мер – разновидности цензурирования, основанной на защите прав и свобод человека, провозглашенных в нормативно-правовых актах.

В законодательных актах данного периода [Постановление Правительства РФ «О функционировании...», 2010; Письма Министерства культуры от 2010, 2011, 2013 гг.; Приказ Министерства культуры РФ «Об утверждении...», 2011] об идейном содержании кинопроизведений и его контроле не упоминается. Кинопроизводство рассматривается как экономический процесс, который нуждается в технической оснащенности, модернизации. В этом отражается желание власти вывести кинематографическую отрасль на самоокупаемость, делая экономику кинотеатров «прозрачной» и тем самым снижая риски неправомерного оттока прибыли с показов фильмов. Проанализированные нормативно-правовые акты не предполагают идеологического контроля над кинематографическими произведениями, тем не менее подчеркивают важную роль государства в системе кинопроизводства и тем самым оставляют ему определенную сферу влияния.

Среди новых способов ограничительных мер в сфере кинематографа можно отметить возрастные рейтинги, сокращение времени показа, заглушение бранных слов, присуждение в прокате неприбыльного временного интервала. Данные способы цензурирования в большей степени вынуждают режиссеров «подгонять» свои работы под общие стандарты или же выпускать фильмы не для показа, сохраняя задуманную идейную основу («Праздник» А. Красовского).

Под цензуру в классическом понимании запрета и ограничения чаще попадает нецензурная лексика и омрачение истории (демонстрация проблемных сторон того или иного события в истории, исторической личности). Как утверждает В. Иноземцев, историческая память народа, его героизм, а также военизированность являются главным инструментом политики власти [Иноземцев, 2018, с. 40]. Поэтому «черная комедия про блокаду Ленинграда» [Долин, 2020, с. 175] А. Красовского «Праздник» получила ожесточенную реакцию со стороны депутатов Государственной Думы.

Если обращаться к ограничениям фильмов с нецензурной лексикой, можно рассмотреть в качестве примера фильм А. Звягинцева «Левиафан». Запрещенные слова пришлось закрывать шумовыми эффектами, сам режиссер признает, что в нескольких местах отсутствие выражений заметно. Правовое регулирование данного процесса обеспечивает [Федеральный закон «О внесении изменений...», 2014]. Данный акт запрещает выдачу прокатных удостоверений на фильмы с нецензурной бранью, а также их массовую демонстрацию в кинозалах.

Помимо этого, появляется новый способ ограничений – возрастные рейтинги. Его регулятором становится Федеральный закон «О защите детей от ин-

формации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 [Федеральный закон «О защите детей...», 2010]. С 2012 г. система возрастных рейтингов действует в российском кинопрокате: существует пять категорий контента: «0+», «6+», «12+», «16+» и «18+». Присуждение определенного рейтинга влияет на масштаб допущенной для просмотра аудитории, а также на время проката в кинотеатре. Вместе с тем задачей данных ограничений служит обеспечение психологической безопасности детей.

В 2000-е гг. продолжают наблюдаться проявления коммерческой цензуры, зародившейся в 1990-е гг. То есть заведомо коммерчески неуспешные картины остаются недоступными для широкого экрана. По представленным М. И. Жабским [*Жабский*, 2012, с. 652] данным, в 2003 г. из 61 фильма в прокате оказались только 40 (66%), в 2004 г. – 63 %, 2005 г. – 87%, 2006 г. – 67%, 2007 г. – 87 %.

Таким образом, в 2000-е гг. в сфере кинопроизводства вводятся определенные ограничения, которые имеют стихийный характер, срабатывают частично, при этом напоминая феномен цензурирования и основываясь на защите прав человека. Основными мерами ограничений в современном отечественном кинематографе становятся: отказ в финансовой поддержке со стороны государственных организаций; присуждение наивысшего возрастного рейтинга, ограничивающего масштаб аудитории; присуждение невыгодного прокатного времени, что приводит к низким кассовым сборам; наложение шумовых эффектов на нецензурную брань при прокате. Зачастую табуированной остается тема истории: демонстрация не героизма, а обратной стороны любых исторических достижений народа и страны. Тем не менее, в сравнении с советским периодом, становится возможным рассмотрение большего количества тем. Основным способом ограничений служит уменьшение возможностей получения прибыли с проката картины, что говорит о наличии коммерческой цензуры, сформированной в 1990-е гг. с переходом к рыночной системе.

Подводя итоги можно подчеркнуть, что с социокультурными процессами истории развития страны видоизменяется и феномен цензурирования. В советский период это строгая идеологическая цензура, рассматривающая каждый фильм и ограничивающая прокат идеологически опасных работ; в первое постсоветское десятилетие – феномен идеологической цензуры сменяется коммерческой, режиссер получает свободу со стороны государственной власти, но становится вынужденным следовать запросам зрителя; период 2000-х гг. – формирование новых ограничительных мер, часто срабатывающих стихийно и транслирующих принципы демократического общества. Таким образом, можно утверждать, что формы цензурирования функционируют на протяжении всего рассмотренного исторического периода, сопровождаясь при этом сменой институтов и способов осуществления.

Библиографический список

1. *Беленький И. В.* История кино: Годы беззвучия: Учебное пособие / под ред. В. А. Лукова. М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина, 2008. 416 с.
2. *Долин А. В.* Миражи советского: очерки современного кино. М.: Изд-во АСТ, 2020. 391 с.
3. *Жабский М. И.* Киноситуация в России после кризиса 1990-х годов. Реалии кризисного периода // Культура России. 2000-е годы. СПб.: Изд-во Алетейя, 2012. С. 647–670.
4. *Иноземцев В.* Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер, 2018. 404 с.
5. *Куликова С. А.* Конституционный запрет цензуры в решениях конституционного суда РФ // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. С. 330–337.
6. *Насртдинова А. Р.* Цензурный механизм в советской кинематографии 1920-х годов // Вестник Всероссийского государственного университета кинематографии. 2017. № 2(32). С. 45–55.
7. *Фомин В. И.* Кино и власть: Советское кино: 1965–1985 годы. Документы, свидетельства, размышления / под ред. А. А. Нуйкина. М.: Материк, 1996. 370 с.

EVOLUTION OF CENSORSHIP MECHANISMS IN DOMESTIC FILM PRODUCTION

Chaikina Natalia V.

National Research Tomsk State University,
36, Lenina ave., Tomsk, 634050, Russia, n.chaikina@bk.ru

Censorship has been the main tool of ideological education and control over society for a long time. However, with the transition to democratic principles of building society, this phenomenon becomes unacceptable and is legally exterminated. In this regard, the relevance is the appeal to the formation of varieties of censorship and its impact on the development of culture. The subject of the author's research is the phenomenon of censorship in Russian cinema (three periods are considered: Soviet, 1990s, 2000s–2010s). As a result of the research, the main forms of censorship transformation in a democratic society and its impact on the development of cinematography of these periods are determined.

Key words: censorship, domestic cinema, new restrictive measures, Soviet period, post-Soviet period.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТРИМОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ФИЛИППА II МАКЕДОНСКОГО В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ

Борисова Елизавета Юрьевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, 603950, Россия, Нижний Новгород,
просп. Гагарина, 23, elizaveta_borisova20@mail.ru

В античной и современной историографии господствует мнение о полигамности македонского царя Филиппа II. Целью настоящей статьи является анализ взглядов античных и современных авторов на характер брачных отношений македонского царя Филиппа II и его матримониальной политики в целом, а также объяснение мотивов авторов, которые однозначно относят македонского правителя к полигамным царям. Помимо таких обстоятельств, как греческое происхождение античных авторов, презрительное отношение к македонянам как к «варварам», при исторической интерпретации матримониальной политики Филиппа Македонского следует помнить, что период правления этого царя был переломным как для Македонии, так и для всего греческого мира. Все же доказательства современных авторов, утверждающих, что Филипп II был царем-многоженцем, выглядят лишь как некие попытки рационализировать историю, зная ее последствия.

Ключевые слова: Македония; Филипп II Македонский; матримониальная политика; полигамность; историческая интерпретация.

Каждый исторический источник отражает субъективную версию события автора этого источника. Зачастую смысл, заложенный авторами в работах, может противоречить исторической реальности. Тогда главной целью исследователя становится не просто интерпретация позиции автора источника, но опровержение этой точки зрения или выяснение авторского мотива и замысла. Целью настоящей статьи является анализ взглядов античных и современных авторов на характер брачных отношений македонского царя Филиппа II и его матримониальной политики в целом, а также объяснение мотивов авторов, которые однозначно относят македонского правителя к полигамным царям.

Матримониальная политика македонских царей преследовала, как правило, две цели: политическую и династическую, рождение как можно большего числа сыновей, потенциальных наследников [Сивкина, 2012, с. 161]. В период правле-

ния Филиппа II наиболее ярко проявлялся именно первый аспект, а брачные союзы заключались главным образом с целью укрепления международного положения Македонии. Практически все античные авторы сходятся в мнении о том, что македонский царь мог находиться в браке одновременно с несколькими женщинами. С одной стороны, у Филиппа к концу его правления насчитывалось семь жен, что действительно было прецедентом в эллинистическом мире. Однако, с другой стороны, это еще не говорит о том, что царь был женат на них одновременно, а значит был полигамен. Но как в античной, так и в современной историографии господствует мнение о полигамности македонского царя Филиппа II. Интересно, что имеющиеся в нашем распоряжении античные источники не позволяют сделать однозначного вывода в пользу полигамного характера брачных союзов Филиппа II. Однако в каждом из источников без прямых указаний прослеживаются авторские намеки на многоженство македонского царя.

Основными нарративными источниками эпохи античности, в которых отражены сведения о матримониальной политике Филиппа, являются XVI книга труда Диодора Сицилийского «Историческая библиотека» (I в. до н. э.) (*Diod. XVI*; *Diod.* – Диодор Сицилийский. Историческая библиотека), эпитома Юстина (II–III вв. н. э.) (*Iust. VII, VIII, IX*; *Iust.* – Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа»), труд Афинея «Пир мудрецов» (II–III веков н. э.) (*Athen. XIII*; *Athen.* – Афиней. Пир мудрецов), а также отчасти «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (I в. н. э.) (*Plut. Alex*; *Plut.* – Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр). Из современных исследователей к этой проблеме обращались такие авторы, как Уортингтон Й. [*Уортингтон*, 2018], Кэрни Е. Д. [*Carney*, 2012; 2000], Уолбенк Ф. У. [*Walbank*, 1984, p. 62–100], Киляшова К. А. [*Киляшова*, 2018, с. 240–248].

Фрагмент из жизнеописания Филиппа, составленный перипатетиком Сатиром в IV в. до н. э. и позднее вошедший в сочинение Афинея «Пир мудрецов» (II в. н. э.) является единственным источником, где перечисляются все семь жен македонского царя и причины заключения этих браков. Это интересный источник нравов, обычаев, общественной и частной жизни именно древних греков, однако анализ традиций и обычаев македонян требует более внимательного изучения и одновременного сравнения с другими источниками. Например, на основе небольшого отрывка Афинея с перечислением всех жен Филиппа Македонского базируются данные о полигамности Филиппа, который «ввел в дом» вместе с Олимпиадой Меду, а потом Клеопатру, предполагая, что одновременно с Олимпиадой у Филиппа было две жены (*Athen. XIII. 5*). Однако К. А. Киляшова обратила внимание на использование глагола *ελεῖσθαι*, который в переводе означает «вводить помимо, вновь», но важно, что другое значение этого глагола «вводить

взамен, заменять» [Киляшова, 2018, с. 243]. Этот глагол дублируется и при заключении брака с Медой, и при заключении брака с Клеопатрой. Такой подход Афиней, подчеркивающий возможную полигамность македонского царя, во многом обусловлен тем, что главной авторской целью было не истинное описание личных взаимоотношений македонского двора, а лишь демонстрация сложностей, причиняемых многоженством.

Некоторые сведения о матримониальной политике Филиппа Македонского можно обнаружить и в эпитоме сочинения Помпея Трога «История Филиппа», составленной Юстином (II-III вв. н. э.). Анализируя данный источник, следует помнить, что автор не только сильно сократил оригинал, но и исказил его. Произвольность подхода Юстина ясна из предисловия, где он определяет принципы, которыми руководствовался: «...я на досуге... извлек все, наиболее достойное внимания, и опустил то, что не могло ни доставить удовольствия... ни послужить полезным примером» [Кузищин, 1982, с. 48]. Важным с точки зрения интерпретации матримониальной политики македонского царя является то, что Юстин, как вероятно и Помпей Трог, враждебно относился к македонскому дому. Это подтверждается, например, неоднократным подчеркиванием низкого положения третьей жены Филиппа или многочисленными рассказами о том, что Филипп всегда вероломно грабил союзные города и продавал в рабство женщин и детей, хотя известно, что царь неоднократно относился снисхождением к побежденным (*Just.* IX. 8. 2; XIII. 2.1) (*Just.* – Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа»). Неудивительно, что и этот античный автор с презрением относится к брачной политике македонского царя.

Отдельные упоминания о женах Филиппа и в целом о его матримониальной политике встречаются в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха. И хотя отдельной биографии Филиппа II Плутарх не написал, однако жизнеописания Пелопида и Александра имеют непосредственное отношение к жизни и деятельности данного македонского царя. Сам Плутарх во введении к биографии Александра говорит о том, что цель жизнеописания – не биография, а характеры («этосы») героев. Важно, что Плутарха интересуют, прежде всего, «добродетель или порочность», т. е. морально-этический подход является ведущим на протяжении всего повествования. В данном исследовании представляется крайне важным обратить внимание на этот факт при анализе характеристики Филиппы, третьей жены Филиппа II, названной Плутархом «распутной» женщиной (*Plut. Alex.* 77. 5) (*Plut.* – Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр). В соответствии с морально-этическим подходом Плутарх подбирал материал из многочисленных произведений. Мельчайшие факты, события, описания и анекдоты тщательно собирались им и включались в общую художественную ткань. В связи с этим, проблемой настоящего источника является достоверность сведений.

Кроме того, не следует забывать, что Плутарх как моралист пишет о македонских обычаях, воспринимая их через призму греческого образования и нравов. Поэтому его оценки этической стороны жизни царя довольно трудно признать правильными.

Меньше всего сведений, касающихся брачной политики Филиппа, встречается у Диодора. Однако нам известно, что его труд представляет собой компилятивное произведение, которое автор не просто механически скопировал, но и значительно сократил. Небрежности при сокращении часто лишают текст ясности, а описание некоторых исторических событий содержат определенные стереотипы [Кузищин, 1982, с. 48]. К подобным стереотипам можно отнести и восприятие Филиппа II как царя-многоженца. Кроме того, известно, что Диодор происходил из сицилийского городка Агирия и, несомненно, понимал то место и значение, которые принадлежали Великой Греции и Сицилии в общегреческой истории по сравнению с Македонией [Фролов, 2004, с. 173].

В целом античные источники, в которых с разной степенью подробностей отражены аспекты матримониальной политики македонского царя, очень противоречивы. Каждое из сочинений имеет существенные недостатки, которые влияют на выяснение характера брачных союзов Филиппа II. При исторической интерпретации рассмотренных трудов важно обратить внимание на тот факт, что все источники без исключения являются не только поздними для описываемого времени, но и немакедонскими (преимущественно греческими) по происхождению, что оставляет существенный след на представлении матримониальной политики Филиппа Македонского и его многочисленных жен. Возможно, архаические традиции македонской монархии позволяли царю легко возвращать жен и вступать в новые браки, однако нельзя утверждать, что он был полигамен. Учитывая, что сочинения в основном греческие, в них сильно чувствуется отрицательное отношение автора к македонскому дому и к матримониальной политике царя в частности. Традиционная дихотомия «эллыны-варвары» не потеряла своей актуальности и после покорения Греции Македонией. К тому же некая обида и чувство несправедливости коренных греков по отношению к македонским царям сохранялась и спустя века, когда жили и трудились такие авторы, как Афинея, Плутарх, Юстин и Диодор. Не исключено, что именно формирование негативных представлений греков о Филиппе способствовало и закреплению в античной историографии мнения о полигамности македонского царя-варвара.

Интересно, что и в современной историографии господствует мнение о полигамности македонского царя. Однозначно относят Филиппа II к многоженцам Е. Д. Кэрни, Й. Уортингтон и множество других современных историков. Причем если Й. Уортингтон в своей обобщающей монографии «Филипп II Македон-

ский» лишь останавливается на перечислении жен царя с их краткой характеристикой, утверждая, что Филипп не имел обыкновения разводиться с одной женой, чтобы жениться на другой [*Уортингтон*, 2018, с. 233], то Е. Д. Кэрни ставит своей целью именно доказательство его полигамности [*Carney*, 2000, р. 19]. При этом важно еще раз подчеркнуть, что в античных источниках нигде нет именно прямого указания на то, что Филипп одновременно находился в браке с несколькими женщинами. В связи с этим все доказательства Е. Д. Кэрни выглядят как некие попытки рационализировать историю, зная ее последствия. Полигамность при дворе македонских царей может быть не более чем историографическим конструктом.

Кроме того, конечно, существуют историки, которые поддерживают версию о моногамности македонского царя. Среди них можно отметить Ф. У. Уолбенка и К. А. Киляшову. В частности, К. А. Киляшова, сравнивая брачную политику Филиппа II и Александра Великого, приходит к выводу о невозможности одновременных браков Филиппа II с несколькими женщинами по ряду объективных обстоятельств, что подтверждается историческими свидетельствами и другими источниками [*Киляшова*, 2018, с. 247] (в частности, сочинением Стефана Византийского, которое многие авторы обделяют вниманием, рассматривая многочисленных жен Филиппа) [Там же, с. 243].

Таким образом, следует признать, что полигамность не была ведущей тенденцией в брачной политике македонских царей [*Киляшова*, 2018, с. 6], что доказывает анализ брачных союзов македонских царей до Филиппа, матримониальная политика самого Филиппа и брачные союзы его последователей, а скорее являлась историографическим конструктом. Для исторической интерпретации матримониальной политики Филиппа Македонского и характера его отношений с женами следует помнить о том, что период правления этого царя был переломным для Македонии и всего греческого мира. Неудивительно, что Филипп II, показавший себя не только военным лидером, но и выдающимся дипломатом, коварным и хитрым правителем, использовал любую возможность для извлечения прибыли и для возвышения государства, в том числе и из династических союзов. Время правления этого неординарного человека совпало с переходной эпохой, периодом подчинения Греции Македонией, что не могло не способствовать формированию негативных представлений о Филиппе среди античных историков, в том числе и мнения о его полигамности. Что касается современных авторов, то традицию представления Филиппа в качестве многоженца можно рассматривать лишь как историографический конструкт и попытку рационализации матримониальной политики царя, начавшуюся с Е. Д. Кэрни и поддержанную многими современными авторами.

Список источников

1. *Афиней*. Пир мудрецов // Симпосий Συμπόσιον / пер. с древнегреч. Н. Т. Голинкевича. URL: <http://simposium.ru/ru/node/868> (дата обращения: 28.12.2023).
2. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека // Симпосий Συμπόσιον / пер. с древнегреч. Г. П. Власова и др. URL: <http://simposium.ru/ru/node/863> (дата обращения: 28.12.2023).
3. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах / пер. с древнегреч. М. Н. Ботвинника, И. А. Перельмутера. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1439003300> (дата обращения: 28.12.2023).
4. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» // Симпосий Συμπόσιον / пер. с древнегреч. А. А. Деконского, М. И. Рижского. URL: <http://simposium.ru/ru/node/35> (дата обращения: 28.12.2023).

Библиографический список

1. Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма): учебное пособие / под ред. проф. В. И. Кузищина. М.: Изд-во Московского университета, 1982. 240 с.
2. *Киляшова К. А.* Брачная политика царей династии Аргеадов. Проблема полигамии // Университетский научный журнал. 2018. № 38. С. 240–248.
3. *Сивкина Н. Ю.* Эллинизация Македонии в IV–III вв. до н. э.: к вопросу о политическом аспекте объективного процесса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6(3). С. 157–167.
4. *Уортингтон Й.* Филипп II Македонский / пер. с англ. С. В. Иванова. СПб.; М., 2018. 400 с.
5. *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. 2-е изд. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2004. 266 с.
6. *Carney E. D.* Oikos Keeping: Women and Monarchy in the Macedonian Tradition // A Companion to Women in the Ancient World. 2012. P. 304–314.
7. *Carney E. D.* Women and Monarchy in Macedonia. Norman: University of Oklahoma Press, 2000. 369 p.
8. *Walbank F. W.* Monarchies and monarchic ideas // The Cambridge Ancient History. 1984. VII. P. 62–100.

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE MATRIMONIAL POLICY OF PHILIP II THE MACEDONIAN IN THE WORKS OF ANTIQUE AND MODERN AUTHORS

Borisova Elizaveta Yu.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Gagarin ave.,
Nizhny Novgorod, 603950, Russia, elizaveta_borisova20@mail.ru

In ancient and modern historiography, the opinion about the polygamy of the Macedonian king Philip II dominates. The purpose of this article is to analyze the views of ancient and modern authors on the nature of the marriage relations of the Macedonian king Philip II and his matrimonial policy in general, as well as to explain the motives of the authors who unambiguously attribute the Macedonian ruler to polygamous kings. In addition to such circumstances as the Greek origin of ancient authors, the contemptuous attitude towards the Macedonians as “barbarians”, in the historical interpretation of the matrimonial policy of Philip of Macedon, it should be remembered that the period of the reign of this king was a turning point both for Macedonia and for the entire Greek world. Yet the evidence of modern authors who claim that Philip II was a polygamist king looks like some kind of attempt to rationalize history, knowing its consequences.

Key words: Macedonia; Philip II of Macedon; matrimonial policy; polygamy; historical interpretation.

АНТИЧНЫЙ ВРАЧ КАК СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА ЖРЕЦОВ И ЭМПИРИКОВ

Джуган Арина Васильевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614015, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24, dzhugan44@gmail.com

Античная медицина включает в себя представления, выраженные в мифах, религии, философии и науке. Традиционно выделяют магическую медицину, основанную на поклонении богу медицины Асклепию, и рациональную – заслугу медицинских школ. Это стало причиной образования двух профессиональных сообществ врачей: жрецов и эмпириков. Однако две ветви медицины взаимодействовали друг с другом и обладали рядом схожих признаков: семейное образование, наличие тайны и другое. Делается вывод о том, что оба направления характеризовались крайней неоднородностью, а их разграничение является условным.

Ключевые слова: античная медицина; античный врач; асклепейон; Асклепий; Гиппократ.

В любое время профессия врача представляла собой не только выполнение прямой обязанности лечения больных, но и демонстрировала собой уникальное профессиональное сообщество со своими правилами и нормами, идеалами и пороками, внутренней иерархией и положением в обществе. Как итог – врач, подчиненный правилам своей «касты», включался в систему коммуникаций как внутренне (отношения врач-врач, врач-больной), так и внешне (врач-общество). Антропологию врачебной деятельности можно проследить и в Античности, которая оставила полярные факты о медицинских работниках того времени.

В отечественной и зарубежной историографии принято признавать две ветви медицины – магическую и рациональную. Историки медицины придерживаются разных позиции относительно взаимодействия магического и рационального в медицине, однако традиционно они понимаются как «две медицинские традиции, но совершенно отличные друг от друга» [Боннар, 1994, с. 409]. Поэтому в зависимости от господствующего типа мировоззрения в медицине сложилось два профессиональных общества, которые, выполняя одно предназначение – лечение больных, относились и, что важно, относили себя к разным категориям.

Жреческое общество в медицине являлось прототипом каст врачей-жрецов в Древней Месопотамии и Египте. Жрецы здесь были не оракулами, а проводниками воли бога медицины Асклепия в асклепейонах (храмах, посвященных ему),

что проявлялось в их главной функции – толковании сновидений после инкубации (ἐνχοίμησις) – процедуры священного сна, которую называют «одной из основных и наиболее мощных практик сновидений за всю историю человечества» [Tick, 2001, p. 36]. Перед инкубацией, чтобы воззвать бога и ввести больных в особое психическое состояние, жрецы проводили ряд театрализованных ритуалов и обрядов: песнопение, торжественное шествие, переодевание в Асклепия, Гигиену, Панакею и др.

Не осталось источников, свидетельствующих о структуре жреческого медицинского общества. Возможно, служение культу Асклепия было семейным занятием, допускавшее принятие людей из вне. Известно, что греческий ритор II в. Элий Аристид, получавший от бога наставления во снах более десяти лет, по собственной воле стал его жрецом.

Поклонение Асклепию оставалось популярной практикой, но оно не смогло затмить эмпирическое врачевание полностью. Вероятно, это связано с тем, что религия в Древней Греции не была официально регламентирована на государственном уровне, поэтому как храмовая медицина не получила должной специализации, так и жрецы Асклепия не смогли составить четко оформленную корпорацию в отличие от медицины Египта. Египетским богом медицины считался Имхотеп, в эпоху эллинизма обожествленный и отождествленный с Асклепием. Однако помимо него, каждая специализация, как правило, отвечавшая за конкретный орган человека – глаза, нос, брюшная полость и др., – имела своего бога-покровителя, и врач работал под эгидой этого божества [Reeves, 2006, p. 22]. О том, что могли вылечить в асклепейонах, можно узнать по votivным предметам – фигуркам в форме исцеленного органа, которые больные оставляли в благодарность богу. Более того, египетский врач был частью бюрократической системы, и поэтому мы можем увидеть такие должности, как «старший врач», «проверяющий врач», «надзиратель над врачами», «начальник врачей» и «главный врач Юга и Севера» [Strouhal, 1992, p. 243]. Подобной организации не знала храмовая практика Асклепия.

В этом видели свою позитивную сторону Т. Мейер-Штейнег и К. Зудгоф в «Истории медицины». По их мнению, обилие религиозности в медицине предвещает ее умирание, а в пример приводятся Вавилон и Египет с их многовековыми традициями, не нашедших будущего. Авторы видят успех медицины в оппонентах жрецов – «настоящих врачах»: «Наряду с пышным расцветом храмовой медицины в храмах Асклепия продолжалось мирное развитие старой эмпирической медицины; наряду с жрецами, занимавшимися врачеванием, продолжало свое существование и возрастало в числе настоящее врачебное сословие» [Мейер-Штейнег, Зудгоф, 1925, с. 35]. Следовательно, храмовая медицина в асклепейонах отличалась и от противоположной ей рациональной медицины, и от других

известных феноменов религиозного врачевания Древнего Востока, практически не оставив источников о врачах-жрецах, функционировавших там.

Параллельно с магической развивалась медицина эмпирическая (от греч. *εμπειρία* – опыт), второе ее название – рациональная, поскольку деятельность такого врача (диагностика, лечение, написание медицинских сочинений и др.) основывалась на опыте, соединенном со знаниями. Общество врачей данного толка состояло из семей, где отец, как ее предводитель, обучал своих подопечных – сыновей и других родственников мужского пола. Долгое время первые медицинские школы были сугубо семейные и только в классический период разрешалось принимать на обучение людей из другого рода, что характеризует данное общество как закрытое. Закрытость медицины подтверждалась наличием у врачей некоего секрета, тайны (*ᾠρία*), упомянутого в сочинении «Закон» Гиппократового сборника, где знание доступно исключительно для посвященных, а «профанам же не позволено до введения их в таинство науки» [*Гиппократ*, 1936, с. 94]. Скорее всего, под тайной скрывается медицинское искусство во всей его полноте – *ἡτρικὴ τέχνη*.

Когда врач овладевал медицинским искусством, знаниями в неразрывной связи с опытом без магических вмешательств, его разрешается считать врачом-эмпириком или «настоящим врачом» в противоположность жрецам. Опыт (*εμπειρία*) был главным мерилом профессионализма и признаком, по которому профессиональное общество врачей можно поделить на две условные категории. Если опытность превалировала среди качеств врача, то *αλτρία*, неопытность, расценивалась как «плохое сокровище и плохое имущество для своих обладателей» [*Гиппократ*, 1936, с. 94]. Первых, опытных, Вернер Йегер, немецкий филолог классики, называл *δημιουργός*, в переводе – мастер, специалист, знаток своего дела; а других же нарекал как *ἰδιώτης*, что означает новичок, неопытный человек. Данная типология отсылает нас к Аристотелю, также определявшего врача демиургом: «Врачом считается и лечащий врач (*δημιουργός*), и человек, изучающий медицину с точки зрения высшего знания (*ἀρχιτεκτονικός* – в переводе руководящий, направляющий), и, в-третьих, человек, только получивший медицинское образование» [*Аристотель*, 1983, с. 465].

Поэтому всецело поощрялась помощь опытных, старших врачей врачам неопытным: «Нет ничего постыдного, если врач, затрудненный в каком-либо случае у больного и не видящий ясно по причине своей неопытности, просит пригласить других врачей, с которыми он мог бы совместно выяснить положение больного и которые посодействовали найти помощь» [*Гиппократ*, 1936, с. 122]. Однако нередко прописная коллегиальность в реальной жизни сменялась недопониманием и конфликтами между врачами. Чтобы устранить подобные ситуации, устанавливались правила взаимоотношения коллег, которые основывались

на взаимном уважении, помощи и поддержке. Осуждались конфликты: «Врачи не должны ссориться между собою и высмеивать друг друга» [Там же, с. 123]; зависть: «Никогда суждение одного врача не должно возбуждать зависти другого» [Там же].

Установление особых порядков внутри врачебного общества обосновывалось и тем, что посвященные в тайну медицинского искусства считались одной семьей, связанной профессией, где каждый ее член считался ответственным перед другим. В «Клятве» Гиппократов об этом говорится с первых строк: врач клянется «считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями» и «считать своими братьями [его детей]» [Гиппократ, 1936, с. 87]. Это создавало особую ситуацию, когда врач оказывался замкнутым в своем профессиональном сообществе: условная профессиональная скреплялась кровным родством. Часто ученик женился на дочери учителя, так же, как это впоследствии в средние века делали подмастерья [Йегер, 1997, с. 18]. Так, сыновья Гиппократов, его зять Полиб и многочисленные ученики были врачами.

Но идеальные модели далеко не всегда реализовывались, а медицина рационального толка иногда не давала хороших результатов. В этих условиях врачи Гиппократов ценились больше остальных, потому что лучше всех умели прогнозировать и ставить диагнозы, даже если само лечение бывало неэффективным. В целом врачи-эмпирики занимали лидирующие позиции касаясь оказываемого уважения в обществе, что и сами признавали, в то время представители других направлений медицины выставались, как минимум, ненадежными. Доказательством такого отношения служит сочинение «О священной болезни», где в одном ряду с магами перечисляются «очистители, шарлатаны и обманщики» [Гиппократ, 1936, с. 496]. Рациональная медицина, высмеивая других, ставила перед собой задачу очистить медицину от нежелательных элементов, чем закрепляла за собой ведущее место во врачевании.

Несмотря на очевидные различия между двумя ветвями в античной медицине, наблюдались схожие черты, главная из которых – это использование приемов и методов, не соответствующих основной идеологии направления: в некотором отношении и жрецы были эмпириками, и врачи – магами. Так, жрецы не пренебрегали использовать простейшие приемы эмпирической медицины, доступные в асклепейонах (диета, лечебный сон, благоприятное влияние окружающей среды и др.). Врачи, понимая их успех, справедливо отмечали присутствие рационального, нежели божественного: «если излечиваются от нее воздержанием от пищи, то, очевидно, вовсе не бог здесь причина и не религиозные очищения тут помогают, но излечивает и вредит все то, что едят, а влияние божества здесь остается не причем» [Гиппократ, 1936, с. 497]. Врачи же периодически по-

клонялись богам, использовали обереги и лекарства сомнительного происхождения без рациональной основы, чье действие было основано, скорее, на эффекте плацебо. Гален иногда предлагал использовать амулеты, которые хоть и озадачивали его, но все же рекомендовались им и вместе с тем рационализировались [Harris, 2016, p. 14]. Немаловажным в единении медицины является хранение секрета, для которого важно посвящение, и получение профессий в рамках традиционного семейного образования.

Таким образом, врачебное профессиональное общество в Античности было крайне разнородно. Вместо четкой врачебной структуры представляется разнообразный спектр, включавший в себя авторитетных врачей-рационалистов, составлявших коллегии; магов, предсказателей, экзорцистов; любителей медицины [Harris, 2016, p. 14]. В таких обстоятельствах выделение магического (храмового) и эмпирического, осуществляемого на рациональной основе, врачевания является условным. Судить о том, какого мировоззрения придерживался конкретный лекарь и имел ли он право называть себя врачом, можно только по уровню образования и опыту в медицине.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. *Боннар А.* Греческая цивилизация. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1994. Т. 1. 448 с.
3. *Гиппократ*. Избранные книги / пер. с древнегреч. В. И. Руднева; под ред. В. П. Карпова. М., 1936. 736 с.
4. *Йегер В.* Пайдейя. Воспитание античного грека. / пер. с нем. М. Н. Ботвинника. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. Т. 2. 576 с.
5. *Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К.* История медицины. М.: Госиздат, 1925. 462 с.
6. *Harris W. V.* Popular Medicine in Graeco-Roman Antiquity: Explorations. Brill, 2016. 319 p.
7. *Reeves C.* Egyptian Medicine. London: Shire Publications, 2006. 72 p.
8. *Strouhal E.* Life of the Ancient Egyptians. London: Opus Publishing Limited, 1992. 279 p.
9. *Tick E.* The practice of dream healing: bringing ancient Greek mysteries into modern medicine. Wheaton: First Quest Edition, 2001. 318 p.

ANCIENT PHYSICIAN AS A SOCIAL CATEGORY: PROFESSIONAL SOCIETIES OF PRIESTS AND EMPIRICISTS

Dzhugan Arina V.

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614015, Russia, dzhugan44@gmail.com

Ancient medicine consists of ideas expressed in myths, religion, philosophy and science. Traditionally, there is a distinction between magical (including temple medicine in asclepios) and rational medicine. This was the reason for the formation of two professional communities of doctors: priests and empiricists. However, the two branches of medicine interacted with each other and had a number of similar features: family education, the presence of secrets, etc. It is concluded that both directions were characterized by diversity, and their differentiation is conditional.

Key words: *Ancient medicine; ancient doctor; asclepeion; Asclepius; Hippocrates.*

ВЕСТИМЕНТАРНЫЙ КОД РОДОНАЧАЛЬНИЦ ВТОРОЙ ВОЛНЫ ФЕМИНИЗМА

Тихомирова Александра Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, tikhomirovatt@mail.ru

В статье рассмотрена проблема знаков и элементов стиля, создающих вестиментарный код как невербальный способ выражения феминистских идей родоначальниц второй волны женского движения на примере образов Бетти Фридан, Глории Стайнем, Кейт Миллетт. В данном исследовании были выявлены закономерности составляющих образов феминисток, демонстрировавших протест с помощью визуального образа в разной степени в зависимости от радикальности их воззрений. Согласно результатам исследования, одежда и элементы гардероба для женщин были инструментом выражения бойкота и социальной идеологии. Однако феминистки не пытались разработать особый субкультурный дресс-код, они транслировали приемлемый образ. В контексте выражения феминистских идей элементы одежды носили и символический характер, что было продемонстрировано на женских протестах против угнетения.

Ключевые слова: женское движение; вестиментарный код; образы феминисток; американское общество; родоначальницы феминизма второй волны.

Исследование вестиментарного кода как совокупности элементов гардероба, системы некоторых знаков, несущих собой определенную информацию об их носителе, позволяет взглянуть на историю под несколько иным углом. Взаимосвязь выражения в обществе посредством предметов одежды, аксессуаров и социального контекста, в нашем случае – социальной самоидентификации и причисления себя к определенной категории, представляет интерес во многом потому, что представительницы феминистского движения выступали в первую очередь против многих укоренившихся устоев: как именно они выражали протест? Какие элементы использовали для создания костюмного образа в обществе, подчеркивая свою социальную идеологию? Эти вопросы будут центральными в статье.

В работе рассматривается проблема знаков, символов и элементов стиля, создающих вестиментарный код, как невербального способа выражений феминистских идей родоначальниц второй волны женского движения на примере образов Бетти Фридан, Глории Стайнем, Кейт Миллетт.

Под методологической основой текста закрепляется семиотический подход, позволяющий изучить систему знаков и символов посредством главного фокуса

исследования на их практическом содержании и значении. Применение семиотического анализа позволяет определить своеобразие исторической реальности той или иной эпохи. Вместе с тем, анализ и синтез образов остаются ключевыми способами рассмотрения предложенной проблематики.

Статья основывается на фото- и видеоматериалах, на которых главными героинями становятся родоначальницы второй волны феминизма. Это видеоинтервью, биографические данные и снимки, записи с публичных выступлений периода 1960–1990 гг. Кроме того, из дополнительной литературы и источников для анализа привлекается кинематограф, в частности, сериал «Миссис Америка», в котором костюмер Бина Дайгелер подробно воссоздала образ Глории Стайнем и других активисток эпохи.

Историография подобных исследований не отличается широким спектром. Но вместе с тем, существуют отдельные публикации по исследованию вестиментарных кодов иных социальных групп, например, политиков: статья Кирьянова И.К. «Вестиментарные коды власти в российской революции 1917–1921 годов» [Кирьянов, 2017], монография Терновой Л.: «Вестиментарный код международного общения» [Терновая, 2021], также касающаяся области политики и языка моды, при помощи которых можно расшифровать замысловатые социальные и политические символы для прояснения и решения сложных ситуаций, складывающихся в международных отношениях. Существуют общие монографии и статьи по системе моды, в частности: «Система моды» Ролана Барта [Барт, 2003], его статьи по семиотике культуры, которые посвящены не только семиотике моды, но и ее описанию в масс-медиа, переводу зрительных образов на язык словесных знаков и социальных ценностей.

Общее отношение к стилю и моде феминисток второй волны

Одежда действительно стала одним из символов освобождения женщин. *«Когда нам сказали отказаться от мини-юбок в пользу миди, американки подосознательно решили это бойкотировать. Мы были сыты по горло манипуляциями. Теперь мы хотели сами принимать решения, а не получать указания свыше»*, – Глория Стайнем, американская феминистка второй волны, журналистка [Steinem, 1982].

Женщины, бросавшие вызов обществу, открыто выражая свой протест и несогласие, безусловно, демонстрировали силу. Это не могло не оказывать определенного влияния на их образ, самопрезентацию, стиль. Большинство представительниц феминистского движения выглядели независимыми; одежда, символизирующая слабость и женственность едва находила место в их повседневном гардеробе. На смену приталенным платьям и пышным юбкам пришли «мужские» элементы: брюки, пиджаки, водолазки, простые формы и фасоны. Ив Сен-Лоран,

Пьер Карден и другие ведущие дизайнеры активно продвигали и ярко демонстрировали на своих показах коллекции «унисекс».

Вместе с тем, маскулинность в женском гардеробе – не единственная тенденция феминистских настроений. Сексуальная революция, произошедшая в 60-х годах XX века, позволила скандальной мини-юбке приобрести широкую популярность. Этот предмет одежды стал символом женской эмансипации, выражения протеста против закрытости и смущения, он открыто транслировал идею освободительного движения, динамизма и независимости. Вызов общественному мнению, спровоцировавший бурю возмущения консервативной части общества, ликвидация предрассудков – все это стало образом борьбы женщин с фактическим неравенством и существующими стереотипами.

Век моды эпохи: брючные костюмы или кричащие мини стали самовыражением представительниц женского движения. Теперь не только лозунги, речи, публичные выступления привлекали внимание общественности, но и одежда, которая стала возможностью проявления себя как личности. Костюм стал системой, которая подчеркивала определенные особенности той или иной социальной группы или же конкретного индивида и способствовала раскрытию мироощущения человека.

Одним из самых значимых событий, которые открыто демонстрируют несогласие феминисток с укоренившимися устоями в сфере красоты и моды, стал протест «Мисс Америка больше нет», произошедший на конкурсе красоты в сентябре 1968 г., в городе Атлантик-Сити штата Нью-Джерси. Несколько сотен женщин выступили против гнетущего идеала представления женственности, невероятных стандартов красоты, объективации женщин, сексизма, акцента патриархального общества на физической красоте и потреблении, расизма (в конкурсе с 1921 г. никогда не было темнокожего участника) [Heller, 2018]. Их лозунги называли конкурсы красоты «аукционом крупного рогатого скота» [Little, 2018], сравнения выставление женщин напоказ, суждение внешности с тем, как оценивают скот. Одним из символов протеста также стала «мусорная корзина свободы» [Dismore, 2020], в которую женщины выбрасывали все предметы угнетения. Среди них были шпильки, бигуди, щипцы для завивки, пояса, бюстгалтеры, накладные ресницы, парики и другие женские предметы. Ключевой идеей всего происходящего было заявление о том, что женщину стоит ценить и рассматривать с точки зрения личности, а не внешних стандартов [Gay, 2018]. Одежда, аксессуары, которые навязываются женщинам обществу, ровно, как и конкурсы красоты, безусловно, пропагандируют образ идеальной женщины, феминистки были против этого, они боролись за свое право выбора.

В августе 1969 г., в Сан-Франциско девушки протестовали против ношения бюстгалтеров [Anti-Bra Protest...]. Предыдущий год, ознаменовавшийся столь

ярким событием феминистского движения второй волны, прочно закрепил в сознании женщин образ этого предмета как символа борьбы и освобождения. В связи с этим группа девушек устроила акцию протеста в штате Калифорния.

Таким образом, гардероб, предметы одежды стали одним из инструментов выражения борьбы за права женщин, способом представительниц феминистской теории донести и выразить обществу свою социальную идеологию, подчеркнуть существующие проблемы, показать угнетение меньшинства, возможностью выразить бойкот.

Анализ образов родоначальниц второй волны феминизма

В статье предполагается рассмотрение образов трех ключевых фигур феминизма того времени, как личностей, внесших более существенный вклад в развитие феминистской теории второй волны и имеющих выраженные особенности повседневного стиля в одежде.

Бетти Фридан – автор книги «Загадка женственности» [Фридан, 1994], писательница и активистка, одна из первых женщин, которая открыто заговорила о дискриминации по половому признаку, основатель организаций по борьбе с гендерным неравенством. Будучи представительницей либерального движения феминизма выбирала более мягкий путь самовыражения. Она часто отдавала предпочтение однотонным водолазкам, свитерам с крупными принтами или блузкам с цветочными узорами или с геометрическими четкими линиями. На фотографиях мы также можем видеть Бетти Фридан в безрукавом платье-трапеции (например, в белом цвете с воротником с лацканами или лаконичном черном), которые были достаточно популярны в 60-х годах двадцатого столетия. На одном из интервью 1985 г., уже будучи в почтенном возрасте, она появилась в длине макси, декорируя однотонность и простоту образа воротником жабо фиолетовых и сиреневых оттенков. В интервью 1977 г. Фридан предстала в платье миди с вырезом «каре» и весьма яркой цветочной вставкой, визуально удлиняющей силуэт. Туфли с открытым носом и средним каблуком на ремешке в черном цвете дополнили этот образ. В сериале «Миссис Америка» в одном из эпизодов зрители могут видеть героиню Бетти Фридан в винтажном платье с гороховым принтом, которое копирует ее образ с одной из фотографий. Обращаясь к аксессуарам, Фридан выбирала небольшие серьги (обычно в цвет с каким-либо элементом одежды) и недлинные цепочки без лишних деталей. Вместе с тем, цветовая гамма ее гардероба была насыщенной, подобранные цвета были всегда выразительными, будь то синяя или глубокая черная рубашка или красный жакет.

Обобщая стиль и образ одной из ведущих феминисток – Бетти Фридан – стоит отметить некоторую сдержанность. Ее гардероб не отличался кричащими или вызывающими нарядами, но всегда выглядел ярко благодаря используемым

оттенкам. Демонстрация определенной доли консервативности и серьезности, нежелания революционных перемен, целеустремленности, готовности к борьбе – так можно охарактеризовать самопрезентацию Бетти Фридан в обществе.

В совсем ином образе мы видим другую активистку эпохи – Глорию Стайнем, американскую феминистку, журналистку, общественно-политического деятеля. Бина Дайгелер, костюмер сериала «Миссис Америка», подробно изучив библиотеку телевизионных выступлений, фотографий, книг, журналов и архивных материалов, охарактеризовала стиль Глории, как «естественный», называя ее «иконой моды».

В этой сфере Стайнем известна ярким использованием аксессуаров. Так, например, в интервью 1986 г. ее образ, состоящий из свитера темно-синего оттенка и джинс, дополняет необычный и объемный пояс, весьма выделяющийся из общей концепции. Но, пожалуй, самым известным аксессуаром Глории Стайнем стали большие очки-авиаторы, без которых активистка почти не появлялась на публичных выступлениях или же в повседневной жизни.

Безусловно, она привлекала внимание и своей одеждой, надевая сапоги до колена и мини-юбку. Ее образы всегда были сбалансированными, они не выглядели слишком вульгарно, но в то же время бросали вызов обществу. Надевая на себя даже простой черный лонгслив, Стайнем всегда выделяла какую-либо деталь: украшения разной длины, часы, кольца, браслеты, необычные фасоны рукавов. На интервью 1970 г. Глория появилась в не длинном ярком платье рубашечного кроя с оттенками голубого, фиолетового, зеленого, что сделало ее очень эффектной. Вместе с тем, она часто предпочитала черный цвет, выбирая его, выглядела элегантно, дополняя образ очками.

Выражая свой протест, Глория Стайнем активно использовала стиль. Привлекая внимание, надевая модную мини-юбку, высокие сапоги, авиаторы, она создала свой неповторимый и уникальный образ феминистки второй половины двадцатого века. Естественность и решительность, бойкот консерватизму и смелость, продуманность гардероба и согласованность элементов, ярких и однотонных, подрыв общественности – эти черты характеризуют знаменитую Стайнем.

Представительницей радикального крыла феминистского движения является Кейт Миллетт, американская писательница и общественный деятель. Основываясь на немногочисленных видеоинтервью и фотографиях, можно выделить некоторые общие закономерности ее стиля. Во-первых, мы часто можем видеть на Кейт одежду предполагающую свободный крой и некоторую объемность. Это белые рубашки, джинсовки, кофты, мешковатые блузы. Во-вторых, она часто выбирает однотонность, лишь иногда ее образ может демонстрировать что-нибудь яркое (платье рубашечного кроя голубого, нежно-розового, белого оттенков с принтом). В-третьих, решающую роль во многом играют аксессуары. Так же

как и Стайнем, Миллетт надевает большие очки необычной формы, но предпочитает отсутствие других украшений, ограничиваясь лишь браслетами или часами. На фотографиях разных десятилетий на ее шее виден атласный платок весьма нейтральных цветов с четкой геометрией. Простота образов, их свобода от перегруженности позволяют ей быть несколько непохожей на других. Геометрические линии, так часто присутствующие на одежде феминистки, полосы, клетка, другие абстракции подчеркивают оригинальность и независимость. Водолазки, рубашки, темные джинсы, слегка растрепанные и естественно лежащие длинные волосы – без этого невозможно представить Кейт Миллетт.

Добавляя значительную долю маскулинности своему гардеробу, Миллетт, конечно, бросала вызов обществу. Не обтягивающая одежда, отсутствие акцента на своей сексуальности и женственности выражали протест, стремление к борьбе и крайнюю позицию в женском движении. Выбирая свободу одежды, Кейт стремится к воплощению этой свободы и в обществе, выбирая для своего стиля мужские элементы. Она демонстрировала разрыв с навязываемой обществом второстепенной роли.

Заключение

Таким образом, вестиментарный код родоначальниц второй волны феминизма характеризуется выражением бойкота. Подсознательно выступая против любых манипуляций над женщинами, любых предрассудков и стереотипов внешнего облика, они выбирали в качестве самовыражения не только вербальные способы коммуникации с обществом. Каждая из них с помощью элементов гардероба в определенной степени (в зависимости от направления женского движения – более либерального или радикального) демонстрировала протест и свою социальную идеологию.

Отношение феминисток к моде и одежде в целом говорит о том, что облик, образ, презентация себя в обществе выполняли для них далеко не только утилитарную или декоративную функции. Аксессуары, предметы, используемые женщинами в качестве дополнения их индивидуального стиля, которые они выбирали, играли существенную роль в их социальной адаптации и самовыражении. Исследование показало, что представительницы феминистского движения, используя гардероб, его элементы в качестве инструмента протеста, выбирали не единственный путь его применения. Как показывает история, некоторые акции сопровождались акцентом на женских предметах, по мнению участниц, способствующих угнетению, которые в ходе таких выступлений, ликвидировались (например, выбрасывались в корзину, как на конкурсе «Мисс Америка», 1968 г.), то есть, использовались в качестве символа противостояния и несогласия.

Мода для феминисток не имела большого значения, но отдельные актуальные комбинации, характерные для эпохи, безусловно, мы можем видеть на каждой из них. Они шли в ногу с современностью, но не заикливались на том, что предлагало им общество. Стоит сказать, что отдельные ключевые фигуры движения, имеющие свой совершенно уникальный стиль, сами становились законодателями в этой сфере и примером для подражания (например, Глория Стайнем). В то же время, обобщая некоторые закономерности анализа образов, можно сказать, что феминистки не пытались разработать особый субкультурный дресс-код, не стремились к вычурности, скорее транслировали приемлемый образ женщины, надевая то, что им самим кажется красивым, стильным и комфортным. Они были не похожими друг на друга, отдавая предпочтение разным фасонам, цветам и аксессуарам, умело сочетая их, но были похожи в том, что одежда стала для них не просто декорацией, а методом воздействия на общество, коммуникации с ним, борьбы и выражения протеста.

Библиографический список

1. *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашиных, 2003. 512 с.
2. *Фридан Б.* Загадка женственности / пер. с англ. Н. Щабельской. М.: Прогресс, 1994. 239 с.
3. *Бредихина Н. В.* Семиотический метод исследования исторической реальности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskiy-metod-issledovaniya-istoricheskoj-realnosti> (дата обращения: 06.12.2022).
4. *Кирьянов И. К.* Вестиментарные коды власти в российской революции 1917–1921 годов // Вестник Пермского университета. История. 2018. №1 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vestmentarnye-kody-vlasti-v-rossiyskoy-revolutsii-1917-1921-godov> (дата обращения: 06.12.2022).
5. *Терновая Л. О.* Вестиментарный код международного общения. М.: Инфра-М, 2021. 249 с.
6. *Фирт Э.* Стиль – феминизм. Как одевались феминистки 1970-х и как повторить это сегодня // Buro. 2020. URL: <https://www.buro247.ru/fashion/things/29-jul-2020-mrs-america-feminists-style.html> (дата обращения: 14.01.2023).
7. Anti-Bra Protest in Downtown San Francisco // Bay Area TV Archive. URL: <https://diva.sfsu.edu/collections/sfbatv/bundles/231116> (дата обращения: 14.01.2023).
8. Betty Friedan interview on WIPB-TV // The Ball State University Digital Media Repository. 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PSIJIWGz2Q0> (дата обращения: 14.01.2023).

9. Betty Friedan delivers Powerful Commencement Speech // Manufacturing Intellect. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f1EvRz1tGnk> (дата обращения: 14.01.2023).
10. Betty Friedan // PEOPLES.RU. 2016. URL: https://www.peoples.ru/state/statesmen/betty_friedan/friedan_401.shtml (дата обращения: 14.01.2023).
11. Brigit Katz. Kate Millett, Pioneering Feminist Author, Has Died at 82 // Smithsonian magazine. 2017. URL: <https://www.smithsonianmag.com/smart-news/kate-millett-pioneering-feminist-author-has-died-82-180964810/> (дата обращения: 14.01.2023).
12. Dayna Evans. Second-Wave-Feminist Writer and Activist Kate Millett Dead at 82 // The Cut. 2017. URL: <https://www.thecut.com/2017/09/kate-millett-sexual-politics-obituary.html> (дата обращения: 14.01.2023).
13. *Dismore D. M.* Today in Feminist History: “Welcome To The Miss America Cattle Auction” (September 7, 1968) // Ms. 2020. URL: <https://msmagazine.com/2020/09/07/today-in-feminist-history-welcome-to-the-miss-america-cattle-auction-september-7-1968/> (дата обращения: 14.01.2023).
14. *Gay R.* Fifty Years Ago, Protesters Took on the Miss America Pageant and Electrified the Feminist Movement // Smithsonian. 2018. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/fifty-years-ago-protestors-took-on-miss-america-pageant-electrified-feminist-movement-180967504/> (дата обращения: 14.01.2023).
15. Gloria Steinem's 1986 Interview With Robert Redford // TODAY. 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4zHrnCPJTfM> (дата обращения: 14.01.2023).
16. Gloria Steinem at Wright State // Wright State University. 2014. URL: <https://blogs.libraries.wright.edu/news/outofthebox/2014/07/30/a-day-in-the-life-of-special-collections-archives/gloria-steinem-jan-1972/> (дата обращения: 14.01.2023).
17. *Heller K.* The year women refused to stay silent, tossed their bras and redefined politics // The Washington Post. 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/national/the-year-women-refused-to-stay-silent-tossed-their-bras-and-redefined-politics/2018/05/23/bf37606e-495c-11e8-827e-190efaf1flee_story.html (дата обращения: 14.01.2023).
18. Interview with Gloria Steinem // American Archive of Public Broadcasting. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eIT3MNYxp3I> (дата обращения: 14.01.2023).
19. Iran expellee us feminist Kate Millett interview // AP Archive. 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3fctClizJwY> (дата обращения: 14.01.2023).
20. Kate Millett // Traductoras Abolicionistas. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iLLvSCZ681w> (дата обращения: 14.01.2023).

21. Kate Millett, Author Of 'Sexual Politics' // CBS News MINNESOTA. 2017. URL: <https://www.cbsnews.com/minnesota/news/kate-millett-author-of-sexual-politics-dies-at-82/> (дата обращения: 14.01.2023).
22. Krantz R. I Think Gloria Steinem Has A Point – Sort Of // BUSTLE. 2016. URL: <https://www.bustle.com/articles/140253-im-a-young-woman-who-will-probably-vote-for-bernie-and-i-think-gloria-steinem-had> (дата обращения: 14.01.2023).
23. Little B. When Feminists Protested Miss America as a ‘Cattle Auction’ // History. 2018. URL: <https://www.history.com/news/miss-america-protest-1968> (дата обращения: 14.01.2023).
24. Steinem G. In Praise of Women's Bodies // Ms. 1982. Vol. 10(10). P. 28–32.
25. The life of Gloria Steinem // Brut America. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y8cdEKSTzko> (дата обращения: 14.01.2023).
26. Women's Rights. Betty Friedan interview. 1977 // Thames Television archive collection. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RRICe6iivU8> (дата обращения: 14.01.2023).

VESTIGIAL CODE OF THE FOUNDERS OF THE SECOND WAVE OF FEMINISM

Tikhomirova Alexandra A.

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia,
tikhomirovatt@mail.ru

The article considers the problem of signs and style elements that create a mental code as a nonverbal way of expressing the feminist ideas of the founders of the second wave of the women's movement on the example of the images of Betty Friedan, Gloria Steinem, Kate Millett. In this study, the regularities of the accompanying images of feminists who demonstrated protest with the help of a visual image to varying degrees, depending on the radicality of their views, were revealed. According to the results of the study, clothing and wardrobe items for women were an instrument of expression of boycott and social ideology. However, feminists did not try to develop a special subcultural dress code, they broadcast an acceptable image. In the context of the expression of feminist ideas, the elements of clothing were also symbolic in nature, which was demonstrated at women's protests against oppression.

Key words: *Women's movement; vestigial code; images of feminists; American society; founders of second wave feminism.*

КАРЕН ДЕКРОУ В РУСЛЕ НАРРАТИВА ВТОРОЙ ВОЛНЫ ФЕМИНИЗМА

Чижова Елизавета Романовна

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1,
elizavetachizhova@mail.ru

На сегодняшний день слабо изученным является контекст женского интернационализма в условиях Холодной войны, а также перспектива рядовых акторов и их агентности в структурах размывающегося биполярного порядка. В статье рассмотрено индивидуальное измерение интернационального женского движения в «глобальные 1970-е гг.» на основе публичных интервью Карен ДеКроу. Сделаны выводы о том, что было положено в основу транснациональной идентификации женского движения и насколько отдельные акторы женского движения действовали в русле доминирующего феминистского нарратива западного образца.

Ключевые слова: *вторая волна феминизма; холодная война; глобализация; интернационализм; дискриминация; равноправие.*

В современных исследованиях Холодной войны «долгие 1970-е гг.» определяются как особый этап, главной характеристикой которого выступает «вторая волна глобализации»: уплотнение международной коммуникации, появление транснациональных корпораций, выход на аванс-сцену международного порядка постколониальных стран, реконфигурация биполярного порядка. В этом историческом контексте развивается вторая волна феминизма, которая существенно расширила круг вопросов борьбы за гендерное равноправие: фактическое неравенство, репродуктивные права, домашнее насилие и др. Женская тематика на международном уровне превращается в поле коммуникации, формируемое не только специализированными международными организациями, но и глобальными структурами, например, ООН. В 1975 г. прошла первая Всемирная конференция по положению женщин в Мехико, на которой был объявлен «Международный год женщин», а период с 1975 по 1985 гг. прошел под знаменем «Десятилетия женщин ООН». Еще один яркий пример – «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» 1979 г. [Конвенция о ликвидации всех..., 1979, с. 250–254]. Это наиболее всеобъемлющий и центральный документ в борьбе против дискриминации по половому признаку.

Взаимоотношения между женщинами разных стран также претерпели изменения: теперь девушки заявляли не только о проблемах внутри их государства, но

и выступали с поддержкой «зарубежных сестёр». Ярким примером является демонстрация за права женщин в Вашингтоне 1970 г., когда участницы вышли на улицы с плакатами «The women of Vietnam are our sisters», «Sisterhood is powerful – end the war», призывая остановить войну во Вьетнаме, так как женщины не в ответе за «мужскую войну» и не должны страдать из-за этого. Повестка дискуссий о гендерном равноправии традиционно продолжала развиваться во внутри- и меж-блоковых структурах, одновременно превращаясь в инструмент (контр)давления друг на друга стран первого, второго и третьего миров. Слабо изученным на сегодняшний день является не только контекст женского интернационализма в условиях глобализации, но и перспектива рядовых акторов и их агентности в структурах размывающегося биполярного порядка.

Основными источниками для данной статьи стали публичные интервью Карен ДеКроу. Первое относится ко времени второй волны феминизма и является частью феминистского проекта по устной истории Талли-Креноу 1981 г. Второе было дано Карен ДеКроу в 2013 г для исторической ассоциации Онондаги. На основе этих интервью будет рассмотрено индивидуальное измерение интернационального женского движения в «глобальные 1970-е гг.». Что было положено в основу транснациональной идентификации женского движения? Насколько отдельные акторы женского движения действовали в русле доминирующего феминистского нарратива западного образца?

«Я люблю быть главной, потому что мы сами определяем политику» [DeCrow]. Именно такой фразой Карен ДеКроу ответила на вопрос о своем президентстве в Национальной Организации Женщин США. Но насколько данное заявление соответствует действительности?

Карен ДеКроу родилась в 1937 г. в Чикаго, штат Иллинойс, США в семье из среднего класса. Она закончила государственную школу и получила степень бакалавра в области журналистики. После выпуска работала редактором в журнале «Гольф дайджест» и практически до 30 лет не задумывалась о гендерном неравенстве. «Мы были белыми представительницами среднего класса, профессионалами, городскими жительницами, академическими людьми, довольные жизнью и не видели в своем браке» [Kolb, 1981, p. 8]. Действительно, большинство американских женщин устраивало их положение, если им не приходилось работать из-за нехватки денег. Они занимались домашним хозяйством, заботились о муже и детях. В случае, если женщина работала в интересах реализации своих способностей, то она не строила амбициозных карьерных планов, так как была довольна своей жизнью. Как минимум, такой стиль соответствовал журнальному образу: обеспеченный муж, который зарабатывает деньги, и счастливая жена, чьей главной заботой является забота о семье.

Карен ДеКроу жила такой жизнью, но что в таком случае приводит ее к женскому движению, что помогает увидеть проблемы? «Моими боссами всегда были мужчины, все они зарабатывали в пять раз больше меня, и я всегда выполняла всю работу. И я знала это, но почему-то чувствовала, что то, в чем я заинтересована, – это зарабатывать больше денег» [Ibid., p. 2]. Газета «Нью-Йорк таймс» приводит такие сведения: «По состоянию на 1969 год женщины США зарабатывали меньше, чем мужчины, работающие в тех же профессиональных категориях, от 48 процентов средней заработной платы мужчин в продажах до 72 процентов в преподавании» [Rosenthal, 1971, p. 60]. Таким образом, Карен ДеКроу столкнулась с повсеместной для США проблемой женщин, связанной с неравной оплатой труда. Отсюда следует, что первоначальные мотивы вступления в женскую организацию Карен ДеКроу не были продиктованы целью искоренить дискриминацию. «Я не была феминисткой. Я, конечно, верила, что у мужчин и женщин должны быть равные роли. Я по-настоящему мало, что знала о феминизме, хотя прочитала книгу Бетти (имеется в виду книга Бетти Фридан «Загадка женственности») и она мне понравилась» [Kolb, 1981, p. 1]. Активное участие в женском движении Карен стала принимать после личной встречи с Бетти Фридан в 1967 г. Между ними завязался короткий диалог, в результате которого Бетти предложила ДеКроу заняться открытием отделения Национальной Организации Женщин в Сиракузах.

Ранние действия Сиракузского отделения были сосредоточены на исследовании заработной платы женщин, но ДеКроу понимала невозможность изменить это мгновенно, поэтому фокус постепенно сменился на равный доступ в общественные места. Карен поступил звонок от одной из участниц организации, когда ее не пустили в бар при отеле, так как существовало негласное правило, по которому женщина не может идти туда без сопровождения. Но согласно разделу VII закона о гражданских правах 1964 г., общественные места не должны быть сегрегированы. «Мы подали жалобу в Государственный отдел по правам человека, который должен был обеспечить соблюдение закона о местах общественного пользования, но они не смогли ничего сделать, потому что закон в те дни не включал пол. Он включал расу, вероисповедание, национальное происхождение» [Ibid., p. 12]. Это дело получило огласку и создало общественный резонанс, что по мнению Карен ДеКроу свидетельствовало о правильности их действий: об их организации стали говорить, обсуждать и следить за новыми достижениями. В тоже время, их местное отделение пополнялось новыми людьми, в том числе, радикального настроения. Были и противники такой политики, которые навсегда покидали их ряды.

Одним из ярких событий времен работы Карен в Сиракузском отделении стала «школа для кандидатов», которую ДеКроу спланировала, организовала и

провела в Сенека-Фоллс, штат Нью-Йорк. Это была однодневная программа, которая должна была помочь женщинам, желавшим участвовать в политике, а точнее, избираться на управляющие должности. Сама Карен безуспешно баллотировалась на пост мэра Сиракуз в 1969 г. в качестве кандидата от Либеральной партии и на собственном опыте узнала об особых навыках, необходимых для вступления в политическую сферу.

Одним из самых эффективных, масштабных и многозадачных способов борьбы за гендерное равноправие была организация публичных демонстраций и акций. В связи с этой тенденцией, Карен ДеКроу посещала и подготавливала подобные мероприятия. Например, она была пресс-координатором марша 1970 г., который стал в жизни Национальной Организации Женщин поворотным событием. «После 26 августа 1970 года мы, возможно, не были массовым движением, но, вроде как, попали на карту» [Kolb, 1981, p. 46]. Демонстрация привлекла большое количество людей и внимание прессы к движению. Видя успех таких мероприятий, Карен продолжала искать свою нишу в женском движении: «Я думала о том, как можно работать в феминистском движении. Я знала, что из-за своей индивидуальности я не была камнеметом, я ходила на демонстрации и так далее, но это было не по мне» [DeCrow]. Отсюда ею было принято решение получить юридическое образование, так как это та сфера, в которой она сможет оказать наибольшее влияние на изменения.

В 1974 г. Карен выиграла выборы и стала главой Национальной Организации Женщин. Под руководством ДеКроу женщины получили равный доступ ко всем мужским школам Лиги плюща, НАСА, военным академиям Соединенных Штатов и различным общественным местам. Еще одним из важных направлений деятельности Организации было распространение информации о феминизме, привлечение внимания американских женщин к проблеме неравенства, создание международных связей и, таким образом, распространение влияния и идей организации на государственную политику. С этой целью Карен ДеКроу очень часто выступала перед публикой, посещала радио и телепрограммы, а также участвовала во множестве интернациональных конференций, которые представляли из себя пространства, где женщины разных стран коммуницировали друг с другом. «Я думаю, что единственной пользой от этого было то, что некоторые из нас установили хорошие контакты с единомышленниками» [Kolb, 1981, p. 110]. Карен ДеКроу отмечала, что чаще всего такие конференции были просоветской направленности, а также писала о существовавшей конфронтации между представительницами США и делегатами «Третьего мира» в ряде вопросов. Например, на первой Всемирной женской конференции в Мехико 1975 г., между Бетти Фридан и представительницами развивающихся стран завязался спор: «Женщины встали и сказали, что хотят 12 детей, а Бетти заверяла, что это не в их интересах» [Ibid., p. 109]. Таким образом, можно говорить о двойственном харак-

тере международных конференций: с одной стороны, они являлись местом консолидации женских сил, аккумулируя которые участницы боролись с гендерным неравенством на мировом уровне. С другой стороны, на подобных мероприятиях женщины старались продвинуть свои проблемы и позиции, которые были характерны для их страны.

В то время многие члены Национальной Организации Женщин считали, что включение расовой принадлежности в ее платформу, а также спорных вопросов, такие как аборты, отвлекает от основной идеи равенства. Другие, включая ДеКроу, считали, что игнорирование любого существующего неравенства в обществе, противоречит идеалам организации, призванной содействовать равенству. Карен очень твердо считала, что целью женского движения должно быть абсолютное гендерное равенство. Она была против пространств только для женщин так же сильно, как и пространств исключительно для мужчин. Поэтому во время президентства Карен ДеКроу, к активному участию в Национальной Организации Женщин привлекалось цветное население, а также мужчины.

Карен ДеКроу была женщиной своего времени. Она шла в ногу с развивающимся миром и видела проблемы, идущие из прошлого, не имеющие права на существование в прогрессивном обществе. Она действовала в русле господствующего дискурса, внося свои коррективы в модели практической деятельности. За вклад в развитие движение Карен ДеКроу стала лауреатом нескольких престижных наград, а в 2009 г. ее имя появилось в Национальном женском зале славы США.

С другой стороны, ее интервью содержат свидетельства о противоречии между плакативными лозунгами феминистского движения об интернационализме, которые использовались для организации демонстраций внутри США и привлечения внимания к движению, и действительной готовностью развивать сотрудничество между блоками во имя гендерного равенства. Ссылки на просоветский характер интернациональных организаций и признание наличия концептуальных барьеров скорее говорят об укорененности образцов толкования холодной войны, чем о доминировании образа женщин вне границ и национальностей. Так индивидуальные нарративы корректируют концепции и формулировки официальных документов.

Библиографический список

1. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать четвертая сессия. Дополнение № 46. 1979. С. 250–254.
2. *Фридан Б.* Загадка женственности. М.: Изд. дом Литера, Прогресс, 1993. 456 с.

3. *Bonfiglioli C.* The First UN World Conference on Women (1975) as a Cold War Encounter: Recovering Anti-Imperialist, Non-Aligned and Socialist Genealogies. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/162654401.pdf> (дата обращения: 15.10.2022).
4. *Bonfiglioli C.* Women's Political and Social Activism in Cold War Italy and Yugoslavia (1945–1957): PhD dissertation. Utrecht: Utrecht University. URL: <http://www.uu.nl/faculty/humanities/EN/Current/agenda/Pages/20120914-promotie-bonfiglioli.aspx> (дата обращения: 29.10.2022).
5. *Peper Mooney J. E., Lanza F.* De-Centering Cold war history: local and global change. Routledge, 2012. 26 p.
6. *DeCrow K.* Oral History. Part I. January 18, 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HrWSr0njJI0&t=121s> (дата обращения: 10.12.2022).
7. *Popa R. M.* Translating Equality between Women and Men across Cold War Divides: Women Activists from Hungary and Romania and the Creation of International Women's Year // *Gender Politics and Everyday Life in State Socialist Eastern and Central Europe* / eds S. Penn, J. Massino. New York, 2009. P. 59–74.
8. *Rosenthal J.* A Decade of New Horizons for Women// *The New York Times*. 1971. April 11. P. 60.
9. *Kolb F.* Tully-Crenshaw feminist oral history project. Interview with Karen DeCrow. 1981. February 15. URL: [https://iif.harvard.edu/manifests/view/drs:491747387\\$1i](https://iif.harvard.edu/manifests/view/drs:491747387$1i) (дата обращения: 10.12.2022).
10. *Wilhelm K.* Friedan Still Wows 'Em, Even Young Dissenters. URL: <https://apnews.com/article/f447326d165071d9d3817947b29589c9> (дата обращения: 21.10.2022).
11. *Winslow A.* Women, Politics, and the United Nations. Westport CT: Greenwood Publishing Group, 1995. 213 p.

KAREN DECROW IN THE SECOND WAVE FEMINIST NARRATIVE

Chizhova Elizaveta R.

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1,
Respublicanskaya st., Yaroslavl, 150000, Russia, elizavetachizhova@mail.ru

To date, the context of women's internationalism in the conditions of the Cold War is poorly studied, as well as the perspective of ordinary actors and their agency in the structures of the eroding bipolar order. The article examines the individual dimension of the international women's movement in the "global 1970s" based on public interviews with Karen DeCrow. Conclusions are drawn about what was the basis for the transnational identification of the women's movement and to what extent individual actors of the women's movement acted in line with the dominant feminist narrative of the Western model.

Key words: The second wave of feminism; the Cold War; globalization; internationalism; discrimination; equality.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ В СКУЛЬПТУРЕ ПОЛЯ ГОГЕНА

Иванова Ирина Андреевна

Российский государственный художественно-промышленный университет
им. С. Г. Строганова, 125080, Москва, Волоколамское шоссе, 9,
iav308@icloud.com

Статья посвящена изучению развития художественного языка Поля Гогена в пластическом искусстве. Исследование темы в отечественной научной литературе не имеет систематического характера, выявляющего этапы эволюции скульптуры мастера. В ходе работы применялись следующие виды анализа: формально-стилистический, позволяющий рассмотреть внешний облик художественных произведений; культурно-исторический, включающий предметы в общий контекст мировых событий; иконографический, ставший важным этапом для систематизации и установления характерных образов и символов. Результаты продемонстрировали, что скульптура Поля Гогена прошла эволюцию от классической трактовки, характерной для французского искусства XVIII века, к синкретическому мышлению и «примитивным» формам, которые были вдохновлены жизнью на Полинезийских островах.

Ключевые слова: Поль Гоген; постимпрессионизм; скульптура; искусство XX века; французское искусство.

Поль Гоген – крупнейший мастер постимпрессионизма. Он стремился преодолеть разрыв между различными видами искусства и показать их синтетическую связь. Пластика занимает значительное место в творчестве мастера и наглядно демонстрирует эволюцию его художественных принципов, однако ее изучение не получило должной теоретической разработанности в русскоязычном искусствоведении. Данная тема оказывается чрезвычайно актуальной в современном мире. Выставки коллекций С. И. Щукина и братьев Морозовых, проводимые Государственным Эрмитажем и Пушкинским музеем, демонстрируют возросший интерес публики к постимпрессионизму.

Главной целью исследования является изучение эволюции образов и рассмотрение символического подтекста в круглой скульптуре и рельефах Поля Гогена.

Первые скульптурные опыты мастера относятся ко второй половине 1870-х гг. Необходимо отметить, что его учителем стал Жюль-Эрнест Буйо [Bodelsen, 1967, p. 217]. В ранний период пластика Гогена развивалась в реалистических тенденциях. Он работал в традиционных материалах: мраморе и

гипсе. Художник создавал из них портреты своей семьи и друзей. В 1877–1878 гг. Гоген изваял бюсты жены Метте Гад и сына Эмиля, получившие высокую оценку критиков. Для них характерна острая индивидуальность, конкретность образов и достаточно подробная детализировка. По формообразования и технике они тяготеют к классическим, академическим образцам французской скульптуры XVIII века.

Уже в 1880 году Поль Гоген отказался от работы с мрамором в пользу недорогих и менее традиционных материалов. Показательным является деревянный рельеф «Певица», вписанный в тондо. Источником вдохновения для сюжета послужила серия полотен Эдгара Дега с изображениями певиц из кафешантанов. Известно, что Гоген изображает на нем артистку кабаре – Валери Руми (ее живописные портреты можно найти в творчестве Жана-Луи Форена). Несмотря на то, что это образ конкретной девушки, главенствующим принципом в нем становится обобщение. В рельефе еще отсутствует глубокое смысловое содержание, главная задача, стоявшая перед мастером – отображение личного впечатления от реального явления действительности.

Усиление типизации образного начала происходит в произведении «Дама на прогулке, или Юная Парижанка». В ней Гоген работает с деревом свободнее и грубее. Важно подчеркнуть, что он намеренно оставляет фигуру девушки незавершенной, используя прием «*non finito*». Это вызвало значительную критику в творческой среде эпохи, однако Феликс Фенеон, тонко чувствующий важность изменений в области искусства, назвал ее «современной» [Gray, 1963, p. 3]. Исследователи имеют различные точки зрения на вопрос о смысле скульптуры: Гюисманс видит в ней пропорциональные сходства с готической колонной и демонстрацию изящества эпохи Средневековья; Декс полагает, что в работе скрыто презрение и карикатура на современное общество [The Art..., p. 26–27]. Кроме того, можно выдвинуть версию о том, что мастер мог найти вдохновение в изяществе древнегреческих танагр.

В 1884–1885 гг. Гоген выполнил одно из своих самых провокационных произведений – шкатулку-саркофаг. Ее рельефы поражают наполненностью символическим содержанием. На внешней крышке содержатся лиричные сцены со светскими мотивами. Сюжет барельефа отличается повествовательностью: он последовательно демонстрирует сборы балерины, а итогом становится ее выход на сцену. Их театральная тематика и характерная композиция заимствованы из полотен Дега. Столь частые параллели творчества двух художников связаны с их близким общением в этот период: Гоген видел в Дега наиболее близкого человека по духовным и эстетическим критериям.

Синкретический характер мышления мастера проявляется в объединении западноевропейских танцовщиц с вариациями на тему японских нэцке, которые

инкрустированы в шкатулку. Появление азиатской символики имело общую причину для большинства постимпрессионистов: во-первых, на это влияло «открытие» Японии и начало ее активных торговых отношений с Западным миром; во-вторых, общественные тенденции публики, провозглашавшей моду на «экзотику»; в-третьих, начало коллекционирования гравюр укиё-э и восточных предметов декоративно-прикладного искусства в среде французских художников [Гришин, 2015], что способствовало расширению их мировоззрения и появлению новых символов в работах.

Внутри произведения был вырезан высокий рельеф, представляющий крупную обнаженную фигуру, которая имела андрогинные черты. Образ рождает визуальное сходство данной шкатулки с саркофагом. Изображение предполагает множественность трактовок: в нем можно увидеть мумифицированные останки или тело Христа, символизирующего чистоту и жертвенность. Продолжая ассоциативный ряд, необходимо вспомнить о метафорической интерпретации образа Иисуса как автопортрета Гогена, в котором выражается святость его духовной природы. С помощью данного произведения автор задает ряд экзистенциальных вопросов о жизни, смерти, а также передает идею о быстротечности бытия и двойственности человеческого существования.

Таким образом, в первой половине 1880-х гг. в скульптурном творчестве художника главенствует тематика светской жизни XIX века, среди образов выделяются певицы, балерины и дамы высшего света. При этом начинает нарастать символическое содержание работ. Кроме элементов традиционной европейской культуры в произведения Гогена проникают идеи японской культуры.

1886–1888 гг. художник провел в путешествиях. Важными в контексте творческого развития являются посещения Мартиники и Понт-Авена, повлиявших на обогащение образного языка мастера. Впечатления от двух мест синтезируются в раскрашенных рельефах сундука «Земное наслаждение», который выполнен Полем Гогеном в соавторстве с соратником Эмилем Бернаром. Панели содержат сцены сельскохозяйственного труда из бретонской жизни на фоне умиротворенного сельского пейзажа. Персонажами являются крестьянки в традиционных платьях и головных уборах – белых чепцах. Центральная композиция отсылает к картине Гогена «Видение после проповеди». В обоих произведениях изображается сцена борьбы Иакова с ангелом, за которыми следят понт-авенские девушки. Художник не оставляет точных сведений о значении данного сюжета, но есть основания предположить, что, обращаясь к библейской тематике, он стремился отразить собственную метафорическую борьбу в поисках новых средств художественной выразительности.

Бретонским сценам противопоставляется расслабленность существования на острове Мартиника. Эмоциональность рельефов соотносится с представлениями Гогена об экзотических странах как о земном рае и абсолютной свободе. Их

содержание передает усталость художника от норм европейской цивилизации, данное состояние напрямую выражается в его письмах жене: «Париж разрушает мое здоровье и лишает меня энергии. Чтобы вновь обрести ее, я еду туда, где буду жить дикарем» [Гоген, 2001, с. 59].

Расширение экзотических мотивов в пластике Поля Гогена связано со Всемирной выставкой 1889 года, проходящей в Париже. Особое внимание мастера привлекли колониальные павильоны: известно, что он неоднократно посещал экспозиции Французской Полинезии и Индии, где его поразили копии рельефов из индонезийского храмового комплекса Боробудур [Gray, 1963, p. 42].

Влияние этих работ отмечено в рельефе «Любите и будьте счастливы». В письмах Бернару 1890 г., описывая идею произведения, он говорит о нем как о наиболее важном замысле своей жизни [Gray, 1963, p. 42–43]. Важный символ рельефа, который станет наиболее активно использоваться позднее, в таитянский период – лиса. В упомянутом письме Бернару он говорит о ее фигуре как об аллегории извращенности, идущей из индийской культуры. Обращаясь к мифологии Индии, можно увидеть, что это животное редко встречается в искусстве региона и играет роль благого посланника. Вероятно, символическое прочтение образа лисы заимствовано из японских источников, где ее изображение отсылает к существу кицунэ. Оно неоднократно появлялось в гравюрах укие-э, которые, возможно, мог видеть Гоген. В символической составляющей рельефа необходимо выделить автопортретный образ в правом верхнем углу, где Гоген уподобляет себя Богу: он использует мотив благословляющей, управляющей миром руки, продолжая средневековую традицию *manus dei*.

Переломным этапом жизненного и творческого пути мастера является 1891 год. Тогда ему удалось осуществить свою мечту и отправиться в Полинезию. Его ожидания не совпали с реальностью: мечтая попасть в райскую местность, погрузиться в первобытное общество, он оказался в весьма цивилизованном мире, где язычество уже десятки лет назад сменила христианская религия. Он писал о Таити: «Это была Европа, Европа, от которой я думал избавиться – еще ухудшенная колониальным снобизмом» [Гоген, 2019, с. 38]. Поскольку информация о языческих верованиях полинезийцев и многие предметы их культа были уничтожены, Гоген решил создать собственную мифологию и систематизацию пантеона полинезийских богов. Он собирал информацию благодаря фотографиям татуировок, записям путешественников начала XIX века и сохранившимся каменным идолам на самых удаленных островах. Личное видение местных обычаев он изложил в сочинении «Ноа Ноа», которое является ключевой работой для осмысления его искусства в этот период.

Новые тенденции в скульптуре Поля Гогена выражает «Богиня с жемчужиной». В ней создается эффект «первобытности», который достигается художни-

ком за счет намеренного упрощения форм и грубости в обработке. В работе объединяется круглая скульптура и рельеф, а также присутствует вольная интерпретация местной религии: Гоген синтезирует две экзотических для запада культуры – Японию и Полинезию. Фигура андрогинного божества в нише изображается в позе лотоса с бхумиспаршей-мудрой и восходит к иконографии Будды Сиддхартхи. Продолжая анализ скульптуры с точки зрения иконографии Будды, можно сделать вывод о том, что бог в данном произведении переживает момент просветления. Глубина этого образа могла стать отражением внутренних исканий художника, стремящегося к освобождению от мирских искушений и ясности ума. Особым символизмом наделены и ювелирные украшения на теле богини: волосы, подчеркнутые темной краской, декорированы украшением с изящной жемчужиной. Анализируя письма Гогена, мы можем выявить, что этот материал в его произведениях ассоциируется с невинностью и чистотой помыслов. Однако новые исследования установили, что жемчужина на этой скульптуре появилась уже после смерти Гогена и не была задумана им в первоначальном замысле [Bailey, 2022].

На протяжении первого полинезийского путешествия Гоген продолжил создавать схожие по формообразованию и композиции скульптуры из местного дерева таману [Gray, 1963, p. 55–60]. В произведениях отразились его размышления о языческих богах и сценах, которые могли происходить с ними.

Пребывание художника на Таити продлилось до 1893 г.: оно подарило ему вдохновение и обогатило художественный язык в пластическом и живописном творчестве. Вернувшись в Париж, он создал скульптуру «Овири», которая отразила его тоску о «диких» островах. Произведение выполнено из глины – пластичного материала, который дал мастеру большую свободу и позволил уйти от статичности и замкнутости работ в твердых материалах. Важно отметить, что Гоген обратился к керамике еще в 1880-х гг., обучение этому ремеслу он проходил у Эрнеста Шапле [Страйста-Бурлак, 2019, с. 55].

Считается, что «Овири» олицетворяет собой полинезийскую богиню скорби. У ее ног лежит убитая волчица (кровь подчеркнута с помощью красной глазури), а в руках она сжимает детеныша. При разработке лица антропоморфной фигуры Гоген выразил личные впечатления от увиденных на Маркизских островах мумифицированных голов правителей, в глазницы которых были вставлены жемчужины. Образ Овири многозначен. В первую очередь сам Гоген ассоциируется с волком, он отображает глубокое разочарование и уныние от жизни в Европе: убитый волк – невозможность скульптора жить в европейской среде, детеныш – рождение мастера как жителя Полинезии, охраняемого местным божеством. Кроме того, в работе сочетаются вечные темы жизни, смерти и материнства.

Завершающий этап художественной деятельности Поля Гогена вновь связан с Полинезией и островом Хива-О, куда он отправился в 1895 г. и остался до конца жизни. Среди пластики этого времени преобладают портретные образы таитян и идолы с гипертрофированными лица-масками. В данный период Гоген в своих поисках стилистически наиболее близок к океанскими Тики (скульптурам божеств). Для произведений характерны примитивность, обобщенность, а минимализм выразительных средств работ доходит до наивысшей точки. Итогом эволюции пластического языка мастера становится практически полное отстранение от европейских и японских мотивов и переход к полинезийской тематике. К тому же, в выборе сюжетов проявляется ощущение внутренней свободы, что приводит к предельной сатиричности и карикатурности образов, интерпретируемых через местные каноны искусства.

Ярким примером служит «Pere Palliard». Это аллегорический портрет местного епископа, выполненный в ответ на его резкую критику. Скульптор стремится обнажить сущность священнослужителя, используя двойственность: сложенные в молитве руки – символ благочестия, а рога и выражение лица – демоническая сторона души. При этом можно предположить, что подобным образом Гоген обращается и к саморефлексии, демонстрируя множественные грани своей личности.

Подводя итог, стоит отметить, что скульптура Поля Гогена на разных этапах творчества отличается многообразием. Во второй половине 1870-х–начале 1880-х гг. в выборе образов и сюжетов мастер следует по традиционному пути европейского искусства, ориентируясь на импрессионистов. Основными героями пластических произведений становятся молодые жительницы Парижа, а основная цель их изображения – запечатление характерного светского образа и типичного явления эпохи. В них отсутствует глубокая смысловая наполненность, первостепенное значение отдается передаче определенных эстетических воззрений.

В середине 80-х гг. XIX века скульптура Гогена обогащается новыми темами и аллегорическим содержанием. Важным оказывается проникновение в нее японских символов, ознаменовавших синкретизм творческого видения художника. Постепенно он отходит от изображения конкретных личностей, обращаясь к типизированным образам. Кратковременный понт-авенский период характеризуется попыткой познания христианских сюжетов и объединением упрощенности форм с духовным опытом. С конца 1880-х гг. символический язык произведений усложняется. Это связано с многочисленными путешествиями Гогена, его стремлением познать другие культуры и проникнуть в суть примитивного искусства. При этом мотивы иных цивилизаций он трактует и синтезирует достаточно вольно, придавая им собственное значение. Стремление познать себя влияет на то, что многие образы и содержание начинают заключать в себе черты автопорт-

ретности (это проявляется как визуально, так и метафорически). В этот же период художник увлекается идеей поиска потерянного рая, это проходит лейтмотивов через все его творчество и достигает кульминации на Таити.

Оба таитянских периода знаменуются обращением к полинезийской мифологии. Частые образы – местные божества и обнаженные девушки, ассоциирующиеся с райской Евой. Символика таитянских работ приобретает новые смыслы и содержит в себе интерпретацию уходящей языческой культуры Полинезии. Стоит отметить, что значительные преобразования терпит и внешний облик антропоморфных фигур, их можно проследить в постепенном движении к условности пропорций и в этническом типе: в начале это европеоиды, к концу 1880-х гг. не редко встречается азиатская внешность, а 1890-е гг. в лицах выражаются характерные черты коренных жителей Океании.

Таким образом, можно сказать, что образы и символы в скульптурном творчестве Поля Гогена находились в непрерывной эволюции и были связаны с изменениями в мировоззрении мастера. В первые годы его деятельности влияние на тематику произведений в большей степени оказывал Эдгар Дега, позднее он воспринял и преобразовал буддийскую и океанскую символику. Таков путь мастера от реализма к предельному упрощению, от классического искусства к первобытному.

Библиографический список

1. *Герман М.* Модернизм: Искусство первой половины XX века. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 384 с.
2. *Гоген П.* Ноа Ноа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 256 с.
3. *Гоген П.* Письма, эссе, статьи / под научн. ред. А. С. Кантор-Гуковской. СПб.: Азбука-классика, 2001. 704 с.
4. *Гришин М. В.* «Японизм» рубежа XIX–XX века как общеевропейское культурное явление // Обсерватория культуры. 2015. № 2. С. 130–136.
5. *Декс П.* Поль Гоген. М.: Молодая гвардия, 2003. 368 с.
6. Искусство с 1900 года: модернизм, антимодернизм, постмодернизм / Х. Фостер, Р. Краусс, И.-А. Буа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 816 с.
7. *Страйста-Бурлак Ю. И.* Истоки керамической скульптуры Поля Гогена // Новое искусствознание. 2019. №3. С. 55–63.
8. *Янсон Х., Янсон Э.* Основы истории искусств. СПб.: Азбука, 2002. 514 с.
9. *Amishai-Maisels Z.* Gauguin's Early Tahitian Idols // The Art Bulletin. 1978. Vol. 60 (2). P. 331–341.
10. *Amishai-Maisels Z.* Gauguin's «Philosophical Eve» // The Burlington Magazine. 1973. Vol. 115. P. 373–382.
11. *Bailey M.* Who Added the Pearl on Musee d'Orsay's Paul Gauguin Sculpture? Diary Reveals it Was not the Artist // The Art Newspaper. URL:

<https://www.theartnewspaper.com/2022/11/08/who-added-the-pearl-on-musee-dor-says-paul-gauguin-sculpture-letter-reveals-it-was-not-the-artist>. (дата обращения: 31.11.2022).

12. *Bodelsen M.* Gauguin Studies // *The Burlington Magazine*. 1967. Vol. 109. P. 216–227

13. *Bretell R., Cachin F., Freches-Thory C., Stuckey C.* The Art of Paul Gauguin. URL: <https://www.nga.gov/content/dam/ngaweb/research/publications/pdfs/art-of-paul-gauguin.pdf>. (дата обращения: 21.12.2022).

14. *Buser T.* Gauguin's Religion // *Art Journal*. 1968. Vol. 27 (4). P. 375–380.

15. *Gray C.* Sculpture and Ceramics of Paul Gauguin. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1963. 330 p.

EVOLUTION OF IMAGES AND SYMBOLS IN THE PAUL GAUGUIN'S SCULPTURE

Ivanova Irina A.

Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts,
9, Volokolamsk Highway, Moscow, 125080, Russia, iav308@icloud.com

This article is devoted to the study of the development of the artistic language of Paul Gauguin's sculpture. The study of the topic in the Russian scientific literature does not have a systematic nature, revealing the stages of evolution of the master's sculptural works. In the course of the work, the following types of analysis were used: formal, which allows us to consider the appearance of art works; cultural and historical, including objects in the general context of world events; iconographic, which became an important stage for the systematization and establishment of characteristic images and symbols. The results demonstrated that Paul Gauguin's sculpture had evolved from the classical treatment of 18th-century French art to a syncretic mindset and «primitive» forms that were inspired by life in the Polynesian Islands.

Key words: *Paul Gauguin; post-impressionism; sculpture; 20th century art; French art.*

СВЕРХМАЛЫЕ ЖАНРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ

Безрукова Мария Викторовна

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева, 443086, Самара, ул. Московское шоссе, 34,
maria_bezrukova_ssu@mail.ru

Статья посвящена изучению особенностей нового вида литературы, характерного для современной цифровой коммуникативной среды, – сетературы. Анализу подвергается концептосфера сверхмалых жанров указанного дискурсивного сегмента. Работа выполнена на материале ста англоязычных минирассказов, включающих от 6 до 62 слов. В результате выявлен набор концептов, формирующих концептосферу сверхмалых сетевых нарративов, определена их относительная значимость в пределах указанной концептосферы. Также подробно рассмотрены способы языковой репрезентации трех ключевых концептов. Установлено, что основным вариантом их вербализации является прямая номинация; это объясняется прагматикой рассмотренных текстов, а именно – стремлением авторов к однозначности в выражении концептуальных смыслов в формате малого текста. Кроме того, выявлена тенденция к диверсификации вербальных репрезентантов концептосферы, что вызвано необходимостью оригинальности в плане языкового оформления идейного содержания художественного текста.

Ключевые слова: *сетература; сверхмалый жанр; six-word story; one-sentence story; twit-terature; концептосфера; языковая репрезентация.*

В современном мире на фоне целого ряда значимых экстралингвистических процессов постоянно происходят трансформации на уровне функционирования языка. Общеизвестным сегодня является тот факт, что многие привычные текстовые форматы претерпевают существенные изменения. Это связано, в частности, с появлением Интернета, который оказал колоссальное влияние на развитие общества и культуры в целом, обеспечив технологическую платформу для формирования цифровой семиотической среды. На базе электронного коммуникативного пространства возникло такое уникальное речевое явление, как сетевая литература. Одной из наиболее характерных черт произведений, созданных в формате сетературы, является их предельная краткость, которая, однако, не становится препятствием для полноценной передачи художественных смыслов [Черкунова, 2022]. По этой причине образцы сетевой литературы, лаконичные по

форме, но объемные по содержанию, представляют собой чрезвычайно интересный материал для лингвистического исследования.

Термин «сетература» вошел в научный обиход сравнительно недавно, в связи с чем еще не было выработано устойчивого толкования данного понятия. В настоящей работе мы, вслед за И. Зубченко, под сетевой литературой понимаем художественные тексты, создаваемые для публикации в сети и впервые там опубликованные, способные полноценно существовать только в цифровом пространстве и не имеющие бумажного варианта [Зубченко, 2007, с. 13]. Художественные тексты, относящиеся к данному типу дискурса, создаются рядовыми пользователями Интернета в расчете на таких же пользователей, обычных людей; именно поэтому сетевая литература отражает фактический срез современного общества, его интересы, ценности и векторы общественных настроений [Черкунова, Пономаренко, 2021].

В рамках настоящего исследования мы поставили себе целью изучение концептосферы сверхмалых жанров англоязычной сетевой литературы и выявление лингвистических способов репрезентации зафиксированных концептов.

Эмпирическую базу работы составили тексты ста англоязычных литературных произведений, отобранных в сети Интернет по запросам *six-word story*, *one-sentence story*, *twitterature*. Объем рассмотренных текстов варьируется от 6 до 62 слов.

В связи с тем, что наше исследование посвящено анализу концептов и концептосферы, представляется необходимым дать определение этим ключевым понятиям. Базовым для нас стало понимание концепта, предложенное Е.В. Сергеевой, которая определяет его как «...ментальное образование, присутствующее в языковом (коллективном или индивидуальном) сознании, прошедшее процесс означивания, осознаваемое языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля и вербализованное лексическими единицами данного языка» [Сергеева, 2006, с. 63]. Совокупность концептов, представленных в том или ином дискурсивном сегменте, образует его концептосферу.

Анализ практического материала показал, что концептосфера сверхмалых жанров англоязычной сетевой литературы включает следующие элементы: «Человеческие отношения», «Психологические проблемы», «Социальные проблемы», «Смысл жизни» и «Здоровье». В рамках настоящей статьи мы подробно остановимся на анализе способов вербализации трех наиболее значимых из перечисленных концептов.

Так, концепт «Человеческие отношения» занимает ядерное положение в концептосфере рассмотренных текстов, так как имеет наибольшее число языковых репрезентантов, а именно – 48 лексем, употребленных в рассмотренных текстах в общей сложности 53 раза. Ядро концепта «Человеческие отношения»

составляют лексические единицы, вербализующие различные варианты взаимодействия в рамках выстраивания межличностных отношений – они представлены 21 лексемой (употреблены 25 раз). Интересным является то обстоятельство, что репрезентанты ядерной зоны концепта отчетливо разделяются на две группы в зависимости от их эмотивной окраски. Так, мы выделили группу лексем, вербализующих способы выстраивания гармоничных отношений – сюда мы отнесли такие единицы, как *to ask, to need, to talk, to listen, to stay with sb, to make sb smile, to think of sb, to see sb's point of view, to fall in love, laughter*.

- *Before you judge, learn to **ask**.*
- *Your **laughter** brightens up my world.*
- *I **need** you to **need** me.*
- *Hope you still **think of me**.*

Вторую группу составили лексемы, называющие дисгармоничные варианты взаимодействия, а именно – *to lie, to judge, to kill, to miss, (to commit) suicide, (to have) two faces, to tell elaborate tales, to make sb disappear, (cuts) heal, to cushion the blow, to break one's heart*, например:

- *Before you **judge**, learn to ask.*
- *«I **killed him**», she wailed over the dead body of her teenage son, even though the Police had said it was a case of **suicide**.*
- ***To cushion the blow**, I gave out a cookie when I fired someone. It made them smile...until they realized it was stale...just like them.*
- *Food will never **break my heart**.*

Периферийную зону концепта «Человеческие отношения» составляют лексемы, вербализующие: чувства и эмоции (16 лексем, употреблены 17 раз), участников взаимоотношений (7 лексем, употреблены 7 раз), а также атрибуты романтических отношений (4 лексемы, употреблены 4 раза).

Для вербализации чувств и эмоций авторы рассмотренных текстов используют такие позитивно окрашенные единицы, как *to love, to like, to brighten up one's world, happy, one's voice is one's favorite song*, а также целый ряд негативно окрашенных лексем, например: *heartless, heartbroken, stale, painfully, to wail, the poison in one's veins*.

- *When **happy**, Peter likes to skate. Wind in his hair as he rolls down the sidewalk. Since Denise left, his skates have been on the shelf.*
- *Will you still **love** me tomorrow?*
- *I'd rather be **heartless** than **heartbroken**.*
- *«I killed him,» she **wailed** over the dead body of her teenage son, even though the Police had said it was a case of **suicide**.*

Следующая периферийная группа лексем, вербализующих концепт «Человеческие отношения», насчитывает 7 единиц, называющих участников взаимоотношений – сюда относятся лексемы *friend*, *teenage son*, *wife*, *mom*, *children*, *loved one*, *no one*, например:

- *One **friend**, two faces. High school.*
- *Carl opened the oven and the chicken leapt out, apparently not done yet. The **children** sat at the table wondering when **Mom** would return.*
- *Her grandma's recipe said «made with love».*
She tried. It never tasted right.
*It didn't even seem to matter which **loved one** she diced in.*
- *«I need a volunteer from the audience,» the magician said.*
*No **one** raised a hand.*
«Oh no,» he thought.
He'd made them disappear too early.

Самая малочисленная группа репрезентантов концепта «Человеческие отношения» объединяет лексические единицы, номинирующие атрибуты романтических связей, а именно – *flowers*, *roses*, *to dance* (*dancing*):

- ***Roses** were Jen's favorite **flowers**. Mark used Jen's checkbook to buy a dozen red **roses**. He placed them next to her in the wet cement.*
- *You asked for **flowers** and I brought **flowers**. You asked for **dancing** and I **danced**. I asked for your love and you gave back the **flowers**.*

Проиллюстрируем соотношение групп лексических единиц внутри концепта «Человеческие отношения» в графическом формате:

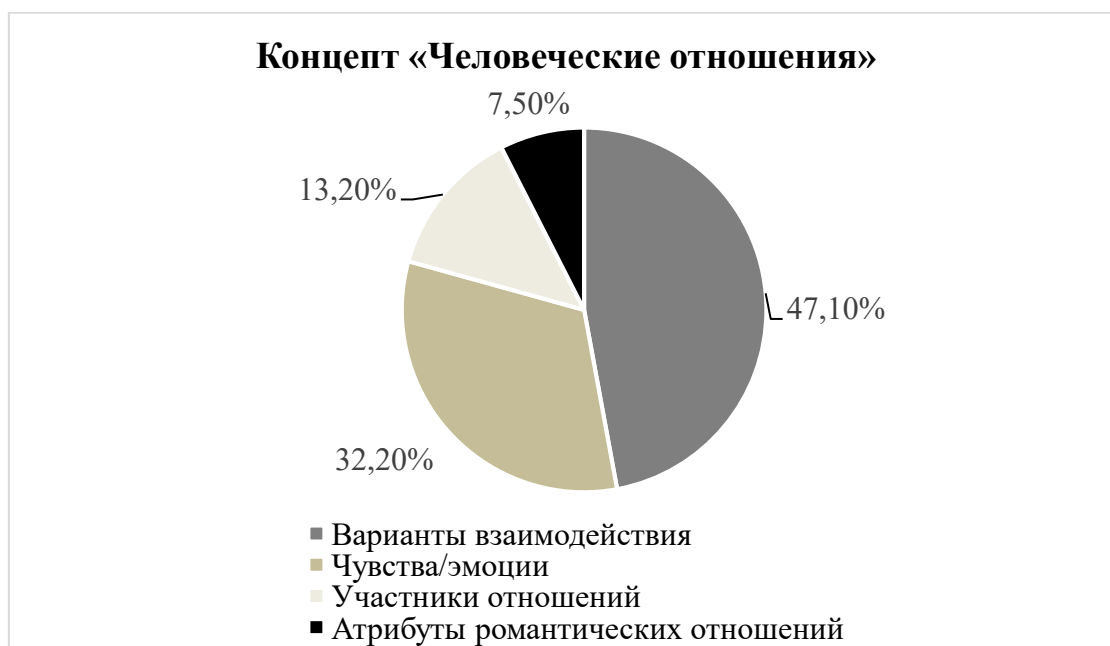

Рис. 1. Процентное соотношение групп лексем внутри концепта «Человеческие отношения»

Кроме того, в текстах англоязычной сетевой литературы вербализуется концепт «Психологические проблемы», представленный 24 лексемами, употребленными 34 раза. Ядро концепта составляют единицы, называющие различные источники дискомфорта (9 лексем, употреблены 12 раз), например, *to fail (failed), failure, life, (lack of) opportunity, (empty) heart, unfinished thoughts, (not) real, fictional characters, real people*:

- *Failed class. Attempted suicide. Failed again.*
- *I'm a mess of **unfinished thoughts**.*
- *I threw away an **opportunity** because I was scared, now I'm scared I will never have an **opportunity**.*
- *All I want is something **real**.*

Периферийную зону рассматриваемого концепта формируют единицы, называющие:

1. виды психологического дискомфорта (2 лексемы, употреблены 9 раз);
2. способы решения проблем (7 лексем, употреблены 7 раз);
3. различные проявления психологического дискомфорта (6 лексем, употреблены 6 раз).

Для вербализации видов психологического дискомфорта авторы используют такие единицы, как *to feel lonely / caged / tired / lost, to scare (to be scared)*:

- *He filled bottles with words, and threw them to the ocean.*

Feeling lonely.

As the ocean threw its shells to shore, filled with replies.

- *I traveled around the world for a year and only **felt lost** once I arrived «home».*
- *Failure **scares** me more than life.*
- *I threw away an opportunity because I **was scared**, now I'm **scared** I will never have an opportunity.*

Следующая группа лексем, вербализующих способы решения проблем, состоит из 8 единиц. Сюда мы отнесли такие лексемы, как *to find oneself, to do smth later, to forget the world, procrastination, human contact, blade, suicide*, например:

- *A **blade**'s your worst best friend.*
- *Failed class. Attempted **suicide**. Failed again.*
- *I sleep to **forget the world**.*
- *«I'll do it tomorrow,» she thought.*

*She liked to think this wasn't **procrastination**, but optimism.*

A gesture of faith in her future abilities.

«I can do anything I put my mind to, later».

Последняя группа лексем, называющих проявления дискомфорта, насчитывает 6 единиц: *to suffocate, to hate, to dislike oneself, nightthinker, daydreamer, problems*, например:

- *People loved her almost as much as she **disliked herself** which made her wonder if she was good at hiding her bad or bad at finding her good.*
- *I'm a **nightthinker** and a **daydreamer**.*
- *My own thoughts **suffocate** me.*
- *The wind pushed me off the cliff. For a moment, I felt like I was flying. My **problems** all floated away, until reality came crashing up.*

В обобщенном виде лексическая репрезентация концепта «Психологические проблемы» представлена на следующей диаграмме:

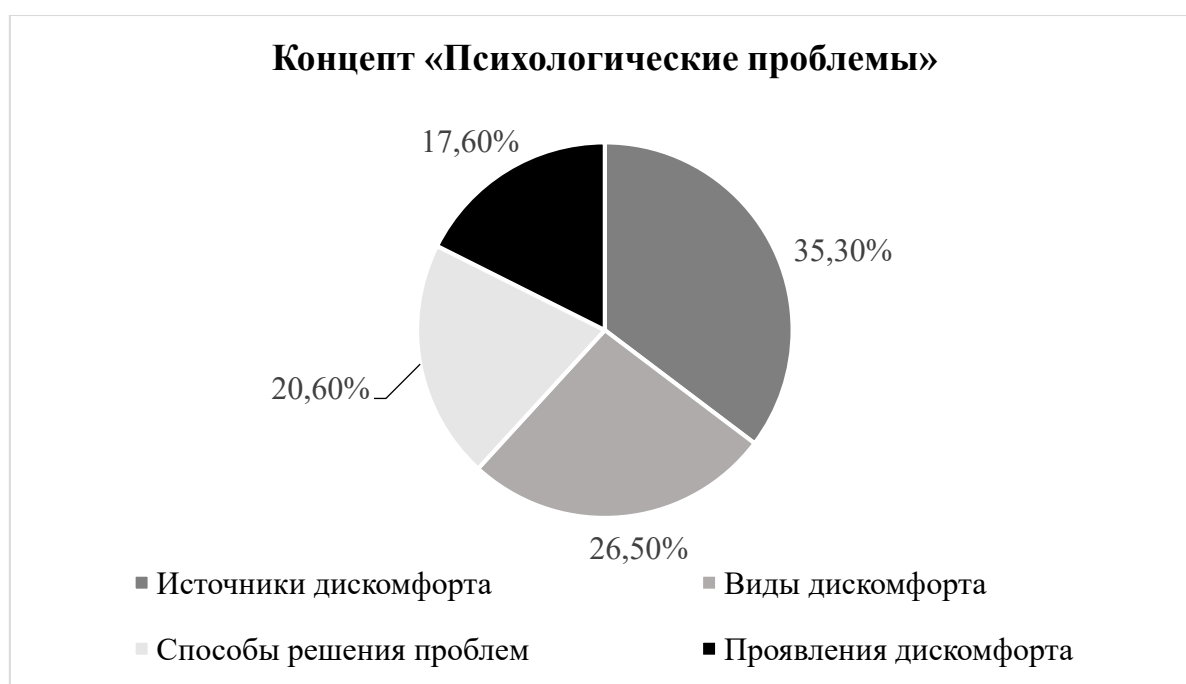

Рис. 2. Процентное соотношение групп лексем внутри концепта «Психологические проблемы»

Также в рассмотренном материале актуализируется концепт «Социальные проблемы», представленный 23 лексемами, которые употреблены 35 раз. Его ядерную зону формируют единицы семантического поля 'война' (8 единиц, употреблены 15 раз), а именно – *to win, to fight, war, peace, enemy, survivor, attack, peaceful*:

- *The **war** for **peace**. No **survivors**.*
- *No **peaceful war** in the world!*
- ***Attack, Enemy, War, Peace**. Why **fight**?*
- *Nuclear **war** over. No one **won**.*

На периферии концепта «Социальные проблемы» находятся единицы, вербализующие различные варианты социальной активности (8 лексем, употреблены 9 раз), лексемы семантических полей ‘работа’ (2 единицы, употреблены 6 раз) и ‘религия’ (3 единицы, употреблены 3 раза), а также единицы, номинирующие финансовые аспекты социальной жизни (2 единицы, употреблены 2 раза).

Для вербализации различных вариантов социальной активности используются следующие единицы: *to help people, to feel envious, to take smth from sb, to imagine, to survive, to live (living), to stress (stressing), life.*

- *I wanna **live**, not just **survive**.*
- ***Life** is for **living**, not **stressing**.*
- *My atheist neighbor has **helped** more **people** in the past year than my entire congregation has in the past ten.*

- *There was a mime at the festival. She watched for a while.*

They were in an invisible box, the crowd held at bay.

*Oddly, she **felt envious**.*

Семантическое поле ‘работа’ вербализуется такими лексемами, как *to work (working), job / second job*, например:

- *After months of looking, the only **job** I found was **working** as a mannequin. It paid very little, but was better than standing around for free.*

- *Darla likes **working**. It's her best skill. When not **working** she doesn't know what to do. To fill her free time she got a **second job**.*

Следующая группа лексем вербализует тему религии. В нее входят следующие единицы: *God, congregation, atheist.*

- *My **atheist** neighbor has helped more people in the past year than my entire **congregation** has in the past ten.*

- *Surgeon saves patient. Patient thanks **God**.*

Также на периферии находятся единицы, называющие финансовые аспекты социальной жизни, а именно – *to pay little, millionaire.*

- *After months of looking, the only job I found was working as a mannequin. It **paid** very **little**, but was better than standing around for free.*

- *Red. Black. Red. Red. Black. **Millionaire**.*

Совокупная лексическая наполняемость концепта «Социальные проблемы» имеет следующий вид:

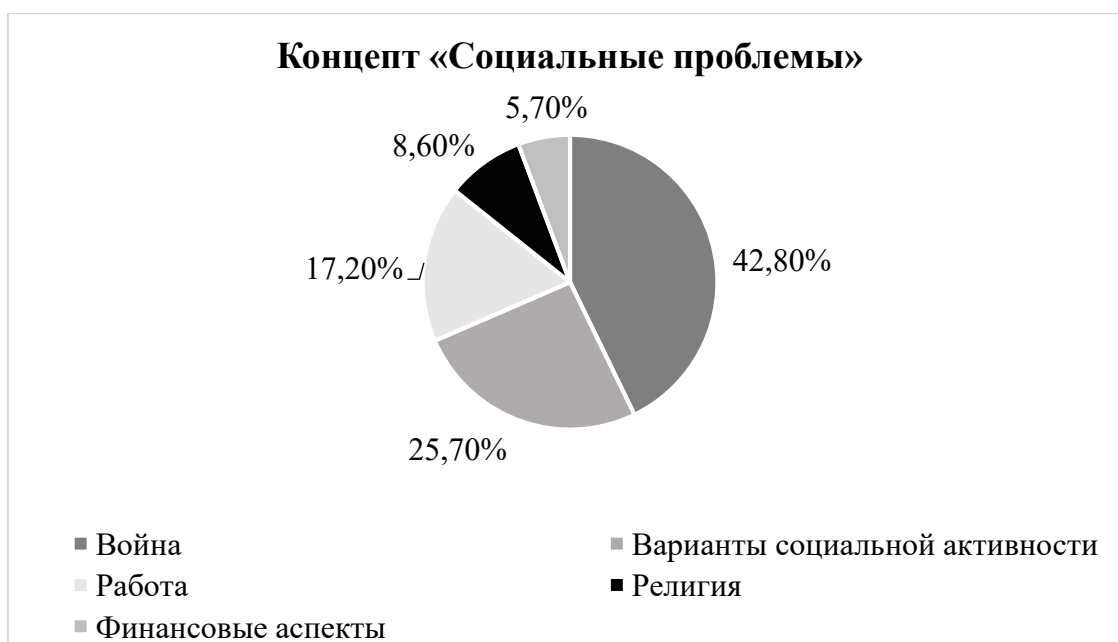

Рис. 3. Процентное соотношение групп лексем внутри концепта
«Социальные проблемы»

Таким образом, анализ практического материала показал, что в концептуальной парадигме сверхмалых жанров англоязычной сетевой литературы ключевое место занимают три концепта – «Человеческие отношения», «Психологические проблемы» и «Социальные проблемы». В подавляющем большинстве случаев концепты вербализуются через прямые номинации, образные конструкции встречаются в рассмотренном дискурсивном сегменте крайне редко, что позволяет говорить о стремлении авторов к максимальной определенности и однозначности в выражении смыслов. На наш взгляд, данная особенность рассмотренных текстов обусловлена предельной лаконичностью вербального контекста. Также специфичной для рассмотренного дискурсивного сегмента является высокая степень диверсификации вербальных репрезентантов концептосферы, что, как нам кажется, обусловлено особенностями художественного дискурса, а именно, стремлением авторов художественных текстов к оригинальности в плане языкового оформления идейного содержания.

Библиографический список

1. *Зубченко И.* Литература и сетература в Рулинете // Полярный вестник. 2007. № 10 (Январь). С. 5–13.
2. *Сергеева Е. В.* Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филологический журнал. 2006. № 1-2. С. 63–69.
3. *Черкунова М. В.* Малоформатный текст: к определению понятия (теоретические аспекты) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22. №3. С. 248–253.

4. Черкунова М. В., Пономаренко Е. В. Малоформатные произведения сетевой литературы в контексте современной англоязычной цифровой коммуникации: системно-динамический подход // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 4. С. 168–175.

MINI-GENRES OF ENGLISH WEB LITERATURE: WAYS OF VERBALIZING THE MAIN CONCEPTS

Bezrukova Maria V.

Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara,
443086, Russia, maria_bezrukova_ssu@mail.ru

The article is devoted to the study of the new type of literature specific to the modern digital communicative environment, i.e. web literature. Mini-genres of the aforementioned discourse are analyzed from the point of view the main concepts represented in them. The study is carried out on the empirical base including 100 short narratives comprised of 6 to 62 words. As a result, a set of concepts forming the conceptual sphere of the web literature mini-genres is identified, as well as their relative importance within the aforementioned textual base. The ways of the language representation of the three main concepts are also considered in detail. It is established that the main means of verbalizing them is direct nomination, which is explained by the pragmatics of the texts considered – namely, the authors' desire to explicitly express the conceptual meanings of the short narratives. Furthermore, the tendency to the diversification of the verbal representatives of the concepts is indicated, which is caused by the striving for originality in the linguistic arrangement of the content of the literary text.

Key words: *Web literature; mini-genre; six-word story; one-sentence story; twitterature; conceptual sphere; language representation.*

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ РЕЦЕНЗИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ГАЛИНЫ ЮЗЕФОВИЧ)

Городничева Диана Владимировна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, 410012, Россия, Саратов,
ул. Астраханская, 83, egorodnicheva13@yandex.ru

Предметом исследования являются оценочность и императивность как жанрообразующие черты книжной рецензии. На материале 30 публикаций литературного критика Галины Юзефович выявлены основные объекты оценивания в книжной рецензии (жанровые особенности художественного произведения; язык и стиль автора; достоверность описываемого мира; образы героев; композиция произведения). Установлено, что в текстах данного критика преобладает положительная оценка рецензируемых произведений; отрицательная оценка смягчена; сохраняется монологический характер повествования, прямые апелляции к читателю отсутствуют. Соответственно, в рецензиях Г. Юзефович проявляется ориентация на то, чтобы без прямых побуждений и указаний заинтересовать читателя, привлечь его внимание к обсуждаемому произведению.

Ключевые слова: речевой жанр; жанр рецензии; книжная рецензия; оценочность; Галина Юзефович.

Рецензирование стало актуальным постепенно, с развитием книгопечатания и ростом рынка книжной продукции. В свою очередь огромное разнообразие изданий обусловило потребность в критиках, которые становятся посредниками между миром книг и обществом. Рецензия предназначается также и авторам – как оценка проделанной ими работы [Юзефович, 2020].

В качестве рабочего определения термина «рецензия» мы будем использовать следующее: рецензия – это жанр, основу которого составляет отзыв (прежде всего – критический) об одной конкретной, как правило, новой прозаической книге. Данный отзыв ориентирован скорее на ее потенциального читателя, чем на активного и заинтересованного участника литературного процесса, уже успевшего с этой книгой ознакомиться и составить мнение о ней (см., например: [Молитвина, 2016; Силецкая, 2017]).

Исследование проводится на материале 30 печатных публикаций 2020-2021 годов литературного критика Галины Юзефович; общий объем проанализированного речевого материала – более 20 тыс. словоупотреблений.

Актуальность исследования обуславливается тем, что в пору технологического прогресса печатные публикации стремятся не потерять свою популярность, поэтому рецензия как жанр также модернизируется. Книги представляют собой не только произведения художественной литературы или научно-популярные издания, но и товар, то есть объект рыночных отношений. Соответственно, жанр рецензий оказывается сегодня весьма востребованным, поскольку он помогает читателям ориентироваться в новинках книжного рынка, где высока конкуренция за аудиторию, популярность и финансовые потоки. Вследствие указанных факторов книжные рецензии сохраняют свою оценочность, а также развивают прагматический потенциал – привлекают внимание к авторам, побуждают читателей ознакомиться с изданием или же не тратить на него время и деньги.

Галина Юзефович – один из самых известных профессиональных литературных критиков в пространстве русскоязычного интернета. Она публикует книжные рецензии на новинки и рекомендательные списки на сайте интернет-издания Meduza*, 2 года назад запустила YouTube-канал (почти 200 тысяч подписчиков), где выпускает книжные видеорекомендации, а также интервью с популярными личностями.

На данном этапе работы мы сконцентрируемся на том, какие объекты подвергаются оцениванию в текстах Г. Юзефович; в ходе исследования выявляются и подсчитываются репрезентативные контексты; рассматриваются выраженные в них коннотации и стилистические характеристики оценочных средств.

Рецензии Галины Юзефович публикуются в виде печатных текстов, для них характерна стройная композиция, достаточно строгий и выдержанный стиль изложения, монологичность, разнообразие и сложность средств выражения оценки.

Анализ показал, что в текстах Г. Юзефович выделяются следующие объекты оценки (1) жанр произведения; (2) язык и стиль автора, его писательская манера и творческий метод; (3) достоверность мира, описываемого в произведении; (4) образы героев; (5) композиция, сюжетные ходы и финал произведения. На основании оценок по этим параметрам дается (6) общая характеристика и оценка книги (произведения).

(1) Характеристика **жанра произведения** (26 контекстов) включает в себя несколько аспектов, которые сопряжены с оценкой:

Отрицательно оцениваются произведения, в которых автор «слепо» следует жанровым канонам. В таких случаях активно употребляется лексика с семантикой

* Издание признано иностранным агентом и нежелательной организацией.

статичности, покоя – прилагательные *устойчивый, понятный, привычный, комфортный*. Подобная статичность рассматривается не как благополучная стабильность, а как застой, отсутствие движения, развития, энергии и жизни:

*Хаос разрозненных эпизодов, а также назойливая толкотня второ- и третьестепенных персонажей постепенно складываются в **устойчивые, понятные** и, в общем, **привычные для жанра фэнтези паттерны**. (Конечно же, девочка-мары и мальчик-приемыш созданы друг для друга... Приемыш вовсе не безродный сирота — он избранный...)* [Галина Юзефович о романе Шамиля Идиатуллина].

*В рушащемся, лишенном структуры мире привычные и в силу этого **комфортные жанровые модели** тоже оказываются нежизнеспособны: ни одна из предугаданных нами схем не воплощается, а концы не сходятся с концами настолько демонстративно, что заподозрить в этом авторский недосмотр решительно невозможно* [Там же].

Напротив, положительная оценка базируется на том, что в произведении происходит слом или обновление жанровых канонов, смена или трансформация жанра. Об этом свидетельствует употребление слов, обозначающих процесс изменения, в частности, глаголов *превратить, переосмыслить, актуализировать*:

*В должной пропорции смешивая комфортное соответствие ожиданиям с новизной, а узнаваемость — с изобретательностью, Бобылева ухитряется **превратить** вытоптанное пространство самого, пожалуй, устаревшего жанра научной фантастики в обжитой и цветущий уголок винтажной космической романтики* [Галина Юзефович о романе Дарьи Бобылевой].

*Тем приятнее (и, пожалуй, удивительнее) встретить идеальный, полнокровный «великий американский роман», принадлежащий перу дебютантки: в своей нашумевшей первой книге «Валентайн» уроженка Техаса Элизабет Уэтмор не просто механически воспроизводит респектабельный канон, но **переосмысляет** его, **актуализирует** и возвращает читателю счастливо и гармонично **обновленным*** [Галина Юзефович о романе Элизабет Уэтмор].

В ряде случаев само произведение метафорически описывается как живой организм – с помощью глаголов *превращаться, мутировать*. Изменение и трансформация жанра, отступления от жанровых канонов рассматриваются как активные процессы – как движение и жизнь, противопоставляются статичности стандартных схем:

*«Конец света, моя любовь» – ностальгическая фантасмагория Аллы Горбуновой, которая из мемуара **превращается** в жуткую сказку. И, возможно, это главная книга 2020 года* [Галина Юзефович о романе Аллы Горбуновой].

Первая же остановка на этом пути – Стамбул – оказывается переломной точкой, и роман, стартовавший как не лишенная изыска пародия на «Есть,

молиться, любить» Элизабет Гилберт, стремительно **мутирует** в лихой и ироничный парафраз «Ангелов и демонов» Дэна Брауна [Галина Юзефович о романе Виктора Пелевина].

(2) При описании **языка и стиля автора, его писательской манеры и творческого метода** (43 контекста) активно применяются развернутые метафоры из различных сфер искусства и науки, разговорная лексика с её яркой экспрессией. Опытный, умелый, хороший писатель предстает в образе дирижера, древнегреческого сказителя (*аэда*), инженера. При этом можно выделить регулярные средства в текстах Г. Юзефович, описывающие мастерство писателя: строительные метафоры (*выстраивать; сконструировать*); прилагательное *заправский* (2 употребления); глагол *ухитриться* (4 употребления):

*И в тот момент, когда читатель уже готов захлебнуться, Горбунова жестом **заправского дирижера** мгновенно тушит все это макабрическое стакато буквально до нуля* [Галина Юзефович о романе Аллы Горбуновой].

*Гомеровская история, спору нет, одна из прекраснейших в мире, и Баркер, **на манер заправского аэда**, пересказывает ее уверенно, поэтично, с небанальными вариациями канона, которые наверняка порадуют сердца тех, кому уже доводилось слышать разные варианты исполнения «Илиады»* [Галина Юзефович о романе Пэт Баркер].

*Минимум прилагательных и наречий, нарочито невзрачные декорации, скудный реквизит – и все же из этого бесцветного, невыразительного материала Форестер **ухитряется сконструировать** текст потрясающей, просто-таки зашкаливающей напряженности и эмоциональной силы* [Галина Юзефович о романе Сесила Скотта Форестера].

При этом текст и процесс его создания с помощью метафор регулярно сравниваются с искусствами и ремеслами, в которых автор достиг большого мастерства и даже совершенства. Например, с плетением кружева, с работой ювелира, артиста – через упоминания результатов труда (*тонкое кружево; филигрань*), характерных для мастера действий (*жонглирование*):

*Однако ключевой прием в обоих случаях остается неизменным: десятки человеческих жизней **сплетаются** у Мандел **в тонкое кружево, узор** которого **проступает во всей своей стройности и красоте** даже не к финалу, а через некоторое время после прочтения* [Галина Юзефович о романе Эмили Сент-Джон Мандел].

*Текст в «Грифонах» **причудливо переливается** отсылками то к Набокову, то к Булгакову, то к Олеше, а то и, например, к Сергею Малашкину. И, как это бывает только у подлинных, глубоких знатоков, вся эта литературная **филигрань**, все это **жонглирование** скрытыми и явными цитатами не выглядит у Соболева ни натужно, ни искусственно* [Галина Юзефович о романе Александра Соболева].

Напротив, отрицательную оценку автор произведения получает через сравнение с ребенком – с тем, кто играет и хвастается, а не занимается созидательным трудом; либо с ремесленником, который работает механически, шаблонно: *а автор из творца собственного мира превращается в его счастливого обитателя, которому куда важнее разложить перед читателем любимые игрушки, чем рассказать целостную, завершённую историю* [Там же].

(3) Достоверность мира, описываемого в произведении (18 контекстов), оценивается через противопоставление живого и неживого (одну из важнейших мировоззренческих оппозиций), а также через описание физических ощущений, которые могут возникнуть в процессе чтения (синестетических метафор).

Как и следовало ожидать, положительная оценка выражается в тех контекстах, где мир характеризуется как живой с помощью биологических метафор (*жить, ветвиться, разрастаться, побеги*), подчёркивается его способность вызывать у читателя физические ощущения – температурные, тактильные (*теплое узнавание; осязаемый*).

В данном случае отмечается активное использование прилагательных и нанизывание синонимов. Так, прилагательное *достоверный* приобретает отчетливый оценочный компонент, который подчеркивается контекстным окружением (*головакружительно достоверный*); а для характеристики мира регулярно используется определение *плотный*:

*Порожденное писательской фантазией пространство **начинает жить** по своим законам, **ветвится, разрастается** во все стороны и в конце концов закономерным образом **отказывается упаковываться** в жесткие композиционные рамки* [Галина Юзефович о романе «Сад»...].

*Однако понемногу сквозь этот **головакружительно достоверный**, отзывающийся мгновенным **теплым** узнаванием – да, все правда, все так, это и про меня тоже, господи, откуда она знает – **мир** начинают пробиваться озадачивающие **побеги фантасмагории*** [Галина Юзефович о романе Аллы Горбуновой].

*Марина Степнова властно вовлекает читателя в созданный ее воображением **мир** – просторный и уютный, местами **осязаемый и плотный**, а местами лишь обозначенный элегантным контуром* [Галина Юзефович о романе «Сад»...].

(4) Образы героев (21 контекст) также получают положительную оценку через описание их как живых, вызывающих тактильные ощущения и эмоциональные переживания у читателя.

*Безликие статисты великой войны, благодаря Баркер все они на короткое мгновение становятся **живыми, теплыми, узнаваемыми людьми**, о смерти которых можно – и должно – **скорбеть*** [Галина Юзефович о романе Пэт Баркер].

Начисто лишённые романтического флера, не слишком молодые, нелепые в своей прекраснотушной слепоте, затянутые в тугой корсет социальных усло-

ностей и предрассудков, а иногда попросту смешные, именно в силу собственного несовершенства *герои «Как стать леди» парадоксальным образом способны вызывать подлинную симпатию и умиление* [Галина Юзефович о романе Фрэнсис Элиза Ходжсон Бернетт].

В данной подгруппе контекстов наиболее частотна отрицательная оценка – именно образы героев оказываются слабым местом многих произведений, свидетельствуют о неопытности авторов, их недостаточном мастерстве. Для обозначения недостоверных, маловыразительных героев используется прилагательное *безликий* и указания на то, что героев невозможно опознать, запомнить, различать:

роман разваливается, рассыпается на куски, а герои прочерчены не прямой линией, но прерывистым непоследовательным пунктиром [Галина Юзефович о романе «Сад»...].

дети в «Эшелоне на Самарканд» присутствуют по большей части в качестве возвышенного символа, безгласного, безликого и почти безымянного (...) Яхина очерчивает над детскими головами коллективный сияющий нимб, практически лишая юных героев всего земного, человеческого и индивидуального [Галина Юзефович о романе Гузель Яхиной].

(5) Композиция, сюжетные ходы и финал произведения (24 контекста) оцениваются с точки зрения целостности, оправданности, уместности. При этом произведение с помощью артефактных, строительных метафор уподобляется предмету или постройке.

По мере того, как романский мир упорядочивается и обретет восхитительную структурную ясность, схожие процессы начинают происходить и на уровне сюжетной динамики [Галина Юзефович о романе Шамиля Идиатуллина].

«Кракен» в этом смысле – конструкция изумительно гармоничная [Галина Юзефович о романе Чайны Мьевилля].

Негативная оценка регулярно выражается через сравнение текста с нефункциональными предметами: со зданием, которое разрушается (*роман разваливается*); с предметом, приходящим в негодность (*эпизод трещит и разрывается; рваный; россыпь красивых черепков*), с неудобным транспортным средством (*поездка на взбесившемся «Сапсане»*):

Но, увы, бесспорные красоты и достоинства романа если не перечеркиваются, то во всяком случае изрядно обесцениваются одним важным недостатком – странным несовершенством, диспропорцией композиции. (...) роман разваливается, рассыпается на куски (...) [Галина Юзефович о романе «Сад»...].

Мельтешение продолжается, причем каждый новый эпизод трещит и разрывается от упакованных в него событий [Галина Юзефович о романе Шамиля Идиатуллина].

общее впечатление от первых ста страниц «Последнего времени» более всего напоминает поездку на взбесившемся «Сапсане»: по-своему интересно, но слишком уж быстро, а еще трясет и укачивает [Там же].

Как результат, вместо законченной истории мы получаем набор кусочков чуть побольше того, который имелся у нас в распоряжении изначально. Не великолепная законченная амфора, но россыпь красивых черепков [Галина Юзефович о романе Мадлен Миллер].

(6) Как было сказано ранее, **общая оценка** книги (31 контекст) базируется на совокупности оценок по выделенным параметрам, т.е. она является многоаспектной, сложной. В нашем материале преобладают положительные рецензии либо рецензии с некатегоричной или смягченной отрицательной оценкой. Выражение неодобрения, указания на негативные аспекты сопровождаются многочисленными оговорками, условными конструкциями, уточнениями, витиеватыми формулировками:

Однако в целом амбициозный эксперимент Пэт Баркер следует признать неудачным или во всяком случае удачным не полностью. ... Но даже если допустить, что создание полноценной женской версии «Илиады» в принципе возможно и осмысленно, «Безмолвие девушек» Пэт Баркер ею определенно не является [Галина Юзефович о романе Пэт Баркер].

«Последнее время» тоже оставляет по себе легкий привкус разочарования – слишком уж много узелков так и остаются неразвязанными, а эффектное завершение главной коллизии – собственно, коллапс старого мира — не полностью компенсирует незавершенность коллизий меньшего масштаба [Галина Юзефович о романе Шамиля Идиатуллина].

Таким образом, в текстах Г. Юзефович отмечается сложность и многоаспектность оценки каждого из выделенных параметров. Объектом оценивания является, прежде всего, текст (его содержание) – описанные в нем миры, герои, эмоциональные переживания.

Для этого активно используются средства литературного языка (отсутствует сниженная экспрессивная и бранная лексика, просторечные и жаргонные единицы); применяются метафоры (артефактная, строительная, растительная, синестетическая), общеупотребительная разговорная лексика с выраженным оценочным компонентом; актуализируются оппозиции «живое – неживое», «движение – статика».

По нашим наблюдениям, **преобладает все же положительная оценка**, а отрицательная выражается некатегорично, смягчается.

Соответственно, можно прийти к выводу, что данные публикации ориентированы на то, чтобы привлечь внимание читателя к рецензируемой книге, заинтересовать его, убедить прочитать.

Однако следует отметить, что в текстах Г. Юзефович отсутствуют прямые обращения к читателям, а также императивные и категоричные побуждения; рецензии носят подчеркнуто монологический характер.

Перспектива исследования – это сопоставительный анализ двух форм существования книжных рецензий в современном медиадискурсе: печатные тексты Галины Юзефович и видеообзоры ютуб-блогера Энтони Юлая. Подобный анализ позволит определить универсальные жанровые особенности книжной рецензии, в том числе, перечень объектов оценивания, то есть аспектов рецензии; выявить различия, обусловленные письменной и устной формой текстов; а также определить регулярные, наиболее востребованные рецензентами и эффективные средства выражения оценки.

Библиографический список

1. *Молитвина Н. Н.* Литературные рецензии в практике книжных обозревателей // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». 2016. Т. 16, №3. С. 340–344.
2. *Силецкая С. С.* Особенности реализации функции воздействия в тексте литературной рецензии // Царскосельские чтения. 2017. С. 389–393.
3. *Юзефович Г.* Литературная рецензия // Литературная мастерская. От интервью до лонгрида, от рецензии до подкаста / сост. А. В. Вдовин, М. А. Кучерская, Н. Н. Калининкова. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2020. С. 11–25.

GENRE SPECIFICITY OF MODERN BOOK REVIEWS (BASED ON THE MATERIAL OF PUBLICATIONS WRITTEN BY GALINA YUZEFOVICH)

Gorodnicheva Diana V.

Saratov State University, 83, Astrakhanskaya st., Saratov, 410012,
Russia, egorodnicheva13@yandex.ru

The article considers evaluativity and imperativeness as genre-forming features of a book review. The main objects of evaluation were identified based on the material of 30 book reviews by literary critic Galina Yuzefovich (genre features of artistic text; the author's language and style; the authenticity of the described world; images of heroes; composition of the text). It has been found that in the book reviews of this critic a positive assessment prevails; the negative assessment is mitigated; the monological nature of the narrative is preserved therefore there are no direct appeals to the reader. The findings suggest that in the book reviews written by Galina Yuzefovich, there is an orientation to attract the reader's attention to the artistic text without direct motives and instructions.

Key words: *Speech genre; genre of the review; book review; evaluativity; Galina Yuzefovich.*

ПРОПОВЕДИ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ СУРОЖСКОГО КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О РЕЧЕВОМ ПОРТРЕТЕ ОРАТОРА

Ермолаева Виктория Михайловна

Саратовский государственный национальный исследовательский университет,
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83, viktoriya.ermolaeva.01@mail.ru

Исследование проводится в русле лингвоперсонологии; цель работы – на материале проповедей выявить индивидуальные особенности речевого портрета митрополита Антония Сурожского. Специфика материала обуславливается личными особенностями оратора (жизнью в Великобритании, владением несколькими языками) и его подходом к проповеднической деятельности (спонтанностью речи, отсутствием предварительно заготовленного письменного текста). Выявлены индивидуализирующие черты речевого портрета в области орфоэпии, лексики, грамматики, синтаксиса, источников прецедентности. Отмечается тенденция к архаизации речи, стремление к четкой расстановке смысловых акцентов и назидательности.

Ключевые слова: *речевой портрет; речевой жанр; жанр проповеди; религиозный дискурс; лингвоперсонология; спонтанная речь.*

Одним из наиболее востребованных направлений в современной лингвоперсонологии является исследование речевого портрета [Карасик, 2002].

Материалом для нашего исследования послужили 10 проповедей митрополита Антония Сурожского, что составляет около 7 тыс. словоупотреблений.

Выбор подобного материала обусловлен следующими факторами: проповедь представляет собой один из основных жанров современного религиозного дискурса; является источником сведений о конфессии оратора, его мировоззрении, установках и стимулах, отражает эмоциональный и творческий опыт проповедника; главная цель такой религиозной коммуникации – это приобщение человека к Богу [Карасик, 1999].

Андрей Борисович Блум – именно таким было имя митрополита до пострига, а уже позже он получил титул Сурожский. Епископ Русской православной церкви был не только православным священником, но и автором многочисленных книг, мемуаров, являлся доктором богословия, владел тремя языками.

Митрополит Антоний был одним из наиболее популярных православных проповедников XX века и кроме вышеперечисленных званий был врачом-хирургом, работал на фронте в госпитале. Следует отметить, что в России он никогда не жил, а большую часть своей жизни провел в Лондоне. Также местом его жизни были и другие страны: Швейцария, где он родился, и Франция, где и прошла вся

его юность и состоялась первая встреча с Богом. Как богослов и пастырь митрополит Антоний внес весомый вклад в богословскую мысль и гомилетическую науку.

Первым делом мы обратимся к **орфоэпическим, произносительным особенностям** речи Антония Сурожского.

В его речи отмечается отсутствие оглушение звонких согласных звуков в слабой позиции – на конце слова. Например, такие в словах *Бог, вдруг, мог*, у митрополита конечные взрывные звуки звучат звонко, ярко и отчетливо. Данная особенность представляет собой отступление от литературной нормы русского языка и может рассматриваться как проявление иноязычного акцента.

- *«Помилуй мя!». Но не слышал его **Бог** ([г]).*
- *И сегодня мы должны вспоминать с особенной любовью и благоговением тех святых, которые так глубоко вросли в тайну Божью, которые так подвижнически открылись Ему, что Он **мог** ([г]) через них приобщить нас к истине.*

Обращает на себя внимание специфическое произношение слова «миллионы», которое регулярно встречается в проповедях митрополита Антония Сурожского. Оратор произносит данное слово с ударным звуком [о] после мягкого среднеязычного согласного [j], что также является отступлением от нормы русского литературного языка. Митрополит с помощью слова «милльёны» указывает на многочисленность упоминаемых людей – верующих, погибших. На это слово во всех наших примерах падает смысловой акцент, митрополит выделяет данную номинацию интонационно, заменяет абстрактное слово «много», а применяет то, которое имеет более сильную смысловую нагрузку.

- *Я скажу теперь и на английском языке, потому что у нас есть, что сказать всему миру после того, как **милльёны** наших братьев и сестер умерли за веру.*
- ***Милльёны** умирают с голоду, **милльёны** погибают от меча, от огня, от болезни, от человеческой ненависти или от человеческого безразличия, **милльёны** гибнут и не только в языческом мире прошлого, но и в нашем мире.*
- ***Милльёны** жизнью, часто едва начавшихся, прежде даже, чем достигнуто само осознание жизни, с невероятной жестокостью вырываются. Итак, зачем же дана эта нелепая жизнь?*

В речи Антония Сурожского отмечаются особенности произношения глаголов третьего лица: вместо твердого звука [т] оратор произносил мягкий [т'] на конце слов. Подобное проявление свойственно диалектной речи, а в случае мит-

рополита представляет собой еще одно отступление от литературной нормы, которое можно объяснить тем, что митрополита много говорил на иностранных языках и долго жил в иноязычной среде.

- *Смиренно помня, что это – дар Божий, который мы в глиняных сосудах несем и можем дать, как животворную воду, тем людям, которые жаждут и которые умирают.*

Не менее заметная орфоэпическая особенность речи митрополита может объясняться его ориентацией на старые орфоэпические нормы и на письменную традицию (произношение так, как пишется). В слове «что» регулярно произносится звук [ч], хотя литературная норма предполагает здесь произносить шипящий согласный [ш]:

- *Я знаю, **что** ([что]), Ты благ, но почему, почему Ты так безразличен к страданью моему?*
- *И когда с этими словами в его изнемогшей от страданий душе еще **что-то** ([что]), надорвалось, он вдруг, на мгновение увидел живого Христа.*

Теперь рассмотрим **лексические особенности** речи митрополита. В данном случае уместнее всего будет начать с устаревшей лексики и церковнославянизмов, которые можно разделять на подгруппы.

Первый пласт составляют слова, для которых характерно архаичное произношение. Например, в слове «**о́гнь**», ударение падает на первый слог, а оказавшийся в заударной позиции гласный выпадает, и слово звучит как церковнославянское, в словарях трактуется как устаревшее, книжное и поэтическое. Также стоит обратить внимание на характерные для религиозного дискурса грамматические формы ряда слов: слова «путь» в форме винительного падежа, множественного числа; слова «ересь» в форме творительного падежа, множественного числа.

- ***О́гнь** исполнил сердце его и все тело с такой силой, что, если бы видение продолжилось еще мгновение, он умер бы.*
- *«Господи, ты был прав во всех **путéх** твоих».*
- *Мы празднуем сегодня день торжества Православия над неправдой, над **éресьюми**, над лжеучениями.*

Второй пласт данной подгруппы включает в себя архаизмы, которые в словарях функционируют с пометами «книжное», «высокое», «устаревшее» и даже «церковнославянское». Употребление подобных единиц обуславливается жанром проповеди. Однако мы считаем, что каждый проповедник демонстрирует ход своих мыслей и подбирает средства выражения по-своему, при этом проявляются его личные особенности и предпочтения. Соответственно, стилистически маркированные слова, которые встретились нам в нашем материале, были неслу-

чайны. В данных проповедях оценочная и книжная лексика, церковнославянизмы обладают яркой экспрессией, стилистически выделяют и обогащают текст, способствуют усилению речевого воздействия.

- *Я помню, как меня одна **благочестивая** женщина спросила: «Сколько времени нам ее терпеть?»*
- *Хватило ли у нас когда-либо **дерзновения**, и я это слово употребляю не в смысле наглости, а в смысле неудержимой смелости, встать перед Богом и ему сказать: «Господи я тебя не могу понять!»*
- *И они дали себя **на заклание**.*
- *...с него потребовали, чтобы он публично заявил о своем богоотступничестве и **попрал** бы под своими ногами крест Христов.*

Важную роль в речи митрополита играет активное использование синонимов – их нанизывание. При этом можно встретить не только лексические и синтаксические синонимы, но и контекстные. С помощью такого приема автор пытается учесть, продемонстрировать все аспекты ситуации, донести свою идею до слушателя, расставить смысловые акценты и тем самым подчеркнуть основную мысль.

- *И тогда делается понятным, что некоторые люди, как Силуан, как Серафим Саровский, как Сергей Радонежский, как **многие-многие другие, тысячи других** могли, продолжать безусловно верить Богу, то есть доверять Ему до конца, **не сомневаясь** в том, что Его пути – не наши пути.*
- *И в этот момент примирения мы должны перед собой вопрос поставить, который я сейчас ставил все время **неуклюже, неумело**: «могу ли я до конца принять Бога, какой Он есть?»*
- *Подумаем о всех тех, кто нас окружает, о самых близких сначала, которые являются так часто жертвами нашего **себялюбия, эгоизма**.*
- *Чтобы вам показать, что **люди великого духа, громадной глубины** могут стоять перед вопросом и ставить Богу вопрос «Как ты, Господи, можешь так поступать?».*
- *Простить для того, чтобы можно было **нам вместе идти** со Христом, **а не идти порознь**; идти **вместе, нераздельно**, любя друг друга.*

Показательной характеристикой речевого портрета митрополита можно считать **синтаксические и грамматические особенности высказываний**. Сначала следует обратить внимание на конструкции с глаголом-связкой «есть», которые можно рассматривать как патетические и архаичные.

- *И **крепость, которая есть слабость**, и вдохновение, когда нет ничего в жизни, ради чего жить.*

- *Прожил так, чтобы доказать, что **истина есть жизнь**, и, приняв на Себя нашу судьбу, умер по любви к нам, ради нашего спасения.*
- *Каждый **человек есть продолжение** на земле воплощенного присутствия Христа и Святого Духа.*

Следующая яркая черта речевого портрета митрополита – активное нанизывание однородных членов предложения и обилие повторов. В нашем материале широко представлены контексты, которые содержат три типа конструкций: во-первых, однородные члены предложения; во-вторых, сочетания однородных членов и повторов; в-третьих, нанизывание нескольких видов однородных членов.

- *И мы окружены не **парализованными** телесно людьми, но людьми, которые **душевно, психически, всячески парализованы**, то есть которые бессильны жить полнотой жизни.*
- ***Взглянул на лицо человека, заглянул в его душу через его глаза, порой такие испуганные, такие отчаянные, такие полные боли или такие мертвые**, потому что человек потерял всякую надежду.*
- *Любовь начинается с момента, когда мы видим в человеке нечто **такое драгоценное, такое светлое, такое дивное**, что стоит **забыть себя, забыть про себя и отдать всю свою жизнь, свой ум, свое сердце** на то, чтобы этому человеку было светло и радостно.*
- *Вот поэтому, будем друг у друга просить прощения, то есть не говорить друг другу лживые слова о том, что я все тебе прощаю, **все обиды, все оскорбления, все унижения, всю неправду нашей жизни**, – нет.*
- ***Болезнь, смерть, убийство, война, взаимная ненависть, взаимное отчуждение, измена человека человеку, народа народу** – все это с самого начала существовало; но тогда люди не видели исхода из этого. Теперь же есть исход. Если мы верим во Христа, то знаем, что победа в конечном итоге – **за жизнью, за правдой, за истиной, за любовью, за милосердием, за состраданием.***

В речи митрополита регулярно наблюдается сочетание нескольких видов однородных членов предложения в рамках одного высказывания (в цитатах с помощью букв в круглых скобках, выделенных жирным шрифтом, обозначены группы однородных членов). Прежде всего, такие конструкции, обилие повторов и нанизывание синонимов подчеркивают важность мысли говорящего и акцентируют внимание слушателя на сказанном, помогают сконцентрироваться на главном.

Такое строение предложения демонстрирует стремление описать и прочувствовать все до мельчайших подробностей, придает высказываниям назидатель-

ный тон. Подобные конструкции являются длинными, синтаксически и грамматически сложными, однако произносятся оратором без ошибок и сбоев, в плавном, размеренном темпе.

- Будем сейчас совершать **(а)** молебен о том, чтобы они о нас молились, чтобы их подвиг ударил бы нас в душу, шоб мы вдохновились **(б)** их жизнью, их верностью и их смертью, прославили их перед Богом **(в)** не словами, не молебном, а переменной жизни, которая была бы **(г)** достойна их и достойна Христа Спасителя нашего.
- **(а)** Во время первой войны, во время революции, во время эмиграции, во время второй войны, **(б)** в лагерях, с голоду, на дорогах, в объятиях матерей, которые не могли их накормить ничем.
- Одним страшно жить, **(а)** потому что детство было такое **(б)** страшное, одинокое, жестокое, другим страшно жить, **(а)** потому что молодость прошла в обстоятельствах **(в)** жестокости, бессердечия. Многие остались неспособными жить, **(а)** потому что они видели слишком много ужаса **(г)** на войне или вокруг войны, или даже просто среди родных, **(д)** которые сумели возненавидеть и разрушать друг друга годами, которым страшно жить, которые не могут найти в себе силу поднять руку.
- Но мы можем сказать: Да, я тебя принимаю, какой ты есть; **(а)** ты для меня труден; ты, может быть, даже порой невыносим; ты так глубоко меня ранил в прошлом, что я **(б)** забыть этого не могу, пережить до конца не могу; но я тебя принимаю, и мы будем вместе идти, потому что **(в)** и ты, и другие многие **(г)** должны также меня принять, должны также меня терпеть, должны также меня нести.

Также в речи митрополита часто встречались инверсия и побудительные высказывания, то есть прямое побуждение в форме повелительного наклонения 2 лица множественного числа (*подумайте*) и в форме 1 лица множественного числа будущего времени (*взглянем*). Подобный порядок слов и форма глаголов были выбраны неспроста, так как благодаря им и интонации автор маркирует основную идею, он пытается «захватить» внимание паствы. Здесь также проявляется назидательность, категоричность и императивность.

- Это не значит, не думать ни о чем другом, но думать, чтобы его радость **была от дум моих** и последующих действий по отношению к человеку.
- Смиренно помня, что это – дар Божий, **который мы в глиняных сосудах несем** и можем дать, как животворную воду.
- Посмотрим друг на друга новыми глазами и начнем учиться, как можно видеть отчаяние в другом человеке, **бессилие его**.

- *Подумайте об этом, потому что так часто мы не можем до конца верить; но мы можем сказать: «Господи, я Тебе доверяюсь...»...*
- *Давайте примем дар Божий и будем его широко раздавать, не кичась тем, что мы православные...*
- *Взглянем друг на друга в наших семьях, среди наших друзей и в нашем приходе, и везде вокруг на улице, где бы то ни было, **взглянем, посмотрим.***
- *Подумаем об этом.*
- *Посмотрим друг на друга новыми глазами и **начнем учиться**, как можно видеть отчаяние в другом человеке, бессилие его.*

Последняя, но не менее своеобразная и уникальная конструкция автора, — это повторы для передачи значений «много» и «долго» через дублирование слов с союзом «и»: «N и N» (*годы и годы; тысячи и тысячи*); через указание на протяженность временного периода посредством конструкции с предлогами «из... в» (*из столетия в столетие*). Такой способ передачи информации встречается практически в каждой проанализированной нами проповеди, соответственно, может трактоваться как излюбленный прием, как характерная черта авторской речи.

- *И сегодня мы ликуем о том, что Господь так милостив, что в Нем столько любви и снисхождения, что Он стал открываться **из столетия в столетие** каждому человеку... («долго»).*
- *Мы сейчас слышали рассказ о расслабленном, который годами лежал у пруда, где он мог бы получить исцеление мгновенно, но он был парализован, он сам не мог двинуться с того места, где лежал, и никто за **годы и годы** не взглянул на него и не пожалел.*
- *И за ними **тысячи и тысячи** русских людей свою жизнь положили за веру и за верность.*

Цитатный фонд языкового сознания митрополита велик и многообразен, включает в себя объёмные и разнообразные религиозные тексты. Опираясь на Библию и святых отцов (базовые источники для всех жанров христианского религиозного дискурса), митрополит уверенно, без хезитаций строит свое выступление с обширным цитированием и отсылками.

- *О том же говорит Евангелие: так любить человека, чтобы всю жизнь отдать за него. (Евангелие от Иоанна 15:11–13)*
- *«Прости, как я прощаю, оставь мне мои грехи, как я оставляю грехи, согрешивших против меня». (Евангелие от Матфея 6:14–15)*
- *И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию. (Евангелие от Марка 9:24)*

Как показал проведенный анализ, в имеющемся материале выявляются отступления от орфоэпических норм русского литературного языка, которые могут объясняться коммуникативным опытом и биографией митрополита Антония Сурожского. Он хорошо знал и активно использовал иностранные языки для повседневного общения, так как формировался и долго жил в иноязычной среде. Архаизмы и церковнославянизмы, отражают специфику жанра проповеди и являются эффективным средством обращения к теоцентрической картине мира в православном дискурсе. В силу того, что религиозный опыт сложно выразить языковыми средствами, уместно использование эвфемизмов, тропов, устаревшей и экспрессивно-возвышенной лексики, прецедентных текстов и религиозной терминологии, что делает речь проповедника еще более эмоциональной и достоверной [Кожмякин, 2011].

Лексические и синтаксические особенности материала свидетельствуют о том, что Антоний Сурожский хорошо владеет русским литературным языком на данных уровнях. Митрополит опытный проповедник и оратор, он умеет строить воздействующие, назидательные проповеди, в которых имеется эмоциональная окраска и при этом проявляется сдержанность, строгость оратора.

В его проповедях есть место как акцентированию, усилению, уточнению смысла отдельных частей высказывания, так и разъяснению, убеждению, внушению, что и является доминирующей целью православной проповеди [Карасик, 2002]. В большинстве случаев то или иное смысловое выделение элементов рассуждения осуществляется взаимодействием собственно структурных средств со средствами интонационно-ритмическими.

Митрополит Антоний Сурожский повествует увлекательно и емко, без самоперебивов, сбоев и заминок, его речь плавная и грамотная, каждая проповедь обладает четкой структурой и логикой. При этом необходимо учитывать, что анализируемые проповеди являются спонтанными. В одном из интервью митрополит упомянул, что уже после первого десятилетия своего пострига перестал готовиться к своим проповедям заранее. Поэтому в каждой из них не только демонстрируется его владение русским языком, но и отражается его духовное состояние на текущий момент, а цитаты из Священного Писания делаются по памяти. Несомненно, это очень важные и отличительные черты опытного оратора, проповедника.

Еще один признак ораторского мастерства – умение не только сообщить сведения, но еще и убедить, возбудить слушателей, вызвать в них определенное действие, реакцию.

Так, по словам паствы митрополита Антония Сурожского, «он говорил, глядя нам прямо в глаза, его речь шла так же прямо в сердце, каждое слово было живым и до краев, до тяжести, до переизбытка полно смыслом...».

Таким образом, проповеди представляют собой ценный, информативный источник сведений о речевом портрете оратора; исследование текстов одного жанра позволяет выявить регулярные проявления и приёмы в речи говорящего. Сопоставление полученных данных с результатами анализа других жанров (например, интервью митрополита Антония Сурожского) позволит установить, насколько устойчивы данные речевые особенности оратора, и составляет перспективу нашего исследования.

Библиографический список

1. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: ВГПУ, 1999. С. 5–19.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
3. Кожемякин Е. А. Религиозный дискурс: методология исследования // Научные ведомости БелГУ. Сер: Философия. Социология. Право. 2011. №2 (97). Вып. 15. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/religioznym-diskurs-metodologiya-is-sledovaniya> (дата обращения: 14.01.2023).

SERMONS OF METROPOLITAN ANTONY OF SOUROZH AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE ORATER'S SPEECH PORTRAIT

Ermolaeva Victoria M.

Saratov State National Research University,
410012, Saratov, Astrakhanskaya st., 83, viktoriya.ermolaeva.01@mail.ru

The research is conducted within the framework of linguopersonology; the purpose of the work is to identify individual features of the speech portrait of Metropolitan Anthony of Sourozh on the material of his sermons. The features of the material are determined by the speaker's personal characteristics (life in the UK, proficiency in several languages) and his approach to preaching (spontaneity of speech, lack of a pre-prepared written text). The individualizing features of the speech portrait in the field of orthoepy, vocabulary, grammar, syntax, sources of precedent are revealed. There is a tendency to archaize speech, the desire for a clear arrangement of semantic accents and edification.

Key words: Speech portrait; speech genre; genre of preaching; religious discourse; linguopersonology; spontaneous speech.

К ОПЫТУ СОЗДАНИЯ ТЕЗАУРУСА ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ТЕЗАУРУСА ПО ТЕРМИНАМ КВАНТИТАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Загидуллина Милена Рафилевна

Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 32, milenazagm@mail.ru

Тенденция к лексикографической параметризации языка обуславливает актуальность использования тезаурусного описания как одного из методов формализации знания. Статья представляет собой теоретическую базу для создания тезауруса предметной области и обзор практического опыта составления тезауруса по терминам квантитативной лингвистики – область знания, занимающаяся экспликацией лингвистических явлений с помощью методов количественной математики, применяющая свои методы к различным языковым системам, модифицирующая представление о языковой системе и возможностях ее функционирования. В статье рассматривается опыт составления тезауруса на базе сервиса с открытым исходным кодом, отображающего данные как в текстовом, так и в визуальном виде. Словник тезауруса включает в себя сто терминов предметной области, классифицированных по семи темам квантитативной лингвистики, что составляет девять таксонов (один из них представляет собой одновременно и таксон для ряда терминов предметной области, и единицу другого таксона; другой является таксоном-ядром), каждый из которых был оформлен как двуязычный.

Ключевые слова: тезаурус; тезаурусное описание; таксон; квантитативная лингвистика; математические методы.

Одной из основных задач современной лингвистики является формирование структур языкового знания, участвующих в переработке получаемой человеком информации о реальном мире с целью его адаптации к окружающей среде [Костюшкина, 2006, с. 7].

Структурирование ментального содержания связано с языком и его системами. Систематика представляет собой вспомогательную для любой науки дисциплину, упорядочивающую изучаемые данной наукой объекты. Систематике характерны такие принципы как:

1. Единая иерархически организованная система;
2. Единая система номинации;
3. Единая система таксонов.

Таксономия представляет собой теорию систематизации сложноорганизованных областей действительности и знаний, имеющих иерархическое строение [Воробьева, 2022, с. 2].

По словам Р. О. Якобсона, «описание системы без таксономии, так же как таксономия без описания отдельных систем, есть простое противоречие в терминах; оба метода обуславливают друг друга» [Jakobson, 1971, p. 18].

Сам термин «таксономия» впервые был предложен в 1813 году швейцарским и французским ботаником Огюстеном Де Кандолем, занимавшимся классификацией растений, из-за чего изначально и применялся лишь в биологии. Впоследствии термин получил широкое применение и стал использоваться в рамках теории систематизации сложных групп и в других областях научных знаний [Воробьева, 2022, с. 3].

Базовым для таксономии является общеметодологическое понятие «классификация» – форма систематизации знаний с представлением распределенных на основании сходства в определенных свойствах изучаемых объектов в виде системы классов или групп.

Предполагая организацию классификации по какому-либо признаку или принципу, таксономия исследует вопросы объема и взаимного отношения соподчиненных групп или категорий. Для обозначения такого рода взаимосвязанных групп и объектов в таксономии используется термин «таксон».

Соответственно, таксон определяется как группа дискретных объектов, связанных той или иной степенью общности свойств и признаков [Баранов, 2001, с. 30]. Фактически таксоны представляют собой семантические поля.

Современная систематика языков предполагает в своей основе генетическую классификацию языков – изучение и группировку языков мира на основании определения родственных связей между ними (отнесения их к одной семье, группе) в соответствии с предположением о происхождении из общего праязыка. При генетическом подходе к языковой классификации оперируют следующими таксономическими категориями: «семья», «ветвь», «группа» и т.п. [Иванов, 1990].

Помимо всего, таксоны выступают в качестве словарных статей в словарях-тезаурусах. Впрочем, само понятие словарной статьи для тезаурусов оказывается размытым – именно поэтому применительно к их структуре используется понятие «таксон», трактующееся как любая совокупность слов и словосочетаний, которой сопоставляется единое семантическое описание в терминах дескрипторов тезауруса.

Одним из направлений деятельности современной лексикографии является решение вопроса кругового толкования – словарной интерпретации одного понятия, отсылающей ко второму понятию, интерпретация второго в свою очередь – к третьему, а третьего – к первому [Пиперски, 2021, с. 69].

Для более подробного описания, обратимся к примеру из «Толкового словаря русского языка» Сергея Ожегова [Ожегов, 1989]:

1. МЕСТО <...> 1. Пространство, к-рое занято кем-чем-н., на к-ром что-н. происходит, находится или где можно расположиться;

2. ПРОСТРАНСТВО <...> 3. Промежуток между чем-н., место, где что-н. вмещается;

3. ПРОМЕЖУТОК <...> Пространство или время, разделяющее что-н.

Таким образом, «место» – это пространство; «пространство» – это промежуток или место; «промежуток» – это пространство. Такого рода круговые толкования в целом выполняют свою функцию потому, что обычно пользователь словаря может в какой-то точке разомкнуть круг, встретив знакомый термин, через который находится и понимание других, – однако очевидно, что для стандартных словарей с теоретической точки зрения такая ситуация неудовлетворительна.

Впрочем, говоря о типологии словарей, стоит отметить, что она не ограничивается лишь общими и частными словарями [Баранов, 2001, с. 30], строение и функционирование которых представляются, когда речь заходит о лексикографии – на их фоне выделяются словари-тезаурусы, в которых приведенная суть концепции кругового толкования доводится до абсолюта, заменяя процесс объяснения слова выдачей связанных с ним семантическими отношениями слов, что и составляет его функционирование.

Тезаурус является лексическим инструментом информационно-поисковых систем. Он состоит из контролируемого, но изменяемого словаря терминов, между которыми указаны смысловые связи [Караулов, 1981, с. 148]. Караулов предлагает называть тезаурусом вообще всякий словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами, подразделяя их при этом на общеязыковые и информационно-поисковые (специальные тезаурусы) [Караулов, 1981, с. 149].

Тезаурусное описание, являясь одним из методов формализации знаний, представляет собой использование знаковых систем для представления знаний субъекта о предметной области. При тезаурусном описании знание фрагментируется и структурируется так, что оно оказывается разделенным на отдельные группы понятий, связанные между собой определенными отношениями [Прохоров, Филиппович, 2002].

Таким образом, лексикографическое описание, которое также относится к методам формализации знаний, представляет объекты и процессы в виде системы слов и их определений, а результатами лексикографической формализации выступают словари, словники, конкордансы – однако такие описания систем непоследовательны и прерывны – тезаурусы же призваны восстановить семантические отношения и связи между единицами языка, которые нарушены в словарях, созданных по алфавитному принципу [Дубичинский, 1998, с. 80].

Для понимания функционирования утвержденной выше концепции в рамках тезаурусного описания, рассмотрим пример описания глагола «move» популярным словарем-тезаурусом THESAURUS.COM в следующем формате: при запросе в поисковой строке глагола «move» среди перечня глаголов, связанных с ним семантическими отношениями, выдает: «go», «leave», «climb» и др. Переходя к глаголу «go», среди перечня глаголов находим «leave», «move». Переходя к глаголу «leave», находим «go», «move». Ниже приводится с несколько большим количеством выдаваемых при запросе глаголов таблица, в которой проявления толкования термина (заключенного в вертикальной строке) через другой термин (заключенного в горизонтальной строке) помечены знаком «*»:

Таблица 1

Круговое толкование глаголов движения в словаре-тезауруса

толкование термин	move	go	leave	Climb	Fly	jump	progress
move		*	*	*	*	*	*
go	*		*		*		*
leave	*	*			*		
climb	*						
fly	*			*			
jump	*						
progress	*	*					

При рассмотрении приведенных выше примеров толкования становится понятно главное структурное свойство тезауруса – наличие более чем одного входа; при помощи нескольких входов словарь-тезаурус представляет объемную когнитивную модель определенной отрасли знания или человеческой деятельности. Тезаурус, таким образом, расширяет число возможных «точек доступа» к словарному составу языка, увеличивая тем самым размерность семантического пространства лексики [Караулов, 1981, с. 149].

Определяя целью создание отраслевого тезауруса, что представляет собой одновременно и модель логико-семантической структуры терминологии, и модель структуры науки, логичным представляется создание тезауруса по такой области знаний как квантитативная лингвистика.

Современное языкознание определяет язык как системно-структурное образование, отдельные подсистемы которого именуются уровнями, представленными определенными единицами: фонемами, морфемами, лексемами, синтагмами [Левицкий, 2007, с. 10].

Исходя из того, что единицы каждого уровня языка находятся в иерархической зависимости от единиц высшего уровня, соответственно, число производных слов в том или ином языке зависит от числа аффиксов с деривационным значением, а число морфем от числа фонем (при этом число фонем в различных языках не совпадает), делается заключение, что язык характеризуется определенными качественными и количественными признаками [Левицкий, 2007, с. 10–11].

Под качественным анализом языка подразумевается выделение классов явлений, объединенных определенными качественными признаками, т.е. категоризация.

Категориями в таком смысле могут выступать единицы языка (фонемы, морфемы, лексемы), грамматические категории, грамматические способы (аффиксация, словосложение), типы слов, предложений и т.д.

Однако любая категоризация связана неразрывно с квантификацией языка – его количественным анализом. Например, квантификацией является утверждение, что в русском языке 6 падежей, в отличие от немецкого, где падежей 4.

Таким образом, в совокупности классификацию математических методов можно обозначить как [Пиотровский и др., 1997, с. 8–11]:

1. «Неколичественные» (теория множеств, теория алгоритмов, математическая логика и др.) методы – которые направлены на изучение системы языка. Этот раздел науки получил название «комбинаторная лингвистика».

2. «Количественные» (теория вероятности, математическая статистка, дисперсионный анализ, нормальное распределение, кластерный и факторный анализ, регрессивно-корреляционный анализ и др.) – методы, с помощью которых целесообразно исследовать текст. Направление, использующее данные методы, и называется «квантитативная лингвистика».

Исходя из вышесказанного, формулируется определение [Нелюбин 2003: 76], что квантитативная лингвистика изучает и эксплицирует лингвистические явления с помощью методов количественной математики, противопоставляется комбинаторной лингвистике.

Потому как главная цель количественной лингвистики, которой принято называть выявление и формулирование законов и закономерностей функционирования языка, в итоге приводит к обнаружению взаимосвязи между данными законами, их объединению в совокупность и построение на ее основе общей теории языка, формулируется идея о таком функционале количественной лингвистики как параметризация языка, его систематизация, чем так же занимаются словари-тезаурусы.

Первым шагом в создании тезауруса определяется составление словника из терминов количественной лингвистики, его анализ и определение семантических отношений.

Для осуществления заданной цели были выбраны и проанализированы несколько учебников по количественной лингвистике:

1. Арапов М.В. «Количественная лингвистика»;
2. Гребенщикова А.В. «Основы количественной лингвистики и новых информационных технологий: учебное пособие»;
3. Левицкий В.В. «Количественные методы в лингвистике»;
4. Пиотровский Р.Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. «Математическая лингвистика».

Для наполнения словника на данном этапе реализации проекта было принято решение отобрать сто единиц.

Выборка происходила с условием, что термин будущего таксона встречается во всех анализируемых источниках, а также на основе полного совпадения употребления термина в контексте определенной области знаний, темы. Затем термины были распределены на несколько категорий, соответственно своим темам, уже обозначенным в учебниках.

Данные наименования послужат основой при составлении двуязычных таксонов, однако для более удобной навигации в тезаурусе и его лаконичности некоторые из названий стоит изменить с соблюдением смысловой составляющей. Следует при этом отметить, что отраслевой тезаурус предполагает специализацию на конкретной области, соответственно, большую конкретизацию в обозначениях, с чем составители должны считаться; таким образом, в отличие от стандартного тезауруса, и таксоны, и термины все равно могут представлять собой достаточно длинные словосочетания и обозначения даже при постановке цели в создании лаконичного тезауруса.

Следующим шагом в подготовке к составлению тезауруса стала обработка словника для оформления его двуязычности.

В результате анализа составляющих будущий таксон тем и оформления двуязычности таксономические категории выглядят следующим образом:

1. Бесконечно малая величина – Infinitesimal;

2. Глоттохронология – Glottochronology;
3. Информационные модели – Information models;
4. Квантитативные закономерности – Linguistic laws;
5. Модель роста словаря – Dictionary Growth Model;
6. Статистические категории – Statistical categories;
7. Статистические методы в грамматике – Statistical methods in grammar;

Помимо этого, таксон «Квантитативные закономерности – Linguistic laws» имеет в качестве одной из своих единиц термин «Закон диверсификации», который является объединением для ряда других законов, составляющих наполнение закономерностей, соответственно, выступает как таксон – в связи с чем представляется логичным совершить и его перевод в числе таксонов:

8. Закон диверсификации – Law of diversification;

Кроме того, объединяющим «ядром» всего тезауруса стало центральное понятие, заявленное в теме проектной работы, «квантитативная лингвистика»:

9. Квантитативная лингвистика – Quantitative linguistics.

По завершении составления базы будущего словаря следующим логичным этапом является определение формата его отображения, физического вида.

На основе анализа различных словарей, осуществленного в теоретической части, нами делается вывод о визуальном формате как наиболее удобном, при этом остается необходимость в иерархическом отображении его составляющих в форме текста – такое сочетание предоставит пользователю свободу в определении наиболее удобного для себя способа использования тезауруса.

На основе анализа доступных сервисов мы выбрали программное средство с открытым исходным кодом для редактирования онтологий и систем управления WebProtégé (<https://webprotege.stanford.edu>).

Первым шагом является построение иерархии тезауруса: от ядра «Квантитативная лингвистика – Quantitative linguistics» к выведенным и оформленным нами двуязычным таксонам:

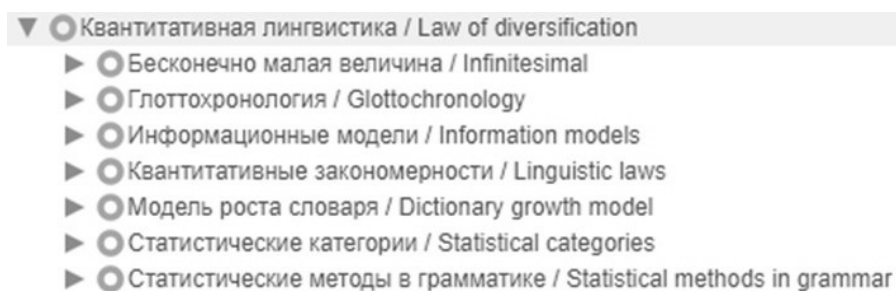

Рис. 1. Иерархическое представление таксонов тезауруса

Следующим шагом является задача семантических отношений. На данном этапе связь задается в первую очередь между внесенными таксонами через ядро «Квантитативная лингвистика – Quantitative linguistics»:

Annotations

↔ rdfs:label ≡ Квантитативная лингвистика / Law of diversification

Enter property Enter value

Parents

Enter a class name

Relationships

☐ Бесконечно малая ☒ Бесконечно малая величина / Infinitesimal

☐ Глоттохронология ☒ Глоттохронология / Glottochronology

☐ Информационные т ☒ Информационные модели / Information models

☐ Квантитативные за ☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws

☐ Модель роста слов ☒ Модель роста словаря / Dictionary growth model

☐ Статистические кат ☒ Статистические категории / Statistical categories

☐ Статистические ме ☒ Статистические методы в грамматике / Statistical methods in grammar

Рис. 2. Семантические отношения между таксонами и ядром

Как мы видим, программа отображает отношения термина в рамках нескольких полей:

1. «Annotation» – наименование единицы или таксона;
2. «Parents» – отображение таксона единицы. В рассматриваемом примере термин не включает в себе такого рода семантические отношения как принадлежность к таксону («Квантитативная лингвистика – Quantitative linguistic» является высшей в выстраиваемой иерархии, не имеет таксонов, в которые входит как единица);
3. «Relationships» – отображение других входящих в таксон единиц, которые связаны семантическими отношениями с рассматриваемой единицей.

Все поля заполняются составителями вручную.

Также средство позволяет отображать семантические отношения визуально:

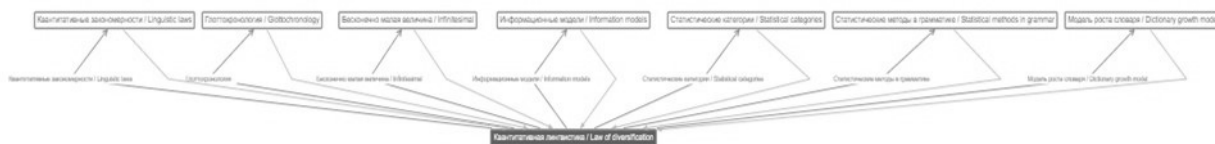

Рис. 3. Визуальное отображение отношений между таксонами и центральным термином

Следующим шагом каждый таксон поочередно заполняется единицами, представляющими собой термины определенной предметной области, которые по заполнению сразу принимают иерархический вид.

Рассмотрим отображение на примере заполненных таксонов по темам «Информационные модели – Information models», «Квантитативные закономерности

– Linguistic laws», а также подгруппы «Закон диверсификации – Law of diversification»:

- ▼ ☐ Информационные модели / Information models
 - ☐ Буквенные позиции
 - ☐ Количество энтропии
 - ☐ Комбинаторная способность
 - ☐ Контекстная обусловленность
 - ☐ Коэффициент убывания энтропии
 - ☐ Неопределенность
 - ☐ Непрерывная величина
 - ☐ Распределение информации
 - ☐ Синтактическая информация
- ▼ ☐ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
 - ☐ Закон
 - ☐ Закон Мартина
 - ☐ Закон Менцерата
 - ☐ Закон Пиотровского
 - ☐ Закон Ципфа
 - ▼ ☐ Закон диверсификации / Law of diversification
 - ☐ Закон распределения длин морфов
 - ☐ Закон распределения длин предложений
 - ☐ Закон распределения длин ритмических единиц
 - ☐ Закон распределения длин слов
 - ☐ Закон распределения длин слогов

Рис. 4. Единицы (термины предметной области) по темам

Рассмотрим вид визуального и текстового отображений отношений термина предметной области на примере единицы «Контекстная обусловленность» в составе таксона «Информационные модели – Information models».

Annotations

☐ rdfs:label

Контекстная обусловленность

Enter property
 Enter value

Parents

☐ Информационные модели / Information models

Enter a class name

Relationships

☐ Буквенные позиции
 ☐ Информационные модели / Information models

☐ Количество энтропии
 ☐ Информационные модели / Information models

☐ Комбинаторная спо
 ☐ Информационные модели / Information models

☐ Коэффициент убые
 ☐ Информационные модели / Information models

☐ Неопределенность
 ☐ Информационные модели / Information models

☐ Непрерывная велич
 ☐ Информационные модели / Information models

☐ Распределение инд
 ☐ Информационные модели / Information models

☐ Синтактическая инк
 ☐ Информационные модели / Information models

Рис. 5. Текстовое отображение отношений единицы «Контекстная обусловленность»

☐ Глоттохронология	☒ Глоттохронология / Glottochronology
☐ Доля означающих	☒ Глоттохронология / Glottochronology
☐ Закон	☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
☐ Закон диверсификации	☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
☐ Закон Мартина	☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
☐ Закон Менцерата	☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
☐ Закон Пиотровского	☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
☐ Закон текстового бл	☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
☐ Закон Ципфа	☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
☐ Закон частотно-ран	☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
☐ Категории	☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
☐ Класс гипотез	☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
☐ Конструкция	☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws
☐ Коэффициент поте	☒ Глоттохронология / Glottochronology
☐ Коэффициент сохр	☒ Глоттохронология / Glottochronology

Рис. 8. Связанные с термином «Ранг» единицы

Визуальное представление данной единицы представляется нестандартным в сравнении с единицами, обладающими более простой иерархией, при этом полностью отражает необходимые отношения с таксонами и смежными единицами:

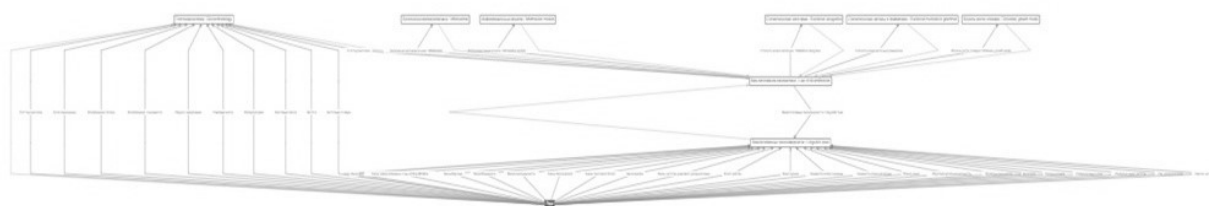

Рис. 9. Общий вид визуального отображения термина «Ранг»

Также нас интересует вид единиц с более сложной иерархией – как было упомянуто ранее, таксон «Квантитативные закономерности – Linguistic laws» включает в себя единицу «Закон диверсификации – Law of diversification», который в свою очередь является таксоном для ряда терминов предметной области.

Рассмотрим текстовое и визуальное отображения на примере единицы «Закон распределения длин морфов»:

Annotations	
☒ rdfs:label	<input type="text" value="Закон распределения длин морфов"/>
Enter property	Enter value
Parents	
☒ Закон диверсификации / Law of diversification	
☒ Квантитативные закономерности / Linguistic laws	

Рис. 10. Текстовое отображение термина предметной области «Закон распределения длин морфов»

Как мы видим, в поле таксонов, «Parents», отображены сразу и «Квантитативные закономерности – Linguistic laws» и «Закон диверсификации – Law of diversification».

Отличным – в сравнении с другими единицами – здесь является представление отношений в поле связанных с понятием единиц, «Relationships», ибо отображаются уже лишь те, что связаны именно в рамках таксона «Закон диверсификации – Law of diversification».

Рис. 11. Визуальное отображение термина предметной области
«Закон распределения длин морфов»

В визуальном отображении отмечаются и отношения с другими единицами таксона «Закон диверсификации – Law of diversification», затем более обширный таксон «Квантитативные закономерности – Linguistic laws» и связанные с первым единицы, после чего уже наблюдается восхождение к таксону-ядру и единицам, связанным с ним.

Таким образом, нами были разработаны и оформлены двуязычные таксоны тезаурусного описания по терминам квантитативной лингвистики, создан функционирующий тезаурус и продемонстрирована его работа.

Применение результатов проекта может способствовать более качественному изучению и лучшему освоению терминов квантитативной лингвистики студентами профильных направлений, а также может быть направлено на практическую деятельность. Помимо этого, удобный формат предоставляет возможность поиска в тезаурусе терминов, установления их таксонов и семантических отношений с другими терминами предметной области, а двуязычность таксонов способствует пониманию термина в случаях работы с иностранными источниками.

В дальнейшем результаты проекта, полученные на данном этапе, могут быть улучшены путем последующей разработки тезауруса, увеличения его

словника за счет внесения всех терминов количественной лингвистики, включения в него терминов общего языкознания, применения в качестве единиц необходимых математических формул и уравнений, связанных с областью знаний количественной лингвистики, на том же уровне, что и термины данной предметной области. Кроме того, весь словарь в будущем может быть оформлен в двуязычном формате.

Библиографический список

1. *Арапов М. В.* Количественная лингвистика. М.: Наука, 1988. 184 с.
2. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
3. *Воробьева С. В.* Таксономия // Гуманитарный портал: Концепты. 2022. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6845> (дата обращения: 09.04.2022).
4. *Гребенищикова А. В.* Основы количественной лингвистики и новых информационных технологий: учебное пособие. URL: <https://zh.eu1lib.org/book/2909419/60f083> (дата обращения: 10.04.2022).
5. *Дубичинский В. В.* Теоретическая и практическая лексикография // Wiener Slawischer Almanach. Sonderband 45. Wien; Харьков, 1998. 156 с.
6. *Иванов В. В.* Генеалогическая классификация языков // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/093d.html> (дата обращения: 11.04.2022).
7. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 366 с.
8. *Костюшкина Г. М., Озонова Л. Г., Попова А. А., Федотова М. А., Фетисова С. А., Фофин А. И., Эрдынеева Д. В.* Концептуализация и категоризация в языке. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. лингв. ун-та, 2006. 586 с.
9. *Левицкий В. В.* Количественные методы в лингвистике. Винница: Нова книга, 2007. 264 с.
10. *Нелюбин Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
11. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989. 750 с.
12. *Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А.* Математическая лингвистика. Учеб. пособие для пед. Институтов. М.: Высшая школа, 1977. 383 с.
13. *Пиперски А.* Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. URL: <https://svetapp.link/piperski-konstruirovanie-jazikov> (дата обращения: 10.04.2022).
14. *Филиппович Ю. Н., Прохоров А. В.* Семантика информационных технологий: Опыты словарно-тезаурусного описания. М.: Изд-во МГУП, 2002. 368 с.

15. Jakobson R. Implications of Language Universals for Linguistics. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Implications-of-Language-Universals-for-Linguistics-Jakobson/5a9e92c0eafe437a4e01b297166135261e01891a> (дата обращения: 09.04.2022)

**EXPERIENCE OF CREATING A THESAURUS
OF A SUBJECT AREA ON THE EXAMPLE OF A THESAURUS
OF TERMS OF QUANTITATIVE LINGUISTICS**

Zagidullina Milena R.

Ufa University of Science and Technology,
32, Zaki Validi st., Ufa, Rep. Bashkortostan, 450076, Russia, milenazagm@mail.ru

The trend towards lexicographic parametrization of language determines the relevance of using thesaurus description as one of the methods of formalization of knowledge. The article is a theoretical basis for creating a thesaurus of a subject area and a review of the practical experience of creating a thesaurus on terms of quantitative linguistics – the field of knowledge, explicating linguistic phenomena through quantitative mathematics, applying its methods to different language systems, modifying the language system concept and its functionality. The article considers the experience of drawing up a thesaurus on the basis of a service with open source, which displays data both in text and visual form. The glossary includes one hundred terms of the subject area, classified into seven topics of quantitative linguistics, which are nine taxa (one is both a taxon for a number of domain terms and a part of another taxon; the other one is a core taxon) each of which was completed in two languages.

Key words: Thesaurus; thesaurus description taxon; quantitative linguistics; mathematical methods.

КОНЦЕПЦИИ КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ В РУССКОЙ СЕТЕВОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВА)

Любарский Руслан Васильевич

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа №57», 241029, Россия,
Брянск, просп. Московский, 3, ludmila12a@rambler.ru

Творчество Карлоса Кастанеды оказало воздействие на многих современных писателей и поэтов, в том числе и на представителей русской сетевой поэзии. Содержательное своеобразие произведений сетевых поэтов характеризуется новым подходом к использованию мистических и эзотерических сюжетов. Статья посвящена изучению творчества российского поэта Александра Семенова в контексте влияния художественно-философских идей Карлоса Кастанеды. Раскрывается специфика реализации концепций Кастанеды в поэзии А. Семенова. Методологической основой исследования выступают сравнительно-исторический, типологический и генетический методы. Рассматриваются отдельные положения учения Кастанеды о духовных и магических практиках. Сделан вывод о том, что в стихах А. Семенова нашли воплощение представления Карлоса Кастанеды о духовно-мистическом развитии человека.

Ключевые слова: Карлос Кастанеда; инобытие; воин; сетевая поэзия; Александр Семенов; ловец духов; сновидческий мир.

Особое место в современном литературном процессе занимает сетевая литература. Урбан К. Н. и Токарь О. В. под сетевой литературой понимают «совокупность литературных текстов, публикуемых в сети интернет, вне зависимости от их формы (текст, гипертекст, гипермедиа) и способа написания (единоличное авторство, коллективное авторство, машинное авторство)» [Урбан, Токарь, 2019, с. 95]. Представители сетевой литературы, как правило, публикуют свои произведения на разнообразных тематических сайтах, таких, например, как «Стихи.ру», «Проза.ру», «Самиздат», «Изба-читальня», а также в социальных сетях. Шумкина П. А., анализируя интернет-поэзию Стефании Даниловой, отмечает существенное отличие сетевых публикаций от печатных: «У сетевых публикаций есть множество преимуществ по сравнению с книжными: быстрота доступа, возможность связаться с автором публикаций напрямую, возможность использования визуального, звукового и видео-оформления посредством современных цифровых технологий» [Шумкина, 2017, с. 71]. Данные преимущества

способствовали возникновению феномена сетевой поэзии и прозы, которые стали уже составной частью современной русской литературы.

Данилова С. рассматривает сетевую литературу как неотъемлемую составляющую культуры поэтов-миллениалов, под которыми понимаются авторы, родившиеся в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Некоторые миллениалы публикуют свои произведения как в печатном виде, так и на различных интернет-платформах. Данилова С. исследует сетевое творчество поэтов-миллениалов как художественное пространство для изображения несчастливого детства: «Что касается миллениалов, то они пишут о детстве в темных тонах <...>. Дискурс современной сетевой литературы предлагает широкий спектр интерпретаций символики уже устоявшихся образов <...>. Это исследование представляет собой аналитический срез нестандартных, сложных и тяжелых образов детства и самого ребенка» [Danilova, 2017, с. 110].

Также изучением сетевой литературы занимаются такие исследователи, как Антонова Е. В. [Антонова, 2018], Родионова А. Е., Адельмурзина И. Ф., Галкин А. В. [Родионова, Адельмурзина, Галкин, 2019] и многие другие. Важным аспектом в исследовании современной литературы является влияние концепций Карлоса Кастанеды на творчество сетевых поэтов. В основе произведений Кастанеды – духовно-мистическое преображение человека (воина, мага, «человека знания», «видящего»), освоение и конструирование иных реальностей. Идеи Кастанеды, в частности, реализовались в поэтическом цикле брянского сетевого поэта Александра Семенова (псевдоним – Петр Вневременный) «В поисках духововки дона Хенаро». Помимо этого, Семенов является автором циклов стихов «Квинтэссенция фатума» и «Позолоченный баритон».

Название цикла «В поисках духововки дона Хенаро» отсылает читателя к кастанедовской концепции призыва «союзника» (духа-помощника) с помощью «ловца духов». «Союзник» необходим для того, чтобы поделиться с магом духовной энергией, придающей особую мистическую силу. У учителя Кастанеды дона Хуана был свой «ловец духов», который принимал форму вепря: «Что представляет из себя "ловец духов"? – Это веревочка. С ее помощью я могу призывать союзников, в том числе – своего собственного, или духов источников, рек, гор. Мой "ловец духов" – вепрь, поэтому он и звучит подобно ему» [Кастанеда, 2014, с. 249].

«Ловец духов» способен с помощью особых звуков призвать того или иного духа-союзника, энергия которого делает возможным не только преобразование способностей мага, но и его духовное совершенствование, заключающееся в возможности освоить инобытийные миры. В названии поэтического цикла упоминается бенефактор («благодетель», «учитель») Кастанеды – дон Хенаро, который отличается наивысшим духовным могуществом. «Ловец духов» дона Хенаро в

книгах Кастанеды фактически никак не проявляется. Однако поиск «духоловки» дона Хенаро свидетельствует о стремлении обрести огромную магическую силу, которая поможет наибо́льшим образом достичь совершенства в сакральной области ирреального знания. Могущество дона Хенаро основано на безграничной любви к миру и юмористическом отношении к окружающим явлениям. Именно эти два аспекта наполняют его сущность практически нескончаемой энергией.

Итак, идея цикла стихов Семенова, которая состоит в поиске путей духовного преобразования человека, основана на концепции мистического развития Кастанеды.

Лирический герой стихотворения «Нестареющий лес, облакакорабли...» находится в мексиканской пустыне Сонора – месте, где Кастанеда учился мистическим практикам у дона Хуана. Герой стихотворения изменил свое восприятие повседневной действительности настолько, что он существует теперь как будто бы вне ее. Поэтому Сонора, с одной стороны, находится под ногами героя стихотворения, а, с другой, – над ним:

Я живу на другой половине Земли:

Подо мною пустыня Сонора.

Это странно почуять, и даже понять:

Надо мною Сонора-пустыня! [*Петр Вневременный*]

Преобразование лирического героя в сверхчеловека, способного находиться вне повседневной действительности, сопряжено с кастанедовской концепцией «безупречности». «Безупречность», с точки зрения Кастанеды, – это постижение магических техник воина, благодаря которым становится возможным освобождение от привычной жизни. Это достигается с помощью принципов «принятия ответственности», «отказа от чувства собственной важности» и т. д. Духовное развитие героя Семенова связано с осознанием пустыни Сонора как образца «безупречности» ввиду концентрации в ней мистической энергии, позволяющей пребывать вне явлений обыденного мира. Для этого необходимо модифицировать свое восприятие и увидеть внутри себя недоступную зрению обыкновенного человека сакральную суть пустыни:

Совершенству предела конечно же нет.

Угол зрения важен отныне:

Чтобы видеть вокруг удивительный свет,

Зри в себе безупречность пустыни [*Петр Вневременный*].

Попытка лирического героя изменить «угол зрения», чтобы достичь «безупречности», связана с принципом «не-делания» Кастанеды. «Неделание» представляет собой фокусирование внимания на предметах с целью рассмотрения их тайной природы и последующего преобразования посредством сознания. Иными

словами, «не-делание» позволяет увидеть в обыденных вещах возможность создания ирреальных явлений. Дон Хуан обучал Кастанеду «не-деланию» на примере камня и валуна, с которыми следовало мысленно совершить определенное действие: «Деланием разделяют этот камешек и этот валун. Чтобы научиться не-деланию, тебе, скажем так, нужно слить их воедино» [*Кастанеда*, 2013б, с. 211]. Однако метаморфоза камня и валуна требует осознания их внутренней энергетической сути, которую могут постичь лишь «посвященные». Таким образом, духовное развитие человека в стихотворении Семенова сопряжено с концепцией «безупречности» и принципом «не-делания» Кастанеды. Об этом говорят изображение разрыва связи с человеческой реальностью и осуществление возможности заметить в привычных явлениях отличный от обыденного восприятия инобытийный феномен.

В стихотворении «Пашешь от зарплаты ль до зарплаты...» автор показывает рутинность обыденной жизни. Однако существовать по законам повседневности Семенов считает недопустимым:

Пашешь от зарплаты ль до зарплаты,
Или поднимаешь черный флаг...
Хочется сказать вам так, ребята:
Во вселенной все совсем не так [*Петр Вневременный*].

Нежелание быть связанным с окружающей действительностью перерастает в бунт против нее. Лирический герой намерен вырваться из этого будничного круга:

...Этот мир, граничный и убогий,
Я на пике разума вертел
В тех мирах, где мыслят, словно боги,
В тех мирах, где каждый колос спел... [*Петр Вневременный*]

Причем герой выражает намерение оказаться в иных мирах, отличных от человеческого. Инобытийные реальности, которые, с точки зрения автора, присутствуют во Вселенной в огромном количестве, являются утопичным пространством с наилучшими условиями для жизни. Неслучайно там «каждый колос спел» и «мыслят, словно боги». В своих произведениях Кастанеда также придерживается концепции «многомирия». По его мнению, «мир похож на луковицу своими многими уровнями. Тот мир, который мы знаем – это лишь один из многих. Иногда мы пересекаем границы и выходим в другие плоскости, другие миры, очень похожие на наш, но не совпадающие с ним» [*Кастанеда*, 2013а, с. 194]. Общая для всех стихотворений Семенова стратегия духовно-мистического развития личности, основанная на идеях Кастанеды, – что проявляется и в самом названии цикла, – позволяет сделать вывод о реализации в творчестве поэта кастанедовской концепции «множественной реальности».

Кастанеда призывает отказаться от представления о повседневном мире как о единственно возможном. Он предлагает разорвать все связи с повседневностью, остановив «непрерывный поток чувственных интерпретаций» [Кастанеда, 2013б, с. 13], что и демонстрируют приведенные выше стихотворные строки о «многомирии».

Похожий принцип внедрения кастанедовских концепций наблюдается и в произведении «Веселый и странный звон». Окружающий человека мир значим гораздо менее, чем многообразие реальностей, существующих независимо от человеческого сознания и восприятия:

Веселый и странный звон.

И цокот нездешних слов.

И то, что вокруг – лишь фон

Над сонмом других миров [*Петр Вневременный*].

Однако для постижения инобытия необходимо некое сакральное явление, недоступное пониманию обычного человека. В стихотворении поэта – это возникающий таинственным образом звонкий смех:

И, ласкою, по ногам

Веревочка вьется вверх.

Быть может к другим мирам

Ведет этот звонкий смех! [*Петр Вневременный*]

Неизвестно откуда взявшаяся веревка, скорее всего, является отсылкой к «ловцу духов» дон Хуана – именно веревкой учитель Кастанеды именует свое приспособление для призыва духа-помощника. Стало быть, нечто сверхъестественное, называемое в стихотворении в третьем лице и соотносимое с «мерцающим желе», и есть тот самый загадочный «союзник-проводник» в неизведанную реальность:

На грани пустого сна

Открыты глаза во мгле.

И вот он. Оно. Без дна

Мерцающее желе [*Петр Вневременный*].

Но, в конце концов, предполагаемый «союзник» уходит в сновидение. Развивая идею Кастанеды о множественности миров, Семенов включает мир сна в это многообразие:

Борьба добавляет сил.

В тот раз он ушел в мир снов [*Петр Вневременный*].

Сновидческий мир является ядром многоуровневой Вселенной Карлоса Кастанеды. Именно поэтому дон Хуан учил автора концентрироваться на объектах сновидения, чтобы выполнять магические задачи и функции: «Чего добивался дон Хуан, давая мне первое задание? По существу, он хотел заставить меня

упражнять внимание сновидения посредством фокусировки на присутствующих в сновидении объектах» [Кастанеда, 2013а, с. 51]. Подобно Кастанеде, Семенов делает сновидение частью идеи «многомирия». Однако сновидческий мир показан поэтом в тесном взаимодействии с ирреальным феноменом-союзником.

В «Сонете ученого кота» инобытие представлено миром «безграничного знания», куда мысленно врывается «ученый кот». Семенов пишет:

Придерживая память от всплыванья,
Иглой пронзаю небосвод чугунный,
Врываясь в мир, такой иной, надлунный,
В обитель недочерпанного знания [*Петр Вневременный*].

«Обитель недочерпанного знания» является своеобразным художественным аналогом «теневого мира» Кастанеды: «Это мир теней. Я не смог удержать мое внимание сновидения. Оно направилось к теневым существам. Внезапно я заметил, что они похожи на стадо странных доверчивых животных» [Кастанеда, 2013а, с. 136]. «Внимание сновидения» является составной частью сознания воина и представляет собой сосредоточенность на элементах «мира теней». Присутствие в ином мире невозможно без фокусирования внимания на его составляющих. «Ученый кот» Семенова сосредотачивает собственное внимание на небе, чтобы силой сознания «прорвать» его и погрузиться в новую реальность:

Гляжу в безоблачную сферу неба,
Чуть сдерживая мысли от прокрутки [*Петр Вневременный*].

Тем самым «мир недочерпанного знания» Семенова отчасти сближается с кастанедовской «теновой реальностью», так как данные инобытийные феномены являются производными от разума субъекта.

В стихотворении «Вроде бы все привычно...» автор изображает героя Петю, который обрел свой дом. При этом послание поэта внедряется как антитеза привычной картине мира:

Вроде бы все привычно,
Вроде бы все знакомо.
Только мне шлет посланье
Петя, который дома [*Петр Вневременный*].

Обитель Пети – это мистическая реальность, находящаяся за границами видимой Вселенной:

Шлет мне посланье Петя
Из-за границ Вселенной [*Петр Вневременный*].

Нахождение в инобытии делает Петю своеобразным кастанедовским воином, у которого внезапно обнаруживаются магические способности:

Воин нагваля Петя
Шлет мне посланье первый!.. [*Петр Вневременный*].

Именно воин в произведениях Кастанеды способен перемещаться между действительностями: «Воин может <...> получить толчок, позволяющий ему проникнуть в невообразимые миры» [*Кастанеда*, 2016, с. 195].

Таким образом, в творчестве Александра Семенова возникает приближенная к отечественному восприятию поэтическая модель кастанедовского воина. В цикле стихов «В поисках духоловки дона Хенаро» присутствует кастанедовская концепция мистического совершенствования человека, предполагающая уход от повседневности в инобытийные миры. Мистическое совершенствование в стихах Семенова является также художественной моделью кастанедовских концепций «не-делания» и «безупречности».

Библиографический список

1. Антонова Е. В. Сетевая литература как новая жанровая форма современной литературы // Эстетика минимализма: малые жанры как форма времени: Матер. XXI Всерос. науч.-практ. конф. Словесников / под ред. О.Ю. Багдасарян. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 93–96.
2. Вневременный П. В поисках духоловки дона Хенаро. URL: <https://stihi.ru/2021/11/15/8979> (дата обращения: 03.12.2022).
3. Кастанеда К. Искусство Сновидения. М.: «София», 2013а. 288 с.
4. Кастанеда К. Огонь Изнутри. Сила Безмолвия. М.: «София», 2016. 736 с.
5. Кастанеда К. Отдельная Реальность. М.: «София», 2014. 288 с.
6. Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. М.: «София», 2013б. 288 с.
7. Родионова А. Е., Адельмурзина И. Ф., Галкин А. В. Использование современной сетевой литературы (фан-литературы) при изучении географии // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2019. Т. XXI, № 69. С. 28–37.
8. Урбан К. Н., Токарь О. В. Особенности сетевой литературы, отличия и сходства с традиционной литературой // Труды Белорусского государственного технологического университета. Сер. 4 «Принт – и медиатехнологии». 2019. № 2 (225). С. 95–100.
9. Шумкина П. А. Поэтика сетевой литературы в творчестве Стефании Даниловой // Мировая литература глазами современной молодежи: Сб. матер. III Междунар. студ. науч.-практ. конф. / науч. ред. С.В. Рудакова. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2017. С. 71–76.
10. Danilova S. Black mirror: destroying the idyll of happy childhood, or the so-cium today in the millenials' poetry // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2017. Т. XIV, № 1. С. 110–115.

CARLOS CASTANEDA'S CONCEPTS IN RUSSIAN NETWORK POETRY (ON THE EXAMPLE OF ALEXANDER SEMENOV'S CREATIVITY)

Lubarsky Ruslan V.

Municipal budgetary educational institution "Secondary school No. 57",
3, Moskovsky ave., Bryansk, 241029, Russia, ludmila12a@rambler.ru

Carlos Castaneda's work influenced many modern writers and poets, including representatives of Russian network poetry. The content originality of the works of network poets is characterized by a new approach to the use of mystical and esoteric plots. The article is devoted to the study of the work of the Russian poet Alexander Semyonov in the context of the influence of the artistic and philosophical ideas of Carlos Castaneda. The specificity of the implementation of Castaneda's concepts in the poetry of A. Semyonov is revealed. The methodological basis of the study is the comparative historical, typological and genetic methods. Some provisions of Castaneda's teaching about spiritual and magical practices are considered. It is concluded that in the poems of A. Semyonov, Carlos Castaneda's ideas about the spiritual and mystical development of man were embodied.

Key words: *Carlos Castaneda; otherness; warrior; network poetry; Alexander Semenov; spirit catcher; dream world.*

**ОРГАНИЗАЦИЯ ЦВЕТОВОГО ПРОСТРАНСТВА
В СБОРНИКЕ ПЕРИКЛА СТАВРОВА «БЕЗ ПОСЛЕДСТВИЙ»
КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ПРИОБЩЕНИЯ ПОЭТА
К «ПАРИЖСКОЙ НОТЕ»**

Малых Вадим Алексеевич

Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36, vadik.malyh2015@yandex.ru

Статья посвящена исследованию и разносторонней классификации лексем, организующих цветное пространство в стихотворном сборнике поэта-эмигранта первой волны П. Ставрова «Без последствий». В рамках статьи на основе рассмотрения принципов организации цветного пространства при их соотношении с основными поэтологическими принципами «парижской ноты» предпринимается попытка ответа на дискуссионный в настоящее время вопрос о принадлежности П. Ставрова к данному литературному явлению. В результате анализа цветного пространства обнаруживается символическое наполнение наиболее взаимосвязанных между собой цветов, а также отмечается утрата традиционной жизнеутверждающей символики. В ходе исследования сделан вывод о том, что организация цветного пространства в сборнике П. Ставрова не противоречит поэтическим требованиям Г. Адамовича – идейного вдохновителя «парижской ноты».

Ключевые слова: цветонаименования; цветное пространство; П. Ставров; поэты «парижской ноты»; символика цвета.

Среди исследователей «парижской ноты» до сих пор нет единого мнения по вопросу о том, кого стоит относить к этой «не оформленной организационно поэтической школе» [Литературная энциклопедия..., 2001, с. 718], как нет и четко оформившегося и сформулированного способа для определения принадлежности того или иного поэта к «ноте». Руководствуясь словами Ю. Терапиано об особом «поэтическом мироощущении, которое выявилось потом под именем "парижской ноты"» [Терапиано, 1953, с. 98], мы обращаемся к анализу организации цветного пространства как одному из возможных путей приобщения поэтов-парижан к данному литературному явлению, поскольку цветообразование, а также «символика цвета и зрительная яркость – значимые особенности поэтического мышления и мировосприятия поэта» [Лысова и др., 2021, с. 145].

Организация цветного пространства рассматривается нами на материале стихотворений Перикла Ставрова, вошедших в его первый поэтический сборник «Без последствий», а цитирование стихотворений приводится по электронной версии издания Е. Голубовского и В. Амурского «Перикл Ставров. На взмахе крыла».

Перикл Ставров (полное имя Перикл Ставрович Ставропуло) –представитель «младшего литературного поколения» первой волны эмиграции, поэт и прозаик, переводчик. В Париже, где П. Ставров жил с 1926 г., были изданы два его поэтических сборника: «Без последствий», 1933 г., и «Ночью», 1937 г. [Краткий биографический..., 1996, с. 361]. Выбор поэта обусловлен значительными расхождениями в оценке его принадлежности к «парижской ноте». Такие исследователи, как Вадим Крейд и Глеб Струве, отмечали близость поэта к последователям Г. Адамовича [В Россию ветром..., 2003, с. 12; *Струве*, 1996, с. 222], хотя имя Ставрова не фигурирует, например, в работе Джона Глэда или статье Олега Коростелева, помещенной в Литературную энциклопедию терминов и понятий под ред. Николюкина [Глэд, 1991; Литературная энциклопедия..., 2001].

В рамках исследования нами был произведен подсчет лексем, организующих цветовое пространство сборника Ставрова, в результате чего установлено, что на 28 стихотворений приходится 66 лексем, которые встречаются в большинстве поэтических произведений (23 из 28). Также в результате частеречной классификации лексем были получены следующие данные, приведенные в табл. 1:

Таблица 1

Частеречная классификация лексем, организующих цветовое пространство

Часть речи	Количество употреблений
Прилагательное	33
Существительное	28
Глагольная часть речи	5

Полученные данные показывают, что, организуя цветовое пространство, П. Ставров в основном прибегает к атрибутивным (*черных, желтым, розовом*) и предметным (*синева, кровью, пепел*) лексемам, тем самым не только качественно характеризуя с их помощью художественное пространство сборника, но и объективируя, опредмечивая цвет, чтобы добиться нужного символического наполнения анализируемых лексем. Процессуальные лексемы играют менее заметную роль на фоне предыдущих групп, однако и они направлены на символизацию цвета.

Так, например, символика красного цвета объективируется через образ огня, пламени («Где в черную улицу белый **огонь**, / Как кровь из артерии, хлещет»; «И в чаду, и в **огне** загорается мир») или через образ крови («Песня. И **кровь** стучит, / Песня залита **кровью**»; «**Перекржавив** зев, / Болью на льду раскинется»), создавая апокалиптическое виденье мира. При этом само прилагательное *красный* насчитывает только одно употребление, что говорит о собственно цветоименованиях как о лексико-семантической группе не единственной, но в том числе образующей цветовое пространство художественного текста.

В этой связи мы разделили лексемы, организующие пространство цвета, на три типа:

1) лексемы-цветонаименования: *синеет, серую, белый* и др., – 34 употребления;

2) лексемы, имеющие цветовой компонент в своей дефиниции: *кровью* («1) Жидкость красного цвета, циркулирующая в организме человека или животного...» [Новый словарь..., 2000]), *лунной* («4) Молочно-белый, серебристо-белый (о цвете, свете)» [Новый словарь..., 2000]), *сталь* («1) Твердый ковкий металл серебристо-серого цвета» [Новый словарь..., 2000]) и др., – 15 употребления;

3) лексемы, опосредованно связанные с цветовой семантикой: *окровянив, вороний, медом* и др., – 17 употреблений. К данному типу относятся производные и производные лексемы однокоренных слов второго типа: *перекровавив* (кровь), *цинковый* (цинк – «Химический элемент, ковкий металл синевато-белого цвета» [Новый словарь..., 2000]), *пламя* (пламенный – «4) Имеющий цвет пламени; алый» [Новый словарь..., 2000]).

И если первый тип лексем в большей степени используется для актуализации цвета как такового («*вызеленив сукно*»; «*и в синеве не угадать*»; «*страницы желтее лимона*»; «*и в черную улицу белый огонь*»), то второй и третий типы через усиление образности цвета в основном выполняют экспрессивную функцию в художественном пространстве сборника («*Он в чемодане агоний / Девью увозит кровь*»; «*Это конь твой по аспиду пишет / Затекающих хрипом дорог*»).

При обращении к цветовой палитре художественного пространства сборника П. Ставрова, в соответствии с традицией выделения в русском языке двенадцати основных цветов [Цвет и названия..., 2005, с. 16], были получены следующие результаты, представленные в таблице 2.

Полученные данные, с одной стороны, позволяют говорить о количественном преобладании цветов хроматической группы (36 словоупотреблений) над ахроматической (29 словоупотреблений). Такое преобладание можно трактовать как отказ П. Ставрова от следования одному из ведущих поэтических требований Г. Адамовича: «делать поэзию из материала элементарного, из "да" и "нет", из "белого" и "черного", из "стола" и "стула", без каких-либо украшений» [Ратников, 1998, с. 36]. Однако, с другой стороны, в организации цветового пространства сборника значительно преобладают те цвета, которые образуют базовые, элементарные цветовые триады: *черный—белый—серый* и *красный—синий—желтый*, что укладывается в концепцию идейного вдохновителя «парижской ноты». Кроме того, стоит отметить, что в среднем в ахроматической группе на каждый из трех цветов приходится примерно девять лексем (с округлением в меньшую сторону), а в хроматической группе, при наличии в ней вдвое большего количества цветов, каждому из них отведено шесть лексем.

Количественное соотношение лексем, организующих цветовое пространство

Цвет	Количество употреблений лексем, связанных с данным цветом
Черный	15
Красный	14
Желтый	10
Белый	9
Синий	9
Серый	5
Фиолетовый	2
Зеленый	1
Розовый	1

В качестве одного из основных принципов создания цветового пространства П. Ставровым следует отметить неизолированность, сочетаемость большинства цветов, которая достигается либо с помощью фонетического сходства, созвучия (*червонный, черный, чернильный*), либо через использование лексем, которые, выражая определенный цвет, придают ему дополнительный оттенок, зафиксированный в толковых словарях, или же которые, исходя из своего толкования, могут обозначать разные цвета (*сталью* – серебристо-серый, *ртутными* – серебристо-белый, *цинковой* – синевато-белый, *свинцовым* – синевато-серый, *пепел* – серый или черный, *вороньим* – серо-черный, *аспиду* – синевато-черный, *скуфьей* – черный или фиолетовый). В результате первого способа образуется связь черного, красного и фиолетового, второй способ связывает фиолетовый, черный, белый, серый и синий цвета, которые, как бы плавно перетекая друг в друга благодаря оттенкам, смешиваются между собой.

Подобное смешение, на наш взгляд, (не отменяя значимости специфических особенностей каждого цвета) в какой-то степени уподобляет один цвет другому, «снимает» контрасты и различия между ними как «визуально», образно, так и идейно: используемые П. Ставровым цвета подчиняются общей тенденции наделения пессимистической, катастрофичной и трагедийной символикой.

Так, черный цвет, представленный цветоименованиями, в половине случаев используется при описании вещного мира («*черные крыши*», «*черным прогалинам*», «*черные струны*», «*черных сваях*»), но, поскольку данный цвет традиционно связывается с «системой смыслов, стереотипов и символов <...>: мистическое, тьма, зло, неизведанное, отрицательное» [Сандалова, 2022, с. 31–32], приведенные выше примеры накладываются на метафорическое употребление лексем, выражающих черный цвет и содержащих негативную коннотацию («*чер-*

ную улицу», «В черный плен заключат», «на черном закате», «застрясть в темноте», «Захлебнутся и в ночь наклюбят темнотою» и др.). В результате черный цвет становится олицетворением чего-то зловещего («Погляди – над **вороньим** пленом / Полыхает полет огней»; «А эта **тьма** газет – газет / Так злободневно торжествует») и напоминанием о свершившихся катастрофах и трагедиях («по основам **черных** событий»).

Фиолетовый цвет благодаря емкой метафоре («Под затравленный шепот учебы / На **чернильные**, взмокшие пятна / Пусть прольется **чернильная** злоба / На холодных листах, на распятых») и контексту, лишенному каких-либо положительных нот, соотносится с эмоциональным напряжением, с такой разрушительной эмоцией, как злость.

С идеями о трауре или угасании жизни связано использование П. Ставровым лексем, так или иначе выражающих серый цвет, в стихотворениях «Туман» («Сыплет теперь туман / **Пеплом** остывшей тризны»), «Вниманье, вниманье» («Вниманье, вниманье – день / Затих на последней упорной утрате / <...> На десять минут – и затем, **посереб**, / Внизу растянуться на пыли дорожной») и «День так просто» («День так просто угас и вымер, / <...> Только стужа мелькнула печалью, / И, прозрев **серую** плесень, / Вечер, синею выжженный **сталью**, / Подымается тысячью весен»).

Белый цвет, несмотря на устойчивую ассоциативную связь с божественным, ангельским – в связи с христианством, а также с Белым движением – в связи с Гражданской войной, не получает в сборнике П. Ставрова этой исторической или религиозной символики. Напротив, в рамках сборника белый цвет имеет разнообразную сочетаемость (впрочем, лишенную положительной семантики: «Капли на стеклах – **ртутными** слитками»; «Только боли крутою приправивши **солью**»; «Пока пугающая явь / Не встанет призраком **белесым**»), значимым смысловым наполнением которой становится идея враждебности, в полной мере раскрывающаяся в заключительном стихотворении сборника «Север».

Наконец, синий цвет в ряде случаев соотносим с белым, приближаясь к выражению призрачности, иллюзорности бытия («Но разве судорга не та / На **синем** трепете рассвета?»; «И пар. И над паром луна, / Расшаркавшись ядом, мечтами да струями, / С трудом водворялась на **просинь** окна»), и черным, создавая предчувствие, предощущение чего-то зловещего («Зарницы **синей** и глубже, / В боль барабанит рука»; «**Синеет** потолок, / И звон сменяется шушаньем. / Того гляди – и скрипнет блок, / И глянет пустота зияньем»). Вместе с тем символику данного цвета можно считать наиболее неоднозначной, поскольку стихотворение «Синева», где П. Ставровым использовано несколько лексем, обозначающих синий цвет, проникнуто чувством детской беззаботности («Сейчас настойчиво и в ряд / Запляшут пляжные игрушки, / И гичка станет наугад /

Качать восторженной частушкой»), хотя события, описываемые в стихотворении, могут быть истолкованы и как первые признаки бури или шторма («*Синее синь, и ветер влет / Стал бить уверенно и споро*»; «*И в синеве не угадать / Той неожиданной свирели, / И, напрягаясь, провода / Уже пронзительно запели...*»).

Такое абсолютное наполнение используемых цветов негативной символикой, на наш взгляд, вызвано как мировосприятием поэта, находящегося в эмиграции «как бы на исходе мирового времени, «после всего», так и поэтикой «парижской ноты», чье «мирочувствие <...> можно определить как <...> умирание некоего бывшего целостного мира» [Хазан, 2008, с. 124–128] и отражение краха прежней системы ценностных ориентиров. Таким образом, лексем, организующие цветовое пространство сборника, вовлекаются в один из наиболее разработанных поэтами «парижской ноты» мотивов – мотив эсхатологии.

Подводя итог нашему исследованию, необходимо отметить, что организации цветового пространства в сборнике П. Ставрова присущ принцип сочетаемости цветов, что дает повод говорить о создании некой общей тональности, индивидуально-авторской палитры, требующей более детального рассмотрения (например, в отношении связи конкретных цветов с образно-мотивным комплексом). Использование П. Ставровым лексем, организующих цветовое пространство, за некоторыми исключениями не находит противоречий с поэтикой «парижской ноты», однако, подчеркнем, что предложенный способ приобщения того или иного поэта к «парижской ноте», раскрывая мироощущение поэта, все-таки не несет однозначного, исчерпывающего решения проблемы, поэтому его следует использовать в качестве дополнительного, подкрепляя, например, мотивным анализом или анализом языковых средств.

Библиографический список

1. В Россию ветром строчки занесет...: Поэты «парижской ноты» / сост., предисл., примеч. В. Крейда. М.: Мол. гвардия. 2003. 375[9] с.
2. Глэд Д. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М.: Кн. палата, 1991. 320 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 24.12.2022).
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / глав. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. 799 с.
5. Лысова О. В., Абдуллина А. Ш., Сайсанова М. Ю. Гармония цветообраза в поэзии С. Есенина как визуализация теории цвета // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 3 (105). С. 143–147. URL: <https://research->

journal.org/media/PDF/irj_issues/3-105-3.pdf#page=143 (дата обращения: 10.12.2022).

6. Ратников К. В. «Парижская нота» в поэзии русского зарубежья. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1998. 162 с.

7. Русская литература в изгнании / Глеб Струве. 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский; вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.

8. Сандалова М. М. Имена цвета и Петербургский текст русской литературы: семантика в рамках сверхтекста // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. трудов. Киров: Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2022. 154 с.

9. Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 204 с. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/terapiano_vstrechi_1953_text.pdf (дата обращения: 10.12.2022).

10. Хазан В. И. Из наблюдений над эмигрантской поэтикой // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 123–146. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11131726_38056008.pdf (дата обращения: 10.12.2022).

11. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. М.,: КомКнига, 2005. 216 с.

COLOUR AND SPACE ORGANISATION IN PERICLES STAVROV'S COMPILATION “WITHOUT CONSEQUENCES” AS AN ASPECT OF POET'S COMMUNION TO “PARISIAN NOTE”

Malykh Vadim A.

Vyatka State University, 36, Moskovskaya st., Kirov, 610000, Russia,
vadik.malyh2015@yandex.ru

The article is devoted to the study and classification of colour and space organising lexemes in P. Stavrov's – emigrant of the first wave – poetry compilation «Without consequences». While analysing the principles of colour and space organisation in the context of main poetologic ideas of «parisian note» the attempt to answer a still disputable question of P. Stavrov's belonging to the before-mentioned literary group is made. The analysis shows a symbolic meaning of frequently used correlated colours as well as the lack of traditional life-affirming symbolism. As a result the conclusion is made that colour and space organisation in P. Stavrov's compilation does not contradict poetic requests of G. Adamovich — the mastermind of «parisian note».

Key words: Color names, color space, P. Stavrov, poets of the «Parisian note», symbolism of color.

КОНТАМИНАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ В ДИСКУРСЕ СМИ

Обласова Александра Романовна

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
454080, Россия, Челябинск, просп. Ленина, 69, oblasova2000@mail.ru

В период пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией, возникли неологизмы, описывающие новые реалии. Природа возникновения неологизмов, связанных с этой инфекцией, в рамках дискурса СМИ ещё недостаточно изучена. В данном исследовании в первую очередь мы произвели выборку электронных статей, публикуемых в период пандемии, где были использованы неологизмы. На втором этапе исследования были проанализированы неологизмы, образованные при помощи контаминации. На третьем этапе исследования был выявлен ряд характерных черт. Исследование показало, что метод контаминации является продуктивным. Результаты исследования позволяют расширить знания о неологизмах, возникших в период пандемии в дискурсе англоязычных СМИ.

Ключевые слова: словообразование; неологизмы; контаминация; пандемия; коронавирус; дискурс; английский язык.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать особенности неологизмов, образованных при помощи контаминации, в период пандемии COVID-19 в дискурсе СМИ, основываясь на англоязычном материале.

Проблема возникновения неологизмов в период распространения коронавирусной инфекции является одной из обсуждаемых в настоящее время среди лингвистов, так как вирус повлиял не только на уклад жизни общества, его привычки и мировоззрение, но и на словарный состав языка и дискурс СМИ [Аксёнова, 2020].

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью использования контаминации в качестве одного из основных способов словообразования неологизмов в английском языке во время пандемии COVID-19 в дискурсе СМИ. Основными методами исследования являются анализ теоретико-методологической литературы по проблеме исследования, метод случайной выборки и описательный метод.

В качестве материала для исследования были выбраны электронные издания англоязычной прессы: The New York Times, Scientific Reports, Daily Mail Online, The Guardian, The New Yorker, The Times, The Washington Post. Объем выборки составляет 14 статей, которые выпускались в период с января 2020 года

и до марта 2022 года. Данные источники были выбраны, исходя из популярности и авторитетности изданий и количества их читателей.

Теоретической базой для данного исследования послужили работы лингвистов Караулова Ю.Н., Ахмановой О. С., Головина Б. Н., Лыкова А.Г., Калинина А. В., Торопцева И. С., Фоминой М. И. и Гилберта Л. Караулов Ю.Н. идентифицирует неологизмы как слова, значения слов или сочетания слов, появившихся в определённый период в каком-либо языке или использованных один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи [Ярцева, 1990].

Головин Б. Н. определяет неологизмы как слова, возникшие на памяти поколения, которое их применяет [Головин, 1977]. Кроме того, учёный считает, что принадлежность слов к неологизмам является свойством относительным и историчным. Он это объясняет тем, что для молодого поколения определенные термины уже не являются неологизмами, так как вошли в повседневный обиход почти с самого их рождения и уже потеряли для них «эффект новизны», а для более взрослого поколения они ещё будут являться неологизмами.

Ахманова О. С. даёт несколько определений термина «неологизм». В первом случае понятие трактуется в качестве слова или оборота, который был создан или возник для обозначения нового (ещё прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия. Однако учёный рассматривает следующее определение с долей критики и трактует «неологизм» как «новое слово или выражение, не получившее прав гражданства в общенародном языке и потому воспринимающееся как принадлежащее к особому, нередко сниженному стилю речи» [Ахманова, 2004].

Таким образом, понятие неологизм имеет обширное количество трактовок, однако рассмотренные определения не исключают друг друга, а дополняют. Исходя из этого, можно утверждать, что неологизмы – это слова, возникшие для обозначения нового предмета или явления и не потерявшие «эффект новизны» для определенной категории людей.

Учёные Головин Б. Л., Зырянова А. В., Гилберт Л., Ахманова О. С. рассматривали в своих работах способы возникновения неологизмов. Луи Гилберт в своей классификации выделяет 4 основные группы образования неологизмов:

- 1) фонологические неологизмы, появившиеся благодаря удачным сочетаниям звуков при использовании звукоподражания или даже сленговых слов;
- 2) различные заимствования, обладающие таким фонетическим распределением, которое обычно не свойственно английскому языку, и имеющие нетипичную морфологическую артикуляцию и выражающиеся в отсутствии мотивации;
- 3) семантические неологизмы, заменяющие уже ранее созданные слова, чтобы придать новому слову другой оттенок, окрашенность или смысл, если смысл первоначального понятия уже устарел или требует особых дополнений.

4) синтаксические, образованные при помощи комбинаций знаков, уже существующих в языке. Такими комбинациями могут являться словосочетание и словообразование, которые в свою очередь делятся на фразеологические (словосочетание) и морфологические (словообразование) неологизмы [Guilbert, 1975].

К морфологическим неологизмам можно отнести такие виды словообразования, как аффиксация, словосложение, различные виды сокращения (контаминация, иначе словослияние или блендинг; усечение, иначе клиппирование, обрезание или отсечение; аббревиация; акронимия; обратная деривация и т.д.).

Одним из основных способов словообразования является контаминация, известная также под такими терминами, как блендинг, словослияние и слияние. В его основе лежит составление единого слова из нескольких усеченных слов, поэтому данный вид словообразования часто путают с усечением [Кравченко, 2008]. Их основное отличие состоит в том, что в усечении процесс преобразования происходит в одном слове, а в словослиянии, как правило, усечение осуществляется в конце первого слова и в начале второго, после чего оставшиеся части соединяются воедино [Соловьева, Лихачева, 2021]. В определенных случаях одно из слов не меняет свою форму, присоединяясь к усеченному слову. Кроме того, встречаются случаи, когда в основе неологизма лежит больше двух сокращенных слов. В результате данного способа словообразования происходит наложение фонем на месте соединения двух слов.

Как отмечает Заботкина В.И., большая часть неологизмов, образованных при помощи контаминации, активно применяется в рекламе, печатных изданиях, на телевидение и во всех других видах СМИ. Эффект новизны привлекает зрителя, читателя или слушателя и заостряет их внимание на данном слове, в том числе и на информации в целом [Соловьева, Асылбаева, 2015].

На фоне этого во время пандемии COVID-19 возникли неологизмы, образованные посредством контаминации:

1. С начала 2020 года в СМИ часто используется термин *infodemic*, образованный при помощи данного способа словообразования: (*information + epidemic = infodemic*). Этот термин подразумевает под собой колоссальный наплыв информации (преимущественно негативной), связанной с пандемией COVID-19 [Cinelli и др., 2020].

2. Появление новой коронавирусной инфекции породило огромное количество теорий заговоров, связанных с истинным возникновением данного вируса. По одной из версий, вся пандемия была спланирована каким-то государством или даже группой стран. Такие предположения стали основой для термина «*plandemic*», образованного при помощи слияния двух лексических единиц: «*planned*» и «*pandemic*». Данный неологизм обозначает, что пандемия была спланирована кем-то [Culliford, 2020].

3. Термин «zoombie», появившийся при помощи слияния слов zoom и zombie, обозначает категорию людей, которая часто пользуется платформой «Zoom» для видеоконференций и находится в ожидании начала следующей онлайн-встречи, поэтому предпочитает не покидать дом из-за зависимости от видеозвонков [Kale, 2020].

4. Во время локдауна появился неологизм «covidéo», который образовался от слияния акронима «COVID» и лексической единицы «video». Данного термин обозначает видео, которое было снято в период и содержит сюжеты, связанные с пандемией [Каменева, 2021, с. 8]. В электронном издании газеты «The Times» данный термин связан именно с развлекательным контентом: «Comic Alison Spittle is hosting “Covideo” parties, where isolated individuals watch and discuss a film online together» [Corr, Gallagher, 2020].

5. С начала появления коронавируса появились вульгаризмы, связанные с неподобающим поведением людей во время пандемии. Одним из самых часто встречающихся примеров является термин «covidiot», который используется для обращения к человеку, пренебрегающего здоровьем других людей и их безопасностью. Например, он не носит маски в общественных местах, не соблюдает социальную дистанцию и другие меры предосторожности. Данный вульгаризм был образован при помощи слияния акронима «COVID» и лексической единицы «idiot» [Max, 2020].

6. Существует менее литературная форма у неологизма plandemic, а именно scamdemic, так как в то время, когда теории заговора о COVID-19 достигли своего максимума, понадобился новый термин, чтобы передать глобальность всемирной истерии. Данный вульгаризм был образован при помощи того же способа, как и plandemic: слияние «scam» и «pandemic». Основная разница двух неологизмов состоит в том, что последний содержит в себе явное обвинение государства, правительства, фармацевтических компаний и бизнесменов. По этой версии пандемия была спланирована из-за их намерения улучшить своё материальное благополучие за счёт среднего класса, а также они обвинялись в безразличии к судьбам простых людей [Chain, 2020].

7. Многие люди действительно стали ассоциировать пандемию с апокалипсисом, поэтому неологизм «coronapocalypse», образованный при помощи контаминации (coronavirus + apocalypse), был придуман. В электронном издании «The Times» данный термин используется как противопоставление чему-то хорошему: «At last, something positive comes out of the coronapocalypse». Чаще всего этот неологизм используется в негативном ключе, но в данном примере мы видим, что за счёт него автор хотел обратить внимание на то, что есть и положительные аспекты в сложившейся ситуации [Kidd, 2022].

8. Помимо высокого уровня смертности и заболеваемости, повышения уровня стресса и появления симптомов депрессии, появилась новая, хоть и незначительная, проблема. Люди стали часто обращаться к дерматологам и косметологам с целью вылечить акне, появившееся из-за длительного ношения масок. Именно тогда и появился новый термин *maskne*, образовавшийся благодаря слиянию двух основ (*mask* + *acne* = *maskne*) и обозначающий воспаление кожного покрова или появление угревой болезни из-за продолжительного использования таких индивидуальных средств защиты органов дыхания, как маски и респираторы [Rubin, 2020].

9. Кроме того, были и другие причины, почему люди предпочитали не носить индивидуальные средства защиты. Во время обострения пандемии, когда был введён строгий запрет на нахождение людей в общественных местах без масок, не все были согласны с таким ограничением. Появление неологизма «*maskulinity*» было обусловлено отказом мужчин носить маски, так как они подвергают сомнению их мужественность. Данный термин был образован при помощи слияния слов «*mask*» (маска) и «*masculinity*» (мужественность, маскулинность). В электронной версии «The Washington Post» можно встретить такой пример использования данного термина: «Introducing: Masks For Him! We put the “mask” in “toxic maskulinity”» [Petri, 2020].

10. Во время прибывания дома в течении локдауна у людей стало появляться чувство, что дни недели абсолютно не отличаются друг от друга. Даже выходные дни люди проводили так же, как и будние. Тогда появилось сленговое понятие «*blursday*», которое обозначает, что во время соблюдения локдауна человек перестал ориентироваться в днях недели, так все они похожи друг на друга. Данный термин был образован посредством слияния слова «*blur*», которое имеет такие значения, как «размытость», «пятно», «нечеткость», и *-sday*, которое было заимствовано у «*Tuesday*» (вторник), «*Wednesday*» (среда) и «*Thursday*» (четверг) [Hosking, 2020].

11. Во время карантина и самоизоляции многие ограничили своё общение одной группой лиц, например, это могла быть семья, компания близких друзей или соседей по комнате. Такие группы людей, с которыми человек проводит время в течение карантина, стали называться «*quaranteam*». Данное понятие было образовано при помощи слияния слов «*quarantine*» и «*team*». Часто такие группы старались изолироваться от всех остальных людей вместе, избегая личного контакта с кем-то вне компании, чтобы не стать переносчиком инфекции и не заразить других [Lawrance, 2020].

12. Во время обострения коронавирусной инфекции многим стало казаться, что меры, принятые правительством для сдерживания распространения

COVID-19, слишком строги, и тогда эта часть населения стала требовать ослабления режима. При данных обстоятельствах появилось понятие «covexit», которое означает, что правительство государства решило начать осуществление стратегии по ослаблению ограничений, которые были наложены во время локдауна и карантина в стране. Термин «covexit» состоит из акронима «COVID» и слова «exit» и был образован при помощи их слияния [Curtis, 2021].

13. В период пандемии возникли неологизмы, описывающие поколение, появившееся в это время. Термин «quaranteen» является слиянием слов «quarantine» (карантин) и «teen» (сокращенная форма существительного «подросток» и прилагательное «подростковый») [Greep, 2020]. Однако у данного неологизма есть второе значение: «quaranteen» – подросток, пропустивший этап самопознания и образования во время пандемии. Ещё одно новообразование «coronababies» было получено при помощи слияния «coronavirus» и «baby» во множественном числе [Guilbert, 1975, p. 27]. Этот термин эквивалентен первому значению «quaranteen».

14. Ещё одним неологизмом, относящимся к теме семьи, является термин «covidivorce». Он означает, что из-за пандемии COVID-19 большинство людей проводило много времени дома, что негативно сказалось на отношениях между супругами в некоторых семьях и привело к разводу. Такое расторжение браков во время локдауна получило название «covidivorce», которое было образовано посредством словослияния акронима «COVID» и лексической единицы «divorce» (с англ. «развод», «расторжение брака») [Bilefsky, Yeginsu, 2022].

Мы выделяем следующие особенности данных неологизмов:

1. В качестве одной из составляющих частей новой лексической единицы использовались акроним COVID-19 и термины, обозначающие коронавирусную инфекцию (coronavirus), пандемию (pandemic), эпидемию (epidemic), карантин (quarantine) и средства индивидуальной защиты (mask).

2. Кроме того, неологизмы передают такие реалии жизни, как соблюдение масочного режима, карантина и правил поведения в общественных местах, появление новых видов досуга, увеличение рождаемости и возникновение информационной войны.

3. Большинство неологизмов из данной выборки имеют негативную коннотацию, а именно 73,3% (11 из 15).

В ходе исследования мы проанализировали особенности неологизмов, образованных при помощи контаминации, в период пандемии COVID-19 в дискурсе СМИ на основе англоязычных материалов. Это позволяет сделать вывод о том, что процесс контаминации является продуктивным способом словообразования неологизмов в современном английском языке, что ярко проявилось в период пандемии COVID-19.

Библиографический список

1. Аксёнова Н. В. Особенности английских неологизмов понятийно-тематической области COVID-19 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 13 (9). С. 172–176.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. URL: http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_htm (дата обращения: 01.04.2022).
3. Головин Б. Н. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1977. 311 с.
4. Кравченко О. Н. Способы образования неологизмов в современном английском языке // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1. С. 121–123.
5. Соловьева Н. Н., Лихачева Ж. В. Неологизм как значимое и необходимое явление современного английского языка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2(31). С. 136–140.
6. Соловьева Э. Б., Асылбаева А. Г. Способы образования неологизмов в английском языке (на материале английской прессы) // Электронный научный журнал «Apriori». Серия: гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 1–10.
7. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/331b.html> (дата обращения: 01.04.2022).
8. Bilefsky D., Yeginsu C. Of 'Covidivores' and 'Coronababies': Life During a Lockdown. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/27/world/coronavirus-lockdown-relationships.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 22.06.2022).
9. Chain B. Footy WAG anti-vaxxer is slammed for absurd claims that coronavirus is a scam, doctors and nurses are lying about how hard they're working and that getting vaccinated is the same as injecting bleach. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8287167/WAG-anti-vaxxer-Taylor-Winterstein-thinks-coronavirus-scam-doctors-arent-overworked.html> (дата обращения: 20.06.2022).
10. Cinelli M., Quattrocioni W., Galeazzi A. et al. The COVID-19 social media infodemic. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5> (дата обращения: 19.06.2022).
11. Corr J., Gallagher A. Spirit of kindness shines through the darkened times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/spirit-of-kindness-shines-through-the-darkened-times-tdtxsw0sz> (дата обращения: 20.06.2022).
12. Culliford E. Facebook, YouTube remove 'Plandemic' video with 'unsubstantiated' coronavirus claims. URL: <https://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-8299445/Facebook-YouTube-remove-Plandemic-video-unsubstantiated-coronavirus-claims.html> (дата обращения: 19.06.2022).

13. *Curtis N.* Is it just me? Or are you sick of Covid-isms? asks Nick Curtis. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-9916941/Is-just-sick-Covid-isms-asks-NICK-CURTIS.html> (дата обращения: 21.06.2022).
14. *Greep M.* Are you heading for a baby or a break-up? Social media users predict a boom of pandemic babies who will be called 'coronials' or 'quaranteens' – but others tease that self-isolation will make the divorce rate skyrocket. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-8116631/Social-media-users-predict-coronavirus-baby-boom-fear-spike-divorce-rates.html> (дата обращения: 22.06.2022).
15. *Guilbert L.* La Creativite Lexacale. Paris: Larousse, 1975. 27p.
16. *Hosking P.* Rise of covidiot left us in desperate need of quarantinis on any Blursday. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/rise-of-covidiot-left-us-in-desperate-need-of-quarantinis-on-any-blursday-ndsfg98cw> (дата обращения: 21.06.2022).
17. *Kale S.* Working from home? Video conference call tips for the self-isolating. URL: <https://www.theguardian.com/money/2020/mar/14/video-conference-call-tips-self-isolating-coronavirus-working-from-home> (дата обращения: 20.06.2022).
18. *Kidd P.* Tragedy of Mr O'Shakespeare. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/tragedy-of-mr-oshakespeare-hs9xv29qs> (дата обращения: 21.06.2022).
19. *Lawrance D.* Rosario Dawson enjoys an Outdoorsy camper van getaway with her 'Quaranteam' at Big Bear Lake in California. URL: <https://www.dailymail.co.uk/tvshowbiz/article-8535737/Rosario-Dawson-enjoys-campervan-getaway-Quaranteam-Big-Bear-Lake-California.html> (дата обращения: 21.06.2022).
20. *Max D. T.* The Public-Shaming Pandemic. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2020/09/28/the-pub> (дата обращения: 19.06.2022).
21. *Petri A.* Now introducing personal protective equipment – For Him! URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/05/08/now-introducing-personal-protective-equipment-him/> (дата обращения: 21.06.2022).
22. *Rubin C.* Maskne Is the New Acne, and Here's What Is Causing It. URL: <https://www.nytimes.com/article/maskne-acne.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 21.06.2022).

BLENDING AS A SOURCE OF NEOLOGISMS IN ENGLISH-SPEAKING MEDIA DURING THE PANDEMIC

Oblasova Alexandra R.

South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
69, Lenina st., Chelyabinsk, 454080, Russia, oblasova2000@mail.ru

During the pandemic caused by the COVID outbreak, an array of neologisms has appeared to describe the new reality. However, the nature of those neologisms in mass media discourse is still understudied. In this research we've selected multiple articles with those neologisms, published during the pandemic. Afterwards we've analysed this selection and singled out neologisms made by blending. Then we've defined their peculiarities and characteristics. The research has shown that neologisms, which appeared during the pandemic, has a range of characteristics, and the word-building by blending can be considered a productive method. The results of this research expand the research on neologisms, which appeared in English-speaking media.

Key words: Word formation, neologisms, blending, pandemic, coronavirus, mass media discourse, English language.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Свечникова Екатерина Сергеевна

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева, 443086, Россия, Самара,
ул. Московское шоссе, 34, svechnikovakaterina@yandex.ru

При создании художественного перевода важно, во-первых, избежать дословного копирования текста, совсем лишенного художественной окраски и, во-вторых, избежать излишней художественности. Создание эквивалентного перевода связано с использованием различных приемов – переводческих трансформаций. Важно, что при этом исходный текст в целом не изменяется, но на его основе создается текст на другом языке. Таким образом, возникает проблема использования межъязыковых трансформаций. На материале перевода романа Ивана Вазова «Под игом» были рассмотрены переводческие трансформации. Проиллюстрированы и описаны различия в переводах, созданные посредством использования межъязыковых трансформаций, за счет взаимодействия которых создается художественность на переводящем языке.

Ключевые слова: *переводческие трансформации, лексико-семантические трансформации, грамматические трансформации, родственные языки.*

При передаче информации с одного языка на другой невозможно избежать различных преобразований, которые представляют обширный материал для лингвистического анализа. Особенно сложной задачей является создание адекватного перевода художественного текста, так как лингвисту необходимо передать не только смысл, но и сохранить авторский стиль и структуру оригинала.

Художественный перевод предполагает определенное художественно-эстетическое воздействие на читателя, достижение которого возможно только при отказе от формальной близости текстов оригинала и перевода. Для создания адекватного перевода, таким образом, необходимо знание обеих культур и взаимодействие мировоззрения автора и переводчика, так как перевод является буквально новым текстом. Адекватность заключается в сохранении единства формы и содержания оригинального текста, которое связано с использованием различных переводческих приемов – трансформаций.

Переводческие трансформации – это технические приемы перевода, которые заключаются в замене регулярных соответствий контекстуальными, а также сами семантические конструкции, получаемые в результате таких приемов. Лингвисты занимаются исследованием трансформаций не одно десятилетие,

и на сегодняшний день существует множество классификаций. Несмотря на некоторые их расхождения, почти все ученые признают, что переводческие трансформации делятся на две группы: лексические и грамматические.

Целью данной работы является рассмотрение переводческих трансформаций как средств достижения адекватности перевода.

Рассмотрим использование переводческих трансформаций на примере романа И. Вазова «Под игом» (перевод В. Володина, М. Клягиной-Кондратьевой и Я. Слонима). Несмотря на кажущееся, на первый взгляд, сходство русского и болгарского языков, лексический и грамматический строй их существенно отличается: иным способом происходит образование слов, построение словосочетаний и предложений.

Наиболее частотны лексические трансформации, так как они могут быть вызваны грамматическими изменениями. В своей работе «Курс перевода» Л. К. Латышев [Латышев, 1981] определяет лексические трансформации как «отклонение от словарных соответствий». Их суть заключается в замене отдельных лексических единиц оригинала лексическими единицами переводящего языка, которые не являются их словарными эквивалентами. Выделяют добавление, опущение, конкретизацию и генерализацию значения, прием смыслового развития и целостного переосмысления. Кроме перечисленных лексических трансформаций существует безэквивалентная лексика, которая также вызывает определенные трудности при переводе. Так лексика болгарского языка отражает различные исторические этапы его развития. Исконная лексика носит преимущественно общеславянский характер и не вызывает сложностей при переводе на русский язык, но с развитием языка возникали заимствования из неродственных языков.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в книге «Язык и культура» [Костомаров, Верещагин, 1990] определяют безэквивалентную лексику как «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке». В романе И. Вазова «Под игом» описывается жизнь Болгарии в доосвободительную эпоху, в центре сюжета разгром Среднегорского восстания 1876 года – этим обусловлено появление безэквивалентной лексики в тексте.

*В этот прохладный майский вечер
чорбаджи Марко, одетый по-домаш-
нему, в халате, с непокрытой головой,
ужинал со своими домочадцами во
дворе.*

*Тая прохладна майска вечер чор-
баджи Марко, гологлав, по халат, вече-
ряше с челядта си на двора.*

Например, в приведенном фрагменте мы сталкиваемся с лексемой *чорбаджи*, которая является турцизмом и дословно переводится как «хозяин». В русском языке это слово встретить в общедоступных и привычных источниках практически невозможно. В Болгарии так называли старост, избираемых в судьи.

Другим примером может послужить болгарское обращение *бай*. Так принято обращаться к старшему мужчине, однако в переводе этот национальный языковой элемент получил другую окраску – *дядюшка Марко*. По этой причине можно отметить в приведенном фрагменте лексико-семантическую трансформацию – эмфатизацию исходного значения, т.е. привнесение эмоционального компонента в исходное сочетание. Лексема *дядюшка* в русском языке скорее выступает ласковым обращением, нежели уважительным.

Вместе с дядюшкой Марко, его старухой матерью и женой за столом сидела целая стайка детей, больших и маленьких; вооруженные ножами и вилками, они мгновенно опустошали все, что появлялось на столе, вполне оправдывая турецкое выражение: «На хлеб кидаться, как на врага».

До бай Марка, до старата му майка и до стопанката му седяха около трапезата рояк деца – големи и малки, които, въоръжени с ножове и вилици, опустошаваха мигновено хлябове и блюда. Те напълно оправдаваха турската дума: сомун душманларъ.

В значении слова в разных языках часто выделяются разные признаки одного и того же явления или понятия, где отражено видение мира, свойственное носителям данного языка. Чем шире семантический объем слова, тем шире его сочетаемость, т.к. благодаря этому оно может вступать в самые разнообразные связи. Это в свою очередь допускает различные варианты перевода и использование таких трансформаций как нейтрализация и эмфатизация значения.

Часто встречается такой вид лексической трансформации, как добавление, т.е. введение дополнительных слов:

Хозяйский стол, как всегда, был накрыт под виноградными лозами между прозрачным и холодным ручьем, который, как ласточка, пел день и ночь в своем каменном желобе, и высокими кустами вечнозеленого самшита, темневшими у ограды.

Служанка шла к ручью, в котором охлаждалось искристое вино, наполняла большую фарфоровую миску и ставила ее на стол.

Господарската трапеза беше сложена, както по обикновение, под лозата, между бистрия и студен чучур на барата, който като лястовичка пееше, деня и ноща, и между високите бухлати чемшири, що се тъмнееха край зида, зиме и лете все зелени.

Слугинята отиваше при чучурчето, дето изстиваше руйното вино, наливаше и донасяше дълбока фарфорова паница.

Причиной такой трансформации становится грамматическое изменение структуры предложения, отсутствие лексико-семантического варианта в переводе в языке, или желание переводчика подчеркнуть какую-либо деталь. Так переводчик добавляет *в своем каменном желобе* для наиболее выразительной характеристики ручья. В следующем фрагменте добавление используется не только в художественных целях, но и для сохранения логики, так как дословный

перевод мог бы выглядеть следующим образом: «Служанка шла к ручью, в котором охлаждалось искристое вино, наполняла и приносила большую фарфоровую миску».

Обратная трансформация – опущение, также является частотной:

*Хозяйский стол, как всегда, был накрыт под виноградными лозами между прозрачным и **холодным ручьем**, который, как ласточка, пел день и ночь в своем каменном желобе, и высокими кустами **вечнозеленого** самшита, темневшими у ограды.*

*Отец время от времени добродушно **поглядывал** на детей, которые, пыхтя, работали острыми зубами, наполняя несокрушимо здоровые желудки, улыбался и говорил веселым голосом:*

– Ешьте, детки, да растите большие! Пена, принеси еще вина!

При переводе опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными (как в первом примере: *бара* – «ручей»+*чукур* – «источник с водой»). Опущение позволяет совершить «компрессию текста» – освободить его не только от семантически избыточных компонентов, но и «облегчить» его визуально: в русском тексте использована лексема *вечнозеленые* вместо «зеленые и зимой, и летом».

Другую трансформацию – прием смыслового развития – мы можем наблюдать в следующем фрагменте:

*В этот прохладный майский вечер чорбаджи Марко, **одетый по-домашнему**, в халате, с непокрытой головой, ужинал со своими домочадцами во дворе.*

*Тая прохладна майска вечер чорбаджи Марко, **гологлав**, по халат, вечеряше с челядта си на двора.*

Болгарская лексема *гологлав* – «с непокрытой головой, без головного убора» в переводе предстает как *одетый по-домашнему*. Таким образом, первоначальное значение переосмысливается и приближается к культуре переводящего языка, так как выходить в свет с непокрытой головой все равно, что выйти в домашней одежде.

Разновидностью смыслового развития является целостное преобразование – изменение словосочетания или даже целого предложения, но не по элементам, а целостно:

*– Прости, дядюшка Марков; сам понимаю – **оплошал я**.*

*– Прощавай, бай Марко, **глупост страшна направих**.*

Вероятно, в данном фрагменте такое переосмысление связано с другим сознанием: больше вероятность услышать в разговорной русской речи *оплошал я*, нежели *сделал страшную глупость*, что звучит более «книжно» и продуманно (что сама по себе разговорная речь исключает).

С точки зрения количества использованных трансформаций интересен следующий фрагмент:

Зажженный фонарь висел на ветке сирени, и пахучие кисти дружелюбно клонились над головами сотрапезников. А сотрапезников было много.

Фенерът светеше, окачен на клончето на едно люлеково дръвче, което приятелски надвисваше миризливите си люлеки над главите на челядта. А тя беше многобройна.

Помимо лексических трансформаций здесь наблюдаются грамматические. К грамматическим трансформациям относятся перестройка предложения (изменение его структуры) и всевозможные замены: как синтаксического, так и морфологического порядка. Грамматические трансформации обуславливаются различными причинами, хотя основную роль играют грамматические факторы, т. е. различия в строе языков. Часто грамматические трансформации необходимы и при передаче соответствующих форм и конструкций из-за некоторых расхождений в их значении и употреблении.

В данном фрагменте можно отметить такую лексико-семантическую трансформацию как нейтрализация: *клончето* – «веточка», однако переводчик решил пренебречь эмоциональным компонентом, который в русском языке должен передаваться через суффикс. Таким образом, мы наблюдаем замену формы слова, т.е. грамматическую трансформацию, которая была вызвана лексическим изменением. Кроме того, в этом фрагменте есть и морфологическая замена – болгарский глагол *светеше* в русском варианте становится причастием *зажженный*.

В этом фрагменте переводчики прибегают к повторению слова *сотрапезники*. Однако в исходном тексте использовано местоимение *тя* (она) в анафорической функции. Можно предположить, что таким образом авторы перевода хотели подчеркнуть число сидящих за столом, или их отношения друг с другом (за столом была вся семья, а не только дети), так как на месте *челядта* можно было использовать другие русские варианты, например *домочадцы*, *дети*.

Таким образом, можно сделать вывод, что с целью достижения адекватного перевода, адаптации текста к реалиям переводящего языка, переводчикам приходится прибегать к всевозможным переводческим «уловкам» – переводческим трансформациям. Стоит отметить, что зачастую использование одной трансформации влечет за собой другую, происходит их взаимодействие и смешение. Однако какие бы трансформации ни осуществлял переводчик, они должны быть всегда мотивированными и не приводить к искажению первоначального смысла.

Библиографический список

1. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
3. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. Москва: Наука, 1988. 549 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. Латышев Л. К. Курс перевода: (Эквивалентность перевода и способы ее достижения). М.: Междунар. отношения, 1981. 247 с.
6. Латышев Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. М.: Академия, 2003. 192 с.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.

LEXICAL AND GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES)

Svechnikova Ekaterina S.

Samara University, 34, Moskovskoe shosse,
Samara, 443086, Russia, svechnikovakaterina@yandex.ru

When creating a literary translation, it is important, firstly, to avoid verbatim copying of a text completely devoid of artistic coloring and, secondly, to avoid excessive artistry. The creation of an equivalent translation is associated with the use of various techniques – translation transformations. It is important that the source text as a whole does not change, but a text in another language is created based on it. Thus, there is a problem of using interlanguage transformations. Translation transformations were considered on the material of the translation of Ivan Vazov's novel "Under the Igoto". The differences in translations created through the use of interlanguage transformations, due to the interaction of which artistry is created in the translating language, are illustrated and described.

Key words: translation transformations, lexico-semantic transformations, grammatical transformations, related languages.

ОБРАЗ АВТОРА В МЕМУАРАХ И. ОДОЕВЦЕВОЙ «НА БЕРЕГАХ НЕВЫ»

Серкина Мария Александровна

Южный федеральный университет, 344006, Россия, Ростов-на-Дону,
Большая Садовая ул., 105/42, serkina@sfedu.ru

В статье рассматривается образ автора в мемуарном произведении Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». Рассматриваются такие вопросы, как само определение мемуарного жанра, его признаки (субъективное начало, ретроспективность, фактографичность, преобладание событий), также образ автора и формы авторского присутствия в мемуарно-автобиографическом произведении И. Одоевцевой «На берегах Невы», и особенности авторского восприятия. Сделаны выводы об особенностях и отличительных чертах выражения образа автора в данном произведении, которые определяются лирическим началом автора.

Ключевые слова: *Ирина Одоевцева; «На берегах Невы»; образ автора; мемуары; субъективное начало; лирическое «я».*

Мемуары определяют, как «повествование о явлениях жизни личной и общественной свидетелем которых был автор» [Ливицкий, 1964, с. 759]. В произведениях исторический материал и реалии жизни автора претворяются в факт искусства, а стилистика подчиняется задаче оказать на читателя эстетическое воздействие. Исследователи определяют следующие признаки мемуаров: «субъективное начало, ретроспективность, фактографичность, преобладание событий» [Ливицкий, 1964, с. 760].

Жанр мемуаров сохраняет черты, характерные и для художественной прозы – это лиризм, интонации, субъективность и эмоциональность. В большинстве мемуаров встречаются, обращенные к неназванному и несуществующему собеседнику, не требующие ответа, риторические вопросы, которые усиливают эмоциональную напряженность повествования.

Мемуарные произведения предполагают активное присутствие авторского голоса, его личных оценок и обязательной пристрастности, иными словами, авторская субъективность становится для них конструктивным фактором. Исходя из особенностей повествования в мемуарном жанре, исследователи выделяют несколько форм авторского присутствия.

Первой формой выделяют, так называемого автора – творца, автора – создателя. Вторая форма авторского присутствия выражается на персонажном уровне –

присутствие автора как повествователя и как персонажа. Третья форма – это лирическое «я».

Образ автора в мемуарных произведениях – «лицо, представляющее ту же действительность, которую он воссоздает, а не нечто постороннее по отношению к ней» [Машинский, 1973, с. 419]. В то же время мемуары остаются жанром, который характеризуется совпадением повествователя и автора произведения; отсюда такие жанрообразующие признаки, как (авторская субъективность) образ автора, его информированность об описываемых фактах, событиях и проявлениях не только внешней, но и внутренней жизни, максимальная заинтересованность в освещаемом, субъективность, своеобразная «презумпция правоты», связанная с утверждением справедливости именно своих оценок и суждений. Воспоминания предполагают установку на достоверное сообщение об основных фактах и событиях жизни автора.

В мемуарах И. Одоевцевой также проявляется «двойственность повествователя» [Лившицкий, 1964, с. 760], одновременно являющегося в тексте в двух временных планах: настоящем (время написания) и прошедшем (время действия). Отсюда и присутствие автора в двух ипостасях. Автор-повествователь и автор-рассказчик представляют разновременный взгляд на события (со стороны, по течению, некоторого времени и непосредственный, вытекающий из содержания самого текста). У Одоевцевой автор – это персонаж, следовательно, это еще одна форма авторского присутствия, как повествователя и как персонажа. В исследуемом произведении с героем автором связано прошлое, с повествователем – настоящее.

Выявляются несколько способов материализации авторского «я» в тексте данных мемуаров. Один из них – это «слияние с голосом повествователя» [Виноградов, с. 118], который оценивает написанное. В мемуарной прозе И. Одоевцевой, по ходу повествования, автобиографический герой все более и более раскрывается и автопортрет становится более откровенным, смелым, и авторская точка зрения становится четкой. Образ «авторского я» в данной прозе создается взаимодействием двух субъектно-речевых планов, соотносящихся по принципу «теперь – тогда», самопознание основывается на самоанализе в его динамике, а «я» повествователя оказывается «многослойным» и многомерным. Воспринимается, как авторское присутствие и поток мыслей автора, переживаний, воспоминаний, настроений, здесь проявляется лирическое «я». Можно сказать, воспоминания очень лиричны с доброй нотой юмора.

В воспоминаниях «На берегах Невы» автор – не сюжетный центр, воспоминания посвящаются другим лицам и событиям эпохи, рассказ строится или в их отношениях к автору, или в его отношении к ним, и всегда через призму его индивидуального восприятия.

И в данных произведениях авторское восприятие пронизывает все повествование воспоминаний, обнаруживается в каждом образе, в содержании, концептуальной направленности, наиболее явно образ автора проступает в «фигуре автобиографического героя» [Николина, 2002, с. 70].

Автор задает установку на подлинность изначально, точка зрения его ретроспективна и существует с осмыслением личности и эпохи, не опирается полностью на свои личные впечатления.

Автор упоминает много персонажей. Они создаются на основе не только внешнего портретирования, психологических характеристик, но и посредством описания их поступков и особенностей поведения. Мемуарная проза И. Одоевцевой строится на основе повествования от первого лица, но центральной фигурой воспоминаний «На берегах Невы» является Н. Гумилев – ее учитель и друг.

Переломные моменты всегда трагичны, в них страдают не только нации, но и каждый отдельный человек. Конечно, читателю передается трагизм всей жизни автора и ее близких. Описания семьи нет. Она дана как бы пунктиром, только для пояснения: «Нет, я ни за что не стала бы описывать свое «детство, отрочество и юность», своих родителей и, как полагается в таких воспоминаниях, несколько поколений своих предков – все это никому не нужно» [Одоевцева, 2010, с. 10]. У Одоевцевой нет ничего о любви, об интимности. Все подчинено одной цели: донести до читателей правду о тех или иных людях, имеющих большое значение для истории России и ее литературы.

Воспоминания Одоевцевой отличает искренность, богатство фактографического материала. В создании портретов своих героев велика роль авторского представления героев, которая дается не столь напрямую автором, сколько через реплики и рассказы других персонажей, через творческие связи, отражающие как сквозь призму творчество самого автора. В воспоминаниях Одоевцевой приведено огромное количество стихов, конечно прежде всего Н. Гумилева. Поэтому повествование получается многоуровневым, а мир героев полифоничным.

Одоевцева часто ограничивает свое авторское присутствие, вводя в повествование мнения других людей, отрывки писем, воспоминаний. Уникальная манера письма И. Одоевцевой позволяет читателю не только погружаться в диалоги героев, обстановку быта, но и видеть мир ее глазами, погружаться в чувства и переживания.

В ходе проведенного анализа мемуаров И. Одоевцевой «На берегах Невы» мы заметили, что автора интересовали разные события собственной жизни и отсюда разнообразие форм, в которых заметно проступает авторское присутствие. Это может быть рассказ о юности, портретная зарисовка, поэтому перед исследователями предстает образ их создателя с разных сторон, в этом случае можно говорить о многогранности образа автора.

Одна из отличительных черт прозы И. Одоевцевой – это лирическое начало, связанное с образом лирического «я» автора, и через такое авторское восприятие передаются события бытовые и исторические и выражается личностная позиция. Авторское присутствие в мемуарах Одоевцевой служит причиной переосмысления изображенного, оно поднимает над обыденностью, придавая значимость и масштабность.

При исследовании мы опирались на важный признак мемуаров, как литературной формы, а именно на «лично – определенную позицию повествователя, его индивидуальную «точку зрения» [Николина, 2002, с. 48]. В ней и раскрывается образ автора.

Библиографический список

1. Виноградов В. В. О теории художественной речи: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2005. 286 с.
2. Левицкий Л. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия: В 7 т. / под ред. А. А. Суркова. М., 1964. Т. 4. С. 759–762.
3. Машинский С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М.: Художественная литература, 1973. 575 с.
4. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: учеб. пособие для вузов. М.: Флинта; Наука, 2002. 422 с.
5. Одоевцева И. В. На берегах Невы: литературные мемуары. М: АСТ; Владимир: ВКТ, 2010. 411 с.

THE IMAGE OF THE AUTHOR IN IRINA ODOEVTSEVA'S MEMOIRS “ON THE BANKS OF THE NEVA”

Serkina Maria A.

Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya st.,
Rostov-on-Don, 344006, Russia, serkina@sfedu.ru

The article deals with the image of the author in the memoirs of Irina Odoevtseva «On the banks of the Neva». Such questions, as definition of a memoir genre, its signs (subjective beginning; retrospective; factuality; a prevalence of events), also the author's image and forms of author's presence in the memoir-autobiographical work of I. Odoevtseva «On the banks of the Neva», and features of author's perception are considered. The conclusions about the peculiarities and distinctive features of the expression of the author's image in this work, which are determined by the lyrical beginning of the author.

Key words: *Irina Odoevtseva; «On the banks of the Neva»; the image of the author; memoirs; subjective beginning; lyrical «I».*

ПРОЦЕССЫ УКРУПНЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАК ФАКТОР, ОКАЗЫВАЮЩИЙ ВЛИЯНИЕ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ «ПРОТЕСТНОГО ГОЛОСОВАНИЯ» (НА ПРИМЕРЕ КЕЙСОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

*Костин Павел Сергеевич, Кукушкина Александра Максимовна,
Тихонов Семен Георгиевич, Штейникова Ирина Васильевна*

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, irinashteynikova01@gmail.com

Продолжающиеся тенденции укрупнения муниципальных образований в России актуализируют необходимость исследования их влияния не только на качество управления и межэлитные отношения, но и на другие явления, такие как протестное голосование. В данном исследовании были определены основные показатели, с помощью которых можно измерять влияние укрупнения муниципальных образований на результаты голосования. С использованием индексного метода на примере четырех муниципалитетов Пермского края проводится описательный анализ этого влияния. Результаты указывают, что в краткосрочной перспективе процессы укрупнения приводят к росту протестной активности на выборах, даже в муниципалитетах с высоким уровнем поддержки партии власти.

Ключевые слова: местное самоуправление; укрупнение муниципальных образований; объединение; городской округ; протестное голосование; Пермский край.

В России в последние несколько лет вновь активизируются процессы укрупнения муниципальных образований. В конце 2021 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, регламентирующий окончательное упразднение муниципалитетов первого уровня – городских и сельских поселений. Предполагается избавление от «матрешечных» муниципалитетов и переход организации самоуправления на одноуровневую систему в рамках всей страны. Однако в Пермском крае это произошло еще в 2019 году. Авторы нового законопроекта объясняют необходимость реорганизации муниципальных образований «повышением эффективности органов местного самоуправления и укреплением их финансовой обеспеченности» [А. Клишас и П. Крашенинников внесли..., 2021], в подобном ключе рассуждали и депутаты Законодательного Собрания Пермского края [Бахареv, 2019], оценивая результаты реформы.

Такого рода объяснения упускают из виду ряд дополнительных издержек, к которым может привести укрупнение муниципальных образований (далее –

МО). Значительная часть исследователей, рассматривая эти издержки, концентрируется на последствиях укрупнения МО в контексте влияния этих процессов либо на качество управления на местах, либо на характер и динамику межэлитных отношений. Мы же предлагаем обратить внимание на другую сторону данной проблемы – влияние укрупнения МО на результативность в них протестного голосования.

Довольно часто исследователи муниципальных образований отталкиваются от двух основных положений, указывающих на функциональную значимость муниципалитетов в рамках политических процессов. Местное самоуправление, с одной стороны, рассматривается как эффективная «фабрика услуг», и с другой – как «школа демократии» [Туровский, 2019]. Первая точка зрения основывается на допущениях о том, что муниципалитеты, будучи наиболее близким для людей уровнем власти, способны эффективно решать локальные вопросы местного значения. И, действительно, в случае грамотной организации МО, когда размер территории и доступный объем ресурсов находятся в адекватном балансе (когда муниципалитет самостоятельно способен решать актуальные вопросы без необходимости передачи полномочий вышестоящим органам власти), эффективность МСУ не вызывает сомнений – именно к этому апеллируют парламентарии, объясняя необходимость укрупнения. Правдоподобность данной точки зрения подкрепляют успешные случаи [Гутникова, 2010; Китчен, 2003; Меркурьев, 2014], а исключения зачастую лишь подтверждают правило – указывают на то, что важно не столько укрупнение, сколько объем ресурсов и возможность их артикуляции на местном уровне [Стрижкина, 2011].

Второе измерение представляет институт МСУ как один из источников развития демократических традиций. Сторонники данной точки зрения указывают на то, что на местном уровне проще всего установить связи между избирателями и органами власти и, следовательно, оказывать большее влияние на принятие решений снизу [Local governance..., 2006], хотя и отмечается, что при определенных условиях демократичность в малых муниципалитетах может быть сведена к минимуму в условиях воспроизводства «модели субнационального авторитаризма» [Гельман и др., 2008]. Мы склонны считать резонным рассмотрение уровня муниципальных образований как относительно демократического, именно поэтому имеет смысл исследовать вопрос о том, как процессы укрупнения МО могут повлиять на одну из важнейших характеристик рассматриваемого уровня власти на примере муниципалитетов Пермского края.

Начиная с 2019 года в Пермском крае активно продолжают процессы укрупнения и появления новых муниципальных образований. Однако для исследования были выбраны лишь 4 укрупненных муниципалитета: Добрянский, Чусовской, Очерский и Чердынские городские округа (далее – ГО). Все выбранные

округа были реорганизованы в первой половине 2019 года, после чего в укрупненных муниципальных образованиях прошли выборы в местные legislatures в сентябре 2019 года.

Такая выборка была сформирована после оценки итогов голосования на выборах депутатов Государственной Думы РФ VIII созыва по федеральному избирательному округу. Для комплексного анализа влияния укрупнения муниципальных образований на интенсивность протестной активности было решено взять муниципалитеты с различающимся уровнем поддержки «Единой России» (Добрянский ГО – 32,13%, Чусовской ГО – 34,10%, Очерский ГО – 37,66%, Чердынский ГО – 40,84% голосов за «Единую Россию»). Это позволило увидеть, насколько отличается реакция и восприятие реформы в муниципалитетах с разным уровнем поддержки партии власти, а также понять, в каких муниципалитетах поставленных целей (как декларируемых, так и предполагаемых) удалось достичь, а в каких рассматриваемое политическое решение не возымело желаемого результата.

Для удобства выбранные муниципальные образования были разделены на 2 группы: «консервативные» округа (Чердынский и Очерский ГО), в которых результаты партии власти стабильно выше, чем в других МО, и «либеральные» округа (Добрянский и Чусовской ГО), где, наоборот, относительно сильны оппозиционные партии.

На примере выбранных округов проверялась гипотеза о влиянии укрупнения муниципальных образований на уменьшение оппозиционной активности, выражаемой в протестном голосовании. Анализ различных подходов к концептуализации протестного голосования [Титков, 2016] показал, что возможности избирателей повлиять на результат электорального процесса сводятся к 3 основным вариантам: 1) участвовать в выборах и отдать голос за одну из политических сил/кандидата; 2) участвовать в выборах, но не отдавать голос – «испортить» бюллетень (до 2006 года сюда же относился бы выбор графы «против всех»); 3) не участвовать в выборах. Исходя из этого, вслед за А. Титковым, в качестве основных форм протестного голосования были выбраны 3 показателя: 1) явка избирателей (измеряемая в %), 2) количество испорченных бюллетеней (измеряемое в %), 3) эффективное число кандидатов (где можно посчитать) или доля голосов за «Единую Россию».

Для выявления причинно-следственных связей акцент был сделан на кросс-темпоральном анализе, который позволил проанализировать изменения описанных переменных – для этого берутся результаты выборов в местные legislatures в сентябре 2018 года (в каждом МО до образования единого ГО) и сентябре 2019 (после укрупнения МО). Данные по электоральной статистике (в городских и сельских поселениях до объединения и городских округах после объединения)

брались с сайтов соответствующих территориальных избирательных комиссий и компилировались в базу данных.

Работа с собранными данными проводилась с использованием индексного метода. В качестве основы был взят индекс демократии, предложенный А.С. Титковым для оценки демократических и авторитарных тенденций посткоммунистического перехода в России на региональном уровне [Титков, 2016]. Все показатели индекса переводились в баллы от 1 (очень низкий уровень протестной активности) до 5 (очень высокий уровень протестной активности). Предложенная Титковым шкала перевода была адаптирована для того, чтобы корректно отразить разброс электоральных показателей на выборах в legislatures муниципалитетов. Кодировка переменных приведена в таблице 1.

Таблица 1

Кодировка переменных

Переменные/ Баллы	Участие в выборах (явка избирателей), %	Протест (процент недействительных бюллетеней), %	Конкуренция (ЭЧР + голоса за «Единую Россию»), %
5	<15,5	>6,5	<33
4	15,5–20,5	5–6,5	33–43
3	20,5–26,5	3,5–5	43–54
2	26,5–34,5	2–3,5	54–62
1	>34,5	<2	>62

Таким образом, процентные значения показателей протестной активности на выборах сначала переводились в баллы (в рамках каждой окружной избирательной комиссии), после чего рассчитывалось среднее значение в каждом из 4 рассматриваемых муниципалитетов – именно изменения этих значений отражены в сводной таблице результатов.

В ходе проведения исследования команда столкнулась с рядом ограничений, которые необходимо отметить отдельно. Довольно часто для измерения конкурентности выборов в политической науке используется показатель эффективного числа кандидатов. Однако данный показатель является релевантным лишь в случае, если в каждом округе есть только 1 победитель, а у избирателей – только 1 голос, который они могут отдать за определенного кандидата. Но в большинстве из рассматриваемых муниципалитетов (во всех, кроме Добрянского и Полазненского городских поселений) в 2018 году выборы проходили по многомандатным округам, что исключало возможность применения показателя эффективного числа кандидатов (ЭЧК). Поэтому для оценки конкурентности в этих муниципальных образованиях было решено выбрать долю голосов за «Единую Россию» (партию власти) – чем больше % голосов за кандидатов от Единой России, тем меньше условный показатель конкуренции. Этот показатель далеко не

идеален, так как не учитывает степень внутрипартийной конкуренции, однако позволяет получить косвенное представление об уровне состязательности в каждом округе. При этом, отдельно рассматривается кейс образования Добрянского городского округа – там подсчитывался показатель ЭЧК как в 2018, так и в 2019 году.

Ниже представлена сводная таблица результатов анализа (см. таблицу 2). В ней можно увидеть данные о повышении/понижении протестной активности в каждом из рассматриваемых муниципалитетов. Числа в скобках указывают на количественное изменение индексов в 2019 году в сравнении с показателями 2018 года.

Таблица 2

Результаты индексного анализа

Переменные/ Муниципалитет	Участие в выборах	Протест	Конкурентность (доля голосов)
Добрянский ГО	↑ (+0,04)	↑ (+0,53)	↓ (-0,21); ↑ (+0,07)
Чусовской ГО	↑ (+1,46)	↑ (+2,05)	↑ (+0,76)
Очерский ГО	↓ (-1,23)	↑ (+0,17)	↓ (-0,10)
Чердынский ГО	↓ (-0,46)	↓ (-0,04)	↑ (+1,05)

Важно отметить, что выдвинутая гипотеза скорее не подтвердилась – политическое решение (реорганизация муниципальных образований) не привело к снижению протестной активности, а, наоборот, в среднем, способствовало увеличению эффективности протестного голосования. Отчетливо заметны различия между «консервативными» и «либеральными» округами – в первых поставленной цели удалось добиться лишь частично. В «либеральных» округах наблюдаются противоположные результаты: складывается впечатление, что (по крайней мере, в краткосрочной перспективе) политическое решение скорее наоборот, привело к значительному повышению протестной активности – в некоторых случаях увеличение произошло в несколько раз. Для более комплексного рассмотрения последствий укрупнения необходимо проанализировать результаты в каждом муниципальном образовании по отдельности.

Добрянский ГО. Добрянский городской округ выбивается из общего ряда рассматриваемых муниципальных образований. Именно здесь укрупнение МО встретило наибольшее сопротивление со стороны местных жителей (сопротивление, выходящее за рамки электорального процесса). Недовольство жителей Полазненского городского поселения активно освещалось в местных и региональных СМИ [Данилович, 2019; Лодыгина, 2019]: люди жаловались, что предполагаемая «оптимизация» финансовых и человеческих ресурсов приведет к увеличению степени зависимости Полазны от Добрянки – центра нового муници-

пального образования (из-за объединения в Полазне упразднили институт выборного главы МО, думу и собственный бюджет – фактически, был утрачен статус самостоятельной административной единицы, который жители «отвоевывали» еще в конце 1990-х годов при бывшем губернаторе Пермской области Г. Игумнове). Жители Полазны организовывали публичные слушания и сборы подписей против объединения, выступали с обращениями к депутатам Законодательного собрания и губернатору Пермского края.

Возможно, именно это активное высказывание протестов привело к тому, что к выборам в Добрянском городском округе центральные власти подошли с особой осторожностью. Результаты анализа и характер агитационной кампании позволяют предположить, что в округах, находящихся на территории Полазны, стремились намеренно занизить явку для снижения протестной активности. Проведенный анализ (см. таблицу 3 – здесь и далее в таблицах представлены значения итоговых показателей индекса по каждой из трех переменных) не показал серьезного увеличения значений индексов в сравнении с 2018 годом. Единственное значимое изменение — увеличение процента испорченных бюллетеней. Но если сравнить результаты выборов с другими МО, можно увидеть, что протестная активность в Добрянском городском округе выше значений из других рассматриваемых муниципалитетов (иногда больше, чем в 2 раза).

Таблица 3

Итоговые показатели в Добрянском ГО

Год / Переменные	2018	2019
Участие в выборах	3,48	3,52
Протест	3,27	3,8
Конкурентность	2,13	1,92

Чусовской ГО. Чусовской городской округ показывает наибольшую динамику результатов среди представленных кейсов в исследуемых электоральных циклах (см. таблицу 4).

Таблица 4

Итоговые показатели в Чусовском ГО

Год / Переменные	2018	2019
Участие в выборах	1,66	3,12
Протест	1,83	3,88
Конкурентность	2,16	2,92

Это также единственный случай, где наблюдается увеличение по каждой из трех переменных. Наибольший рост наблюдается у показателя, указывающего на количество «испорченных» бюллетеней – это один из самых распространенных и привычных способов продемонстрировать свое недовольство политиче-

ским курсом. Столь «протестные» результаты удивительны, но, предположительно, вполне могли быть вызваны, в отличие от Добрянки, отсутствием попыток искусственно занижать явку.

Очерский ГО. Очер стал единственным муниципалитетом, где увеличился процент голосов за партию власти (в среднем с 31% до 36%), тогда как в остальных «Единая Россия» в среднем теряла от 5% до 12% (см. таблицу 5). Однако отсутствие значимых положительных изменений показателей говорит о том, что жители Очерского ГО в электоральном поле остались приверженными консервативным тенденциям.

Таблица 5

Итоговые показатели в Очерском ГО

Год / Переменные	2018	2019
Участие в выборах	2,83	1,60
Протест	1,83	2,00
Конкурентность	4,33	4,20

Чердынский ГО. Чердынский городской округ отличается от остальных территорий большей консервативностью в голосовании. Здесь заметна достаточно значительная доля голосов за партию власти, иногда превышающая 80% (больше нигде из рассматриваемых МО таких высоких показателей лояльности нет). В среднем избиратели отдавали 62,47% голосов за «Единую Россию», после укрупнения муниципалитетов ее поддержка в среднем ослабла на 10%, что также видно и в сравнении показателей индексов (см. таблицу 6). Следовательно, даже в муниципалитетах с самыми высокими показателями поддержки «Единой России» не удалось избежать падения некоторых из значений протестной активности на выборах. Оценивая изменение всех показателей, можно прийти к выводу, что укрупнение муниципалитетов незначительно, но повлияло на протестность голосования. Увеличение явки на 4% практически не имеет результативности при том условии, что уменьшилась поддержка партии власти и возросло, хоть и несущественно, количество «испорченных» бюллетеней.

Таблица 6

Итоговые показатели в Чердынском ГО

Год / Переменные	2018	2019
Участие в выборах	2,66	2,20
Протест	2,44	2,40
Конкурентность	1,88	2,93

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что, по крайней мере в краткосрочной перспективе, укрупнение муниципалитетов приводит к «взрыву» протестной активности, особенно если гражданам ничего не

предлагается взамен. Вероятно, тот факт, что выборы прошли менее чем через год после объединения муниципалитетов, оказал негативное влияние на результаты партии власти в тех субъектах, в которых она изначально имела антирейтинг. Это утверждение является гипотезой авторов, для его подтверждения или опровержения необходим анализ результатов следующих выборов в муниципалитетах и дальнейший сбор электоральной статистики. В заключение важно также отметить, что проведенная работа в дальнейшем может быть дополнена включением в выборку других МО Пермского края или регионов России.

Список источников

1. А. Клишас и П. Крашенинников внесли законопроект об организации местного самоуправления, 2021 // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/131952/> (дата обращения: 27.07.2023).

Библиографический список

1. Бахарев К. В Перми оценили положительный эффект от укрупнения муниципалитетов // RG.RU.. 2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/29/reg-pfo/v-permi-ocenili-polozhitelnyj-effekt-ot-ukrupneniia-municipalitetov.html> (дата обращения: 27.07.2023).

2. Гутникова Е. А. К вопросу об укрупнении муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2010. №6 (52). С. 67–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ukrupnenii-munitsipalnyh-obrazovaniy> (дата обращения: 27.07.2023).

3. Данилович М. Хроника сопротивления укрупнению: Полазна требует самостоятельности и царя // 59.ru. 2019. URL: <https://59.ru/text/politics/2019/03/20/66023710/> (дата обращения: 27.07.2023).

4. Китчен Г. Реструктуризация муниципалитетов: можно ли извлечь уроки из опыта Канады? // Iet.ru. 2003. URL: <https://www.iet.ru/ru/publikacii/publication/52.html> (дата обращения: 27.07.2023).

5. Лодыгина Е. Жители Полазны отказываются объединяться с Добрянкой в городской округ. И вот почему // properm.ru. 2019. URL: <https://properm.ru/news/society/167937/> (дата обращения: 27.07.2023).

6. Меркурьев В. В. Укрупнение муниципальных образований как способ выравнивания бюджетной обеспеченности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1, №. 1 (57). С. 245–251.

7. Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008. 338 с

8. Стрижкина И. В. Укрупнение муниципальных образований результат реформирования местного самоуправления на Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2011. С. 325–330. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrupnenie-munitsipalnyh-obrazovaniy-rezultat-reformirovaniya-mestnogo-samoupravleniya-na-altae> (дата обращения: 27.07.2023).

9. Тутков А. С. Индекс демократии для регионов России: динамика 1990-2010-х годов // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. №. 2. С. 81–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeks-demokratii-dlya-regionov-rossii-dinamika-1990-2010-h-godov> (дата обращения: 27.07.2023).

10. Туровский Р. Ф. Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований // Политическая наука. 2019. № 2. С. 13–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poselenie-kak-subekt-lokalnoi-politiki-teoreticheskie-osnovy-issledovaniy> (дата обращения: 27.07.2023).

11. Local governance in developing countries / Ed. by A. Shah. Washington, DC: World Bank publications, 2006. 492 p.

**PROCESSES OF CONSOLIDATION OF MUNICIPALITIES
AS A FACTOR INFLUENCING THE PERFORMANCE
OF “PROTEST VOTING” (BY THE EXAMPLE OF CASES
IN THE PERM REGION)**

*Kostin Pavel S., Kukushkina Alexandra M.,
Tikhonov Semyon G., Shteynikova Irina V.*

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia,
irinashteynikova01@gmail.ru

The ongoing trends in the enlargement of municipalities in Russia actualize the need to study not only their impact on the quality of governance and inter-elite relations, but also on other phenomena, such as protest voting. In this study, the main indicators were identified that can be used to measure the impact of consolidation of municipalities on voting results. Using the index method, a descriptive analysis of this influence is carried out on the example of four municipalities of the Perm region. The results indicate that in the short term, consolidation processes lead to an increase in protest activity in elections, even in municipalities with a high level of support for the ruling party.

Key words: *local government, enlargement of municipalities, association, city district, protest voting, Perm region.*

«БОИ ЗА ИСТОРИЮ» В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 1980-Х ГГ.: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И КОНКУРИРУЮЩИЕ НАРРАТИВЫ О ПРОШЛОМ

Мартыненко Михаил Александрович

Южный федеральный университет, 344017, Россия,
Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, mihmar@sfedu.ru

В статье рассматривается символическое противостояние между коммунистическими властями и профсоюзом «Солидарность», развернувшееся в Польской Народной Республике в 1980-е гг. Опираясь на широкий набор нарративных источников, автор исследует, с одной стороны, трансформацию коммеморативных практик польского правительства, с другой, исторические нарративы, исходящие от власти и оппозиции. Делается вывод о том, что общее обнищание социалистической идеологии и падение авторитета Польской объединенной рабочей партии привело к тому, что к началу переговоров 1989 г. исторические нарративы «Солидарности» стали доминировать в публичном пространстве.

Ключевые слова: Польская Народная Республика; историческая политика; профсоюз «Солидарность»; коммеморативные практики; Лех Валенса; символическое противостояние; патриотическое объединение «Грюнвальд».

События 1980-х гг. в Восточной Европе, запустившие процесс демократизации целого ряда государств, способствовали не только кардинальным политическим, экономическим и культурным изменениям в жизни обществ, но и стимулировали конфликты, связанные с видоизменением национальных нарративов и коллективной памяти. По словам Т. Джадта, после окончания Второй Мировой войны, «Восточная Европа имела гораздо больше воспоминаний, чем Западная – и гораздо больше того, что хотелось забыть» [Jude, 2005, p. 821]. Более других конфликтность различных «версий прошлого» проявилась в Польской Народной Республике в ходе противостояния между коммунистическими властями и оппозицией.

Проблематика трансформации исторических нарративов и символического противостояния между коммунистической властью и профсоюзом «Солидарность» в 1980-е гг. неоднократно становилась предметом исследований как отечественных, так и зарубежных авторов. В историографии сложилось два направления в исследовании этих процессов. В рамках первого направления, представленного работами П. Райны [Raina, 1998], Ж. Хозлера и К. Лески [Holzer, Leski, 1990], исследователи акцентировали внимание на экономических, социальных и

политических причинах трансформации исторических воззрений польского правительства. Вместе с тем, авторы оставляли без рассмотрения символическое измерение противостояния между официальными властями и профсоюзом «Солидарностью» и 1980-е гг.

В рамках второго направления авторы, среди которых выделяются Я. Кубик [Kubik, 2000], М. Крамер [Kramer, 2002], и З. Возняк [Wozniak, 2009], анализировали конфликт в Польской Народной Республике сквозь призму культурного противостояния. Следуя мысли Я. Кубика, использовавшего концепт «культурного сценария», действующие лица, участвующие в транзите власти, стремились овладеть искусством демонстрации нескольких идентичностей, поскольку им было необходимо одновременно обращаться к двум аудиториям – собственным последователям и противоборствующей элите [Kubik, 2000, р. 100–110]. Учитывая историографическую ситуацию, целью настоящей работы является рассмотрение трансформации исторической политики в Польской Народной Республике с учетом, с одной стороны, специфических характеристик польского мемориального пространства, с другой, перманентных кризисных тенденций в государственной сфере в 1980-е гг.

Отчасти разделяя позицию, согласно которой историческую политику следует рассматривать как «публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [Малинова, Миллер, 2021, с. 11], мы постараемся учесть особенности польской автократической системы, оказывающей непосредственное влияние на возможности участия в «символической борьбе» оппозиционных субъектов.

Настоящее исследование основывается на нескольких независимых друг от друга теоретических подходах. Вопрос о взаимодействии институтов памяти в социалистическом государстве может быть рассмотрен в связи с теорией «режимов памяти», предложенной М. Бернхардом и Я. Кубиком [Bernhard, Kubik, 2014, р. 11]. По мнению исследователей, тип «режима памяти» напрямую связан с политическим режимом и обусловлен включенностью мнемонических акторов в процессы коммеморации. Их М. Бернхард и Я. Кубик определили как «политические силы, выступающие за собственную интерпретацию прошлого» [Ibid., р. 13–16]. Основная идея авторов заключается в том, что «режимы памяти» в демократических и авторитарных, в том числе социалистических, государствах, имеют разную механику. Если демократическое правительство способствует плюралистическому обсуждению прошлого, то авторитарное государство всячески противодействует попыткам независимых субъектов противостоять господствующему коммеморативному тренду [Апрыщенко, Мартыненко, 2022, с. 184]. При этом, следуя мысли К. Скиннера, любая речевая практика, произведенная

одной из противоборствующих сторон, будет рассматриваться нами как «политическое действие», при анализе которого необходимо учитывать позиции адресата воздействия в процессе выстраивания коммуникативных стратегий [Скиннер, 2018]. Словом, помимо помещения изучаемых нарративов в контекст формирования коммеморативных трендов, мы будем одновременно включать их в политический контекст, характерный для развития Польской Народной Республики 1980-х гг.

Источниковая база исследования включает в себя, во-первых, заявления и публицистические тексты, циркулирующие внутри противоборствующих сторон, во-вторых, мемуары участников событий, в-третьих, стенограммы разноразрядных заседаний «Круглого стола» 1989 г. Совокупность перечисленных источников дает возможность в полной мере проанализировать нарративное противостояние между Польской объединенной рабочей партией и профсоюзом «Солидарность» в 1980-е гг. Вместе с тем выборка текстов не отражает региональные особенности исторической политики в Польской республике на уровне отдельных воеводств, однако, на наш взгляд, данная проблематика является темой для отдельного комплексного исследования.

С самого начала 1980-х гг. в Польской Народной Республике наблюдался системный кризис, который проявлялся не только в политической, социальной и экономической сферах, но и способствовал трансформации исторической политики польского правительства. «Августовские соглашения» 1980 г., массовые забастовки во всех уголках страны, рост популярности профсоюза «Солидарность» вынуждал власти менять свою политику в том числе в сфере «использования» прошлого [Польша в XX в. ..., 2012, с. 811–812]. Представители Польской объединенной партии, стремительно терявшие свой авторитет в глазах граждан, решили проводить мобилизацию общества с помощью создания формально независимых от власти организаций, которые должны были продвигать марксистско-ленинские и национал-коммунистические нарративы с помощью инструментализации прошлого.

Уже в феврале 1981 г. было учреждено объединение консервативного толка «Грюнвальд» [Traba, 1992, s. 60]. Идея о его создании возникла в 1980 г., когда на собрание членов профсоюза «Солидарность» в Варшавском университете были приглашены ученые еврейского происхождения, критиковавшие антисемитские кампании, проводимые в 1960-е гг. Первым секретарем ЦК ПОРП В. Гомулкой. Общество «Грюнвальд» представляло из себя неформальное собрание отставных и действующих военных, гуманитарной интеллигенции, заявлявшей о поддержке курса ПОРП. Вскоре после введения военного положения генералом В. Ярузельским, патриотическое общество «Грюнвальд» присоединилось к Ассоциации «Реальность», возглавляемой функционером польских спецслужб Р.

Гонтажем. Сам Ярузельский уделял значительное внимание вопросам, связанным с регулированием знаний о прошлом [Из статьи..., 1985].

У общества «Грюнвальд» был собственный печатный орган, на страницах которого публиковались преимущественно члены консервативного крыла ПОРП, получившего название «партийный бетон». Первые активности представителей «патриотического объединения» носили антигерманский характер, однако вскоре этот дискурс был устранен, а его место заняла идея об особом характере социализма в Польше [Od Redakcji..., 1986, s. 3]. Учрежденное по инициативе консервативного крыла ПОРП, патриотическое объединение «Грюнвальд» должно было распространять триумфалистский нарратив о победе поляков в Грюнвальдской битве 1410 г., артикулируя значение этого сражения для национальной истории [Ekdahl, 2008, p. 187–190].

К середине 1980-х гг. стороны обладали разным символическим капиталом, который на начальном этапе не ограничивался использованием прошлого. У «Солидарности» это была Нобелевская премия мира, которой был удостоен Л. Валенса в октябре 1983 г. [Wałęsa, 1992, p. 253]. Активно использовались образы польского повстанческого движения, в том числе Варшавское восстание 1944 г. Еще одним немаловажным символом был культ священника Е. Попелушко, убитого политической полицией в 1984 г. Оппозиция осуществляла меморативные практики, направленные на увековечивание памяти Попелушко, пытаясь заручиться поддержкой Католической церкви с момента его гибели [Wąsowicz, 2018].

Символов, к которым могли апеллировать представители власти, было намного меньше. В первую очередь, они не имели каких-либо недавних сюжетов, их символический репертуар не пополнялся все 1980-е гг., и они были вынуждены актуализировать прошлое. Прежде всего, это культ Победы во Второй Мировой войне, который продвигали наиболее консервативные слои Польской объединенной рабочей партии. Обращались они и к Грюнвальдской битве 1410 г., об институционализации памяти о которой мы упоминали выше. Помимо этого, культ Ю. Пилсудского, имя которого долгое время придавалось забвению в Польше, был также взят на вооружение польским правительством. В условиях нехватки символов и крушения старых исторических нарративов, партийные деятели решили присвоить его образ.

В 1988 г. состоялись переговоры в Магдаленке, на которых, помимо всего прочего, стороны заключили неформальный договор о том, что переговоры будут идти в прагматическом русле, а всевозможные аспекты «травматического прошлого» обсуждаться не будут. Один из партийных деятелей, М. Рейковский, тогда заявил: «Если мы начнем обсуждать прошлое – все закончится провалом»,

что демонстрировало отсутствие у сторон точек соприкосновения в символическом поле, в том числе по вопросам исторической политики [Communism's Negotiated..., 1999, p. 178]. Схожее заявление перед своими сторонниками сделал и Валенса [Waleśa, 1992, p. 290–299]. Однако такой консенсус разделил как сторонников оппозиции, так и внес противоречия в коммунистические элиты. Можно наблюдать символическую мобилизацию радикальных акторов с обеих сторон – «Борющейся Солидарности» и «Партийного бетона». Критикуя предстоящий диалог, они распространяли нарратив о предательстве и измене сторонников.

В феврале 1989 г. начались переговоры. Несмотря на договоренности, символическая борьба между сторонами конфликта лишь усилилась, но они трансформировали свои практики использования прошлого. С подачи компартии была активизирована работа «Польского исторического общества», которое долгое время являлось проводником государственной исторической политики [Kubrak, 2006, p. 78]. На данном этапе можно было наблюдать сосуществование двух взаимоисключающих дискурсов. Коммунистические власти называли представителей «Солидарности» «наследниками фашистов», имея в виду их преемственность с межвоенной польской элитой. Оппозиция, в свою очередь, именовала коммунистов «наследниками оккупантов», подразумевая послевоенную оккупацию Польши СССР. В то же самое время, необходимость достигать решений способствовала тому, что в дискурсах сторон оппоненты превратились из «врагов» в «противников».

На сессии рабочей группы по делам средств массовой информации, историк, активный деятель «Солидарности» Я. Кофман, обвинил коммунистов в том, что они очерняют национальную историю, поскольку, по его словам, «в провластной печати уже 30 лет проводится дегероизация участников Варшавского восстания» [Michnik, 1998, p. 80–83]. Это символически подкрепляло его аргументацию при отстаивании тезиса о необходимости создания независимых СМИ.

Обсуждая отношения Польши с СССР, видный представитель «Солидарности» Б. Гремек указал на то, что после Второй Мировой войны Польша была не «освобождена», а вновь «оккупирована» Советским союзом. Гремек пытался объяснить, что приоритетное сотрудничество с СССР не является «правильным» с исторической точки зрения [Okragły stół..., 1990, s. 81–82]. Тема Холокоста была поднята в речи знаменитого антиклерикального деятеля ПОРП Е. Урбана. Он настаивал на том, что польская историография не должна выстраиваться в виктимизирующей перспективе, в рамках которой главной жертвой выступает польская нация, о чем говорили представители «Солидарности» [Communism's Negotiated..., 1999, p. 145–150]. Он указал на то, что поляки принимали участие в Холокосте и делать их главной жертвой XX в. было бы неправильно.

Спор вокруг фигуры Ю. Пилсудского касался того, что коммунисты, по мнению оппозиционера А. Целинского, необоснованно присвоили его образ. Он осудил попытки коммунистов поднимать свой рейтинг за счет национальных героев, к которым ПОРП не имеет никакого отношения. Коммунисты, в свою очередь, доказывали, что Пилсудский, несмотря на «политическую недалекость», был патриотом Польши и осудил бы предложения, которые выносит «Солидарность» на переговоры [Okragły stół..., 1990, s. 90].

Таким образом, можно видеть, что символический репертуар из исторического нарратива, имевшийся на вооружении у «Солидарности» во время «Круглого стола», позволял им доминировать в публичном пространстве и всячески подкреплять свои претензии к коммунистическому строю с помощью исторических образов. Представители ПОРП, в свою очередь, к 1989 г. потеряли возможность формировать коммеморативные тренды и были вынуждены отвечать на аргументы, выдвигаемые оппозицией.

В ходе проведенного исследования нам удалось выяснить, что системный кризис в Польской Народной Республике 1980-х гг. запустил процесс трансформации коммеморативных практик коммунистического правительства и стимулировал ответную реакцию оппозиции, представленной профсоюзом «Солидарность». В указанный хронологический период представители Польской объединенной рабочей инициировали создание разветвленной сети организаций, задачей которых было распространение триумфалистских исторических нарративов. Историческая политика польского правительства была направлена на актуализацию сюжетов, которые ранее подвергались забвению. Оппозиция, в свою очередь, всячески дистанцировалась от обсуждения исторических нарративов, распространяемых властями, а предлагала собственные образы и символические фигуры. Общее обнищание социалистической идеологии и падение авторитета польского правительства привело к тому, что к моменту начала переговоров в рамках «Круглого стола» 1989 г., исторические воззрения представителей «Солидарности» стали доминировать в публичном пространстве.

Библиографический список

1. *Апрыщенко В. Ю., Мартыненко М. А.* Восточная Европа в эпоху посткоммунистической трансформации: Ключевые подходы к изучению коллективной памяти региона // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9, № 2. С. 181–186.
2. Из статьи генерала армии В. Ярузельского, опубликованной в журнале «Нове Дроги» // Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне: Док. и материалы. М.: Воениздат, 1985. С. 593.

3. Малинова О. Ю., Миллер А. И. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. статей / под ред. В. В. Лапина и А. И. Миллера. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2021. С. 7–37.
4. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Изд-во «Индрик», 2012. 952 с.
5. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–123.
6. Bernhard M., Kubik J. Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. New York: Oxford University Press, 2014. 384 p.
7. Communism's Negotiated Collapse: The Polish Round Table, Ten Years After Talks of 1989, Ten Years Later. Michigan: The University of Michigan, 1999. 314 p.
8. Ekdahl S. The battle of Tannenberg-Grunwald-Zalgiris (1410) as reflected in Twentieth century monuments // Military orders. 2008. № 3. P. 175–194.
9. Holzer J., Leski K. «Solidarność» w podziemiu. Łódź: Biblioteka Secmoiva, 1990. 181 s.
10. Jude T. Postwar. A History of Europe Since 1945. New York: The Penguin Press, 2005. 878 p.
11. Kramer M. Collective protests and democratization in Poland 1989–1993: was civil society really «rebellious»? // Communist and Post-Communist Studies. № 35. 2002. P. 213–221.
12. Kubik J. The Polish Round Table of 1989: The Cultural Dimension(s) of the Negotiated Regime Change // Negotiating Radical Change: Understanding and Extending the Lessons of the Polish Round Table Talks. Michigan: Regents of the University of Michigan, 2000. P. 87–110.
13. Kubrak Z. Służba społeczna historyków: Polskie Towarzystwo Historyczne, Oddział w Przemyśle, 1928-2003. Przemyśl: Archiwum Państwowe w Przemyśle: Oddz. Polskiego Tow. Historycznego w Przemyśle, 2006. 171 p.
14. Michnik A. Towards a Civil Society: Hopes for Polish Democracy // Letters from Freedom: Post-Cold War Realities and Perspectives. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 72–103.
15. Od Redakcji // Biuletyn Informacyjny Zjednoczenia Patriotycznego «Grunwald». 1986. № 4. S. 2–3.
16. Okrągły stół. Obrady plenarne // Stenogram z posiedzen plenarnych Ortagleo Stolu w dinach: 6 lutego i 5 kwietnia 1989 r. Warszawa: Biblioteka Secmoiva, 1990. 144 s.
17. Raina P. Droga do «Okrągłego Stołu». Zakulisowe rozmowy przygotowawcze. Warszawa: Wydaw. von Borowiecky, 1998. 371 s.

18. *Traba R.* Grunwald (Tannenberg) w niemieckiej publicystyce prowincji Prusy Wschodnie na przełomie XIX i XX wieku // *Stud. Grunwaldzkie*. 1992. № 2. S. 53–62.
19. *Wałęsa L.* The struggle and the triumph: an autobiography. New York: Arcade Pub, 1992. 330 p.
20. *Wąsowicz J.* Kult Błogosławionego ks. Jerzego Popiełuszki na terenie diecezji włocławskiej, «Zeszyty Księdza Jerzego»t. 3: Pielgrzymki i miejsca pielgrzymowania w Polsce w XX i XXI wieku, pod red. ks. P. Nowogórskiego, W. Polaka, W. Rozyrkowskiego, Toruń – Górk. 2018. S. 115–126.
21. *Wozniak Z.* Pokłosie Okragleo stolu przeslosc dla Przyslosci // *Ruch Prawniczy, ekonomiczny I socjologiczny Rox LXXI* – zeszyt 2. 2009. S. 349–379.

“BATTLES FOR HISTORY” IN THE POLISH PEOPLE'S REPUBLIC OF THE 1980S: HISTORICAL POLITICS AND COMPETING NARRATIVES ABOUT THE PAST

Martynenko Mikhail A.

Southern Federal University, 33, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don,
344017, Russia, mihmar@sfedu.ru

The article examines the symbolic confrontation between the communist authorities and the Solidarity trade union that unfolded in the Polish People's Republic in the 1980s. Relying on a wide range of narrative sources, the author explores, on the one hand, the transformation of the commemorative practices of the Polish government, on the other, historical narratives emanating from the authorities and the opposition. It is concluded that the general impoverishment of the socialist ideology and the decline of the authority of the Polish United Workers' Party led to the fact that by the beginning of the negotiations in 1989, the historical narratives of the Solidarity trade union began to dominate the public space.

Key words: Polish People's Republic; historical politics; Solidarity trade union; commemorative practices; Lech Walesa; symbolic confrontation; patriotic association «Grunwald».

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ ВО ФРАНЦИИ В 2012 Г. И 2017 Г.: ПОПУЛИСТСКАЯ РИТОРИКА КАНДИДАТОВ

Назарова Надежда Антоновна

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, nadezhda.nazarova.2001@mail.ru

В данной работе был проведён сравнительный анализ программ трёх правых популистских евроскептических партий («Национальный фронт», «Лига Севера» и «Альтернатива для Германии») при помощи классификации популизма Таггарта и Щербяка. Делается вывод, что после миграционного кризиса 2015 г. все партии стали более жёсткими в своём евроскептицизме; «Лига Севера» оказалась наименее «жёстким» евроскептиком и наиболее сосредоточенной на экономических вопросах; «Альтернатива для Германии», создававшаяся как партия критиков еврозоны, после 2015 г. и значительных кадровых перестановок в руководстве сменила риторику на преимущественно антимигрантскую; «Национальный фронт» после миграционного кризиса усилил критику ЕС и почти полностью отказался от мягкого евроскептицизма, заменив его жёстким и требуя выхода страны и Евросоюза.

Ключевые слова: популизм; предвыборные программы; Марин Ле Пен; Эмманюэль Макрон; Николя Саркози; Франсуа Олланд; Франсуа Фийон; Жан-Люк Меланшон.

Сейчас часто раздаются замечания о распространении «болезни демократии» – популизма. Примером усиления популистских тенденций во внутренней политике можно назвать современную Францию. В 2017 г. во второй тур президентских выборов вышла Марин Ле Пен – глава партии «Национальное объединение» (до 2018 г. «Национальный фронт»; в данной работе будет использоваться название «Национальный фронт» или НФ), политик, которого принято считать популистом, известный правыми взглядами, евроскептицизмом и стремлением максимально ужесточить миграционное законодательство Франции. В дискурсе Ле Пен существуют «сторонники» и «противники» Франции: ко вторым относятся мигранты (в особенности мигранты-мусульмане), сторонники европейской интеграции и продолжения пребывания Франции в НАТО. Именно в «предательстве интересов Франции в угоду Единой Европе» упрекает Ле Пен своих противников, предлагая искать корень всех проблем в чрезмерных, по ее мнению, полномочиях ЕС. Обвинение в комплексных проблемах всех сфер жизнедеятельности государства одного конкретного политического актора можно считать проявлением популизма, и, как показали итоги первого тура президентских выборов 2017 г., такая риторика пользуется спросом у избирателей.

В данной статье мы стремились ответить на следующий вопрос: спровоцировал ли электоральный успех популистки Марин Ле Пен на выборах 2012 г. и

последующий миграционный кризис 2015 г. рост спроса избирателей на популизм на президентских выборах 2017 г.?

Президентские выборы во Франции проходят в два тура; первый тур можно считать примером смешанной игры, второй – игрой с нулевой суммой. В данном исследовании при выборе теории нас интересовал первый тур выборов, т.к. в нем участвуют кандидаты с самыми разнообразными программами. Второй тур – это уже результат смешанной игры, при этом выборы – это игра с координацией, т.к. кандидаты, борясь за голоса избирателей, реагируют как на внешние обстоятельства (природные катаклизмы, внешнеполитическая ситуация и т.д.), так и на действия других игроков (критика, дебаты и т.д.), и в соответствии с ситуацией корректируют собственные стратегии. Таким образом, нас интересуют игры с ненулевой суммой. Игры с ненулевой суммой – это игры с взаимной зависимостью, к которым традиционная теория игр применяла «методы и концепции, снискавшие успех в изучении стратегии чистого конфликта» [Шеллинг, 2007, с. 109]. В данной игре имеются как конфликт (нужно набрать больше голосов, чем остальные участники), как и взаимозависимость (действуя на одном электоральном поле, кандидаты должны сравнивать свою программу по привлекательности с программами конкурентов). «Смешанные мотивы» не означают, что участник не понимает собственные предпочтения: его отношения с другим игроком можно охарактеризовать как «смесь взаимной зависимости и конфликта, партнерства и соперничества» [Там же, с. 117]. В такой ситуации можно предположить, что кандидат будет усваивать риторику своего более успешного соперника, чтобы обеспечить себе голос избирателя. Если мы рассматриваем борьбу с кандидатом-популистом, стоит обратить внимание на специфику популизма: он довольно прост и полон внутренних противоречий [Мусихин, 2009, с. 46], однако предлагает «простые ответы» на большую часть политических вопросов, и эта простота и доступность подкупают избирателя (особенно если доверие к «традиционным» политикам подорвано их несостоятельностью в решении актуальных проблем); кроме того, триггером популизма может стать кризис в любой из сфер, что в условиях современной мировой напряженности создает буквально «пороховую бочку» для «традиционных» и находящихся у власти политиков, давая в то же время популистам множество возможностей для убеждения избирателей в необходимости собственного нахождения у власти («мы, представители народа, должны взять власть в свои руки, потому что нынешние элиты нам чужды и не способны представлять наши интересы»).

Логично предположить, что именно «традиционным» политикам придется «заимствовать популизм». Это предположение требует различать популизм как идеологию и популизм как стратегию. В первом случае речь идет о понимании популизма как совокупности убеждений и взглядов, определяющих

взгляд на политику в целом. Во втором – как «спекулирование на проблемах общества в целях снискать популярность» (цит. по [Стефанчиков, 2016, с. 254]). При этом, как правило, популизм как стратегия используется политиками достижения своих политических целей.

Исследователи, обсуждая популизм в современной Франции, как правило имеют в виду партию «Национальный фронт», ее основателя Жана-Мари Ле Пена и нынешнего лидера Марин Ле Пен. Последняя участвовала в президентских выборах 2012 и 2017 гг., и, если судить по результатам выборов, ее популярность за прошедшие пять лет значительно выросла (с 17,90% третьего места в первом туре 2012 г. до выхода во второй в 2017 г.). Мы предположили, что электоральный успех Марин Ле Пен на президентских выборах 2012 и миграционный кризис 2015 г. стали триггерами для активного использования популистской риторики «традиционными» партиями.

Мы применили качественный анализ материала устных выступлений кандидатов и их предвыборных программ на предмет наличия популистских стратегий, также предполагался анализ частотности употребления в выступлениях на дебатах и интервью «популистских клише», отобранных на основании статьи И.В. Стефанчикова «Популизм как политическая стратегия (на примере курса партии «Подemos»)» и теоретической части нашей работы. Говоря о популистской риторике, можно выделить несколько стратегий: обличение оппонента, солидаризации со зрителем [Стефанчиков, 2016, с. 255], создание образа некоего общего врага (это может быть политик, социальная группа [Осколков, 2018, с. 21] или некое абстрактное понятие, например, «финансы»; обвинение в проблемах общества определенных групп – распространенный прием популистов [Там же]) конструирование образа некой грядущей катастрофы, которую необходимо остановить, отказ относить себя к какой-либо части политического спектра под предлогом обладания единственной верной идеи/программы/взглядов (верность определяется соответствием воле народа – популисты считают себя единственными выразителями подлинных желаний избирателей).

Кас Мюдде определяет популизм как «идеологию, согласно которой общество разделено на две гомогенные и антагонистические группы – «чистый народ» и «коррупцированную элиту», а политика должна быть выражением «общей воли народа». Некоторые исследователи обозначают популизм как фрагментарную идеологию, то есть идеологию, не способную предложить какое-либо связанное мировоззрение, точка зрения которой куда более ограничена в сравнении с «целостной» идеологией. В отличие от нее, популизм не обладает четкой нормативной структурой общих целей и средств их достижения; он не может функционировать в качестве «практической» идеологии, не в состоянии выдвигать последовательные и широкомасштабные программы, нацеленные на решение важ-

ных политических вопросов. Подобная ограниченность вынуждает его «паразитировать» на «целостной» идеологии [Stanley, 2008, p. 99], что делает возможным возникновение популистского дискурса «в любой точке социально-институциональной структуры». Популистский дискурс зарождается при противопоставлении коллективных («народных») интересов интересам господствующей элиты, чьи действия или бездействие антагонистичны «народу». Несмотря на собственную ограниченность, популизм способен формировать «определенный набор представлений, взаимодействующих с мыслительными конструкциями традиционных "целостных" идеологий» [Мусихин, 2009, с. 40]. Идеология популизма опирается на три главных суждения:

1. «народ» – исключительный образ законности политической силы;
2. элиты и традиционные институты – предатели, предпочтшие собственную выгоду интересам и ценностям суверенного народа;
3. необходимо вернуться к «золотому веку», т.е. тому состоянию общества, которое больше связано с привычками, верованиями и идеями, действительно присущими народу [Surel, 2019, p. 4].

Помимо идеологического измерения существует также концепт популизма как политической стратегии. В обыденном сознании популистская стратегия имеет негативную коннотацию: это «тактика заигрывания с широкими народными массами, спекулирование на проблемах общества в целях снискать популярность» (цит. по [Стефанчиков, 2016, с. 254]). Более нейтральное определение звучит следующим образом: это «стратегия политической борьбы, подразумевающая антиэлитизм, антиплюрализм и самоотождествление с народной волей», однако сам популизм «не самодостаточен в качестве идеологической базы политических объединений», то есть ему необходим «некий дополнительный идеологический элемент» (например, национализм) [Шеллинг, 2007, с. 19].

При анализе данного концепта необходимо обращать внимание на те же самые «постулаты», что и при анализе популизма как идеологии: критика действующей элиты, апелляция к «народу» и воспоминание о «славном прошлом». Данные дискурсы присутствуют практически в любой политической программе, что делает потенциально возможным переход любого политического дискурса в плоскость популизма.

Популизм – паразитарная идеология, и противостоять ей можно только играя на ее же поле. Здесь и начинается существенное разделение между популизмом как идеологией и популизмом как стратегией политической борьбы. Эти понятия было бы неправильно считать противоположными [Seddone, 2019, p. 1–18], наоборот, они зачастую пересекаются: есть партии, которые выстраивают всю свою идеологию на популизме, развиваются и предлагают политические решения в рамках этого концепта (таковым, например, можно считать «Национальный фронт»), и есть партии, использующие популистскую риторику «более или

менее систематично» (цит. по [Ibid., p. 1]), но в основе идеологии которых лежит некая «цельная» идеология. Такие меры партия будет предпринимать только в случае реальной угрозы получения власти популистами, в перспективе способными уничтожить институт политического плюрализма. Обращение к популистской риторике – это отчаянная попытка не допустить деструктивную политическую силу во власть, показатель слабости действующих партий и их неспособность предложить избирателям решение их проблем.

Президентские выборы 2012 г.

На выборах 2012 г. победил глава левоцентристской Социалистической партии Франсуа Олланд. Его главным соперником был тогдашний президент Николя Саркози, основатель партии «Республиканцы»; оба политика получили примерно равное количество голосов первом туре (28,63% за Олланда и 27,18% за Саркози) и прошли во второй тур, где Олланд выиграл с незначительным отрывом (51,64% против 48,36% за Саркози). Третье место (17,9%) по результатам первого тура заняла Марин Ле Пен, лидер партии «Национальный фронт», четвертое (11,10%) досталось Жан-Люку Меланшону (альянс «Левый фронт»).

Главными темами программы Олланда стали экономические вопросы (в частности, налоги), социальная справедливость, возрождение «республиканского духа» Франции и обновление отношений с Европейским Союзом (ЕС). По сравнению с программами оппонентов, его программа кажется наименее «радикальной» в смысле вводимых изменений и риторики (например, он не обвиняет Саркози в «предательстве народа Франции»); Олланд европозитивист, не поддерживает ограничение легальной миграции во Франции, и не предлагает вступать в какие-либо новые союзы. Олланд начинает свою программу словами о «страдании» Франции. Он подчеркивает общность всех французов, не выделяя «народ» и «противников народа». Олланд использует образ «внешнего врага» всего два раза: первый – представляя «мир финансов», второй – рассказывая о своих чувствах от выхода во второй тур выборов Жана-Мари Ле Пена. Он также критикует республиканцев за неэффективную политику, однако это – критика политических противников, именно Республиканской партии и Саркози лично, а не их избирателей. Стратегия создания образа грядущей катастрофы, как и поиск некоего врага – не ключевые для Олланда, он практически к ним не обращается. Более активно Олланд использовал стратегию солидаризации со зрителем. Значительную часть речи он посвятил пересказу своей политической карьеры и перечислению достижений, подробному описанию своей привязанности к Франции и французам. Программа Олланда выделяется на фоне программ оппонентов своим позитивным посылом: он говорит о необходимости выходить из кризиса, но не рисует неизбежного грядущего коллапса; вместо резкого поворота «направо» или «налево» и разрыва существующих договоров с ЕС он предлагает

реформировать в уже существующих структуры, чтобы вернуться к некому идеалу [*Hollande*].

На президентский срок Николя Саркози (2007–2012 гг.) пришелся финансовый кризис 2007–2008 гг., что ожидаемо привело к экономическому спаду во Франции. Из 32 «предложений» программы Саркози, 15 относятся к сфере контроля миграции, регулированию образования и ситуации на окраинах городов, решению о необходимости наличия у Франции ядерного оружия; оставшиеся 17 пунктов (большая часть) – это предложения из экономической сферы, в частности – регулирование труда. Речь Саркози экспрессивна, в ней часто упоминается «величие Франции», ее исключительность. В отличие от Олланда, Саркози не подчеркивает свою солидарность с избирателями, и «единение с народом»; его главная стратегия – создание образа грядущей катастрофы. Данная катастрофа объясняется ошибками прошлого, при этом Саркози не упоминает, что именно он был во главе Франции в тот период. Согласно тексту программы, катастрофа неизбежна, если к власти придут соперники Саркози. Саркози использует стратегии отнесения себя «ни к правым, ни к левым». Он призывает всех отбросить собственные политические предпочтения – перед лицом грядущего политического и цивилизационного коллапса, о котором он говорил ранее, важнее объединиться вокруг одного политика-спасителя (которым стремится выглядеть Саркози) [*Sarközy*].

Марин Ле Пен обладает репутацией политика-популиста [*Macron*]. Она унаследовала риторику отца, Жана-Мари Ле Пена, резкую и евроскептическую. В программе 2012 г. Ле Пен говорит о необходимости возвращения «сильной Франции»: независимая и устойчивая национальная экономика, централизация и укрепление суверенитета, гарантирующее свободу действий на международной арене, сильная армия, однородное население без внутренних конфликтов. Ле Пен часто упоминает «предательство» со стороны национального правительства и даже напрямую обвиняет в этом Саркози, главным образом – за его недостаточно жесткую, по ее мнению, политику в отношении миграции.

Как и Саркози, Ле Пен обращается к грядущей катастрофе; главная угроза – глобализация, проводником которой является ЕС. Европейское право Ле Пен считает вторичным. Ле Пен настаивает на закреплении секуляризма. Реагируя на финансовый кризис, она говорит о необходимости переобучать молодежь с «профессий финансов» на «предпринимательские и промышленные профессии» «в ущерб» первым. Она выступает за усиление централизации, говоря, что «регионы слишком часто принимают себя за небольшие республики»; стоит отметить, что она единственная из рассматриваемых кандидатов упомянула недостаточную степень централизации. Ле Пен критикует элиты за действия «в соответствии с ценностями, которые больше не принадлежат государству» и неверие в

свою страну. Также она уделяет значительное внимание справедливости, конструируя это понятие так, чтобы изобразить свои предложения как единственно правильные, ставя знак равенства между правосудием и справедливостью. Экономический кризис и логично следующее за ним падение уровня жизни населения она связывает миграционной политикой Саркози. Люди, работающие в бюджетной сфере, по мнению Марин Ле Пен, «чувствуют себя брошенными»: предусмотренная ЕС либерализация экономики не только «нарушает принцип равенства граждан перед общественными услугами», но и оставляет людей без работы. Особенно страдают от «халатности государственных властей и развала сети государственных услуг» сельские регионы. Ле Пен использует стратегии формирования образа общего врага (финансовые элиты, ЕС, мигранты – все они, по ее мнению, угрожают Франции) и грядущей катастрофы, для предотвращения которой нужно сплотиться вокруг сильного лидера и принимать решительные меры [Le Front National].

Программа Жана-Люка Меланшона была в большей степени посвящена решению социальных проблем и критике капитализма, источнике «всех пороков», за кризисом которого «кроется возможность лучшего мира». Он подчеркнуто дистанцируется от «элит», из-за которых голос избирателей «был подавлен», и призывает к «гражданской революции». Меланшон критикует ЕС за ухудшение социального обеспечения в угоду «либеральному строительству», «глобализации рынков», однако в качестве решения проблемы он предлагает реформирование ЕС, а не выход из его состава Франции. При этом в критику ЕС не входят проблемы миграции. Меланшон, как и Ле Пен, обращается к этой теме, но предлагает не ужесточать контроль и вводить дополнительные ограничения, а упростить процесс легализации прибывших во Францию иностранцев, говоря, что ненависть к ним «уродует республику». Ключом к преобразованиям он считает уход Саркози. Обличение оппонента – одна из стратегий Меланшона; правые и крайне правые в его программе – общий враг всех граждан, нуждающихся в «республиканской перестройке» страны. Обосновывая необходимость всех этих преобразований, он упоминает суверенитет народа [*Mélenchon*].

Президентские выборы 2012 г.

На президентских выборах 2017 г. победил Эмманюэль Макрон, основатель партии «Вперед, Республика!»; его соперницей во втором туре стала Марин Ле Пен. В первом туре Макрон получил 24,1% голосов, Ле Пен – 21,3%; следующими шли кандидат от партии «Республиканцы» Франсуа Фийон (20,01%) и лидер «Непокоренной Франции» Жан-Люк Меланшон (19,58%). В программах всех кандидатов особое место было отведено решению миграционного вопроса, что стало логичным следствием миграционного кризиса 2015 г.

В 2017 г. Меланшон выдвигался от левой партии «Мятежная Франция» (основателем которой он является). Он критиковал правительство куда более резко,

чем в 2012 г., требовал «отделить Республику от лобби» и «упразднить президентскую монархию». Меланшон солидаризируется с народом Франции («...Я – народ...») идеализируя его. В программе 2017 г. Меланшон даже не упоминает миграцию. Основной посыл документа – необходимо поменять принципы, по которым управляется страна, потому что они несправедливы и усиливают неравенство. Вместо ответов на конкретные вопросы Меланшон использует воодушевляющие речи, из-за чего программа кажется сборником громких, но беспредметных обещаний, по своему содержанию близких к популистским лозунгам; тем не менее, Меланшону удалось получить около 20% голосов в первом туре, что говорит о привлекательности такой риторики для избирателя [Mélénchon, 2017].

Франсуа Фийон выдвигался от Республиканской партий (основателем которой является Саркози). Фийон рассматривает миграцию как одну из угроз для Франции, винит в этом предыдущее правительство и предлагает. Он предлагает «сократить легальную иммиграцию до минимума» (как и Ле Пен в 2012 г.). Фийон обещал снять «траты на миграцию» с французов и сделать так, чтобы «иммиграционная и интеграционная политика финансировалась иностранными гражданами, а не французскими налогоплательщиками, путем значительного увеличения сборов» за все шаги и работу с документацией, необходимую для оформления французского гражданства. Для сокращения миграционных потоков Фийон предлагает помогать странам исхода беженцев. Он говорит о необходимости значительного пересмотра документов, под которыми Франция подписалась ранее. Фийон против выхода из ЕС, но выступает за прекращение расширения Союза и за возвращение к доминированию в нем ФРГ и Франции. Объясняя необходимость подобных преобразований, Фийон говорит о «величии Франции», которая «имеет право выбирать». Он подчеркивает важность национального единства, отсутствие которого считает признаком разрушения. Как и в 2012 г., глобализация рассматривается им как один из главных вызовов. Также присутствует мотив грядущей катастрофы: якобы в результате правления Олланда «Франция сдастся и ослабит свою хрупкую демократию». Главными стратегиями для Фийона являются создание образа грядущей катастрофы, от которой необходимо защититься, и конструирование общего врага, и миграционный кризис идеально подходит для использования данной стратегии. Фийон не смог пройти во второй тур выборов. Вероятно, причина в том, что его предложения недостаточно жесткие для электората Ле Пен и слишком суровые для тех, кто поддержал Макрона.

Марин Ле Пен, как и в 2012 г., уделяет значительную часть собственной программы критике действующего правительства за недостаточную жесткость миграционной политики. В первых строках своей программы она выделяет два однозначно оцениваемых «лагеря» – глобалистов (т.е. всех, кто голосует за кон-

курентов Ле Пен), стремящихся «разрушить <...> большое экономическое и социальное равновесие», и «патриотов», выбор которых Ле Пен «воплощает на этих выборах», превыше всего ставящего защиту «нации и народа»; выбор большинства избирателей должен стать «цивилизационным». Ле Пен подчеркивает важность усиления безопасности: она выступает за увеличение числа мест в тюрьмах, введение пожизненного заключения, увеличение оборонного бюджета до 2–3% ВВП. Ле Пен предлагает выйти из НАТО, «чтобы Франция не была втянута в чужие войны»; она выступает за «многополярный мир», который должен стать основой для возобновления влияния Франции на мировые процессы. Значительная часть ее программы посвящена борьбе с исламским фундаментализмом, Ле Пен оправдывает это в том числе защитой прав женщин. Она выступает за «защиту единства Франции и французской национальной идентичности», приоритет французского над европейским, укрепление связей материковой Франции и ее заморских департаментов, протекционизм, называя его «патриотизмом». Главная стратегия Ле Пен в 2012 г. и 2017 г. – конструирование образа общего врага и грядущей катастрофы [Fillon].

Выборы 2017 г. стали первыми для Макрона. Партия «Вперед, Республика!» была основана примерно за год до выборов – 6 апреля 2016 года. До этого Макрон был членом Социалистической партии; с 2012 по 2014 год работал заместителем генерального секретаря при Олланде, в 2014 – 2016 гг. (до ухода из партии) был министром экономики. В своей программе Макрон критикует действующее правительство, подчеркивая его отстраненность от избирателей и одновременно солидаризируясь с ними, обещает решить проблему неравенства и улучшить положение наименее защищенных групп. Макрон говорит о необходимости усиления безопасности, однако предлагает это делать за счет укрепления внешних границ ЕС, а не выхода из него Франции. Макрон выступает категорически против выхода страны из ЕС и резко критикует Ле Пен за распространение подобных идей. Миграционный проект Макрона можно назвать самым мягким из предложенных (не считая программу Меланшона, не касавшейся темы миграции), однако, в отличие от проекта Олланда 2012 г., он предполагает некоторые ограничения. Макрон настаивает на сокращении миграции путем оказания помощи государствам, из которых на территорию ЕС прибывают беженцы и мигранты, и одновременном оказании помощи в освоении во Франции тем, кто уже находится на территории страны на легальных основаниях. Защита прав легальных мигрантов – также один из пунктов программы Макрона, он обещает сделать «борьбу с дискриминацией национальным приоритетом». В отношении религии он частично разделяет взгляды Ле Пен на необходимость подтвердить секуляризм Франции. Как и все другие кандидаты, он говорит о необходимости возродить «величие Франции».

Используемые Макроном стратегии – отказ относить себя к правой или левой части политического спектра (о чем он заявил в момент создания партии) и обличение оппонента (Ле Пен) [Macron, 2017].

Заключение

Наша гипотеза об учащении использования популистской риторики в ответ на рост популярности популистов оказалась отчасти верна: в 2017 г. популистские стратегии использовались действительно активнее, чем в 2012, но само наличие популистской риторики в программах 2012 г. всех самых популярных политиков показывает, что традиционные политики используют популистские приемы в ответ на крупный кризис вне зависимости от его происхождения, даже когда популист имел мало шансов выйти в финал выборов, как это было в 2012 г. Рассмотренные выборы 2012 и 2017 гг. показали, что кандидаты использовали популистские стратегии, чаще всего – создание образа грядущей катастрофы и солидаризацию с электоратом. Если в 2012 г. французов волновал банковский кризис и под огонь критики всех кандидатов попали финансисты, то в 2017 г. актуальной проблемой был миграционный кризис и обязательства по приему мигрантов, возложенные ЕС на Францию. Частота использования той или иной стратегии поменялась незначительно. Можно утверждать, что выбор популистской стратегии определяется крупными (заметными для государства и граждан) событиями; они становятся триггерами для общества, и каждый из политиков, основываясь на собственной политической идентичности и требованиях избирателей и однопартийцев, реагирует и формирует собственный дискурс.

Принципиальная разница между рассмотренными выборами состоит в формировании «картины мира» избирателя. В 2012 г. «катастрофа» была следствием институционального устройства: угрозой были финансы, капиталистическая система, уязвимость евро. Ни один из кандидатов не называет имен или должностей тех самых «капиталистов», речь всегда идет о неких обезличенных «финансах». В 2017 г. «катастрофой» были представлены мигранты, то есть как отдельные люди, так и социальная группа, то есть изменился «тип» угрозы. Негативно настроенные к миграции кандидаты говорили и об институциональной угрозе (распространении «чужой» религии, посягательству на права женщин и т.п.), и о физической опасности (нападения и теракты).

Несмотря на значительную поддержку, Ле Пен не удалось одержать победу ни на одних из этих выборов; голосование за нее было скорее сигналом традиционным партиям о неудовлетворенности их политикой. Как показали результаты 2017 г., недовольство тем, что правительство Олланда не справилось с экономическими проблемами было настолько велико, что даже не предлагающая каких-либо четких шагов (кроме абстрактного «прекратить правление олигархов») программа Меланшона пользовалась относительным успехом. Тем не менее, боль-

шинство проголосовало за центриста Макрона. Несмотря на элементы популизма в программе, в целом его проект выглядит наиболее проработанным и не содержит радикальных предложений. Победа Макрона показывает, что, несмотря на неудовлетворенность политикой традиционных партий, французы не поддерживают радикализм, предполагаемый популизмом. Тем не менее, голоса, отданные за Ла Пен, должны были дать новому правительству понять, что просто продолжать политику предыдущего президента нельзя – иначе популистов воспримут более серьезно, что создаст реальную угрозу на следующих выборах.

Библиографический список

1. *Канинская Г. Н.* Метаболизмы правого популизма во Франции XXI века // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2018. Т. 11, № 3. С. 85–101.
2. *Мусихин Г. И.* Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // *Полития.* 2009. №4. С. 40–53.
3. *Осколков П. В.* Т.Б.А.И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала // *Вестник Пермского университета. Политология.* 2018. №3. С. 19–33.
4. *Стефанчиков И. В.* Популизм как политическая стратегия (на примере дискурса партии "Подemos") // *STEPHANOS.* 2016. № 3 (17). С. 252–260.
5. *Шеллинг Т.* К теории взаимозависимого решения // *Стратегия конфликта.* / пер. с англ. Т. Даниловой под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. М.: ИРИСЭН, 2007. 360 с.
6. *Fillon F.* Mon projet pour la France // <https://www.cjoint.com>. 2017. URL: https://www.cjoint.com/doc/17_03/GCuli6HugtM_programmefillon.pdf (дата обращения: 15.01.2023).
7. *Hollande F.* L'intégralité du discours de François Hollande au Bourget. URL: <https://www.nouvelobs.com/election-presidentielle-2012/sources-brutes/20120122-OBS9488/l-integralite-du-discours-de-francois-hollande-au-bourget.html> (дата обращения: 15.01.2023).
8. *Le Pen M.* 144 engagements présidentiels. URL: <https://www.rassemblementnational.fr/pdf/144-engagements.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).
9. *Le Pen M.* Programme de Mme Marine Le Pen, candidate du Front national à l'élection présidentielle de 2012, intitulé: "Mon projet, pour la France et les Français", le 14 janvier 2012. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/184668-programme-de-mme-marine-le-pen-candidate-du-front-national-lelection> (дата обращения: 15.01.2023).
10. *Le Front National.* Mon Projet pour la France et les Français // [rassemblementnational.fr](https://www.rassemblementnational.fr/pdf/projet_mlp2012.pdf). 2012. URL: https://www.rassemblementnational.fr/pdf/projet_mlp2012.pdf

11. *Macron E.* PROGRAMME. URL: <https://storage.googleapis.com/en-marche-fr/COMMUNICATION/Programme-Emmanuel-Macron.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

12. *Mélenchon J.L.* La force du peuple. 2017. URL: <http://www.cncscep.fr/les-candidats/melenchon.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

13. *Mélenchon J.L.* Programme de M. Jean-Luc Mélenchon, candidat du Front de Gauche à l'élection présidentielle de 2012, intitulé "l'Humain d'abord" [Электронный ресурс]. 2012. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/184667-programme-de-m-jean-luc-melenchon-candidat-du-front-de-gauche-lelec> (дата обращения: 15.01.2023).

14. *Sarközy N.* Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, candidat à l'élection présidentielle, sur son programme pour la France, à Paris le 15 avril 2012. 2012. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/184892-declaration-de-m-nicolas-sarkozy-candidat-lelection-presidentielle> (дата обращения: 15.01.2023).

15. *Seddone G.B.&A.* Between the Ideological and Communicative Approaches: Hard and Soft Populism in France and Italy // *Journal of Representative Democracy*. 2019. №58, vol. 2. P. 1–18.

16. *Stanley B.* The thin ideology of populism // *Journal of Political Ideologies*. 2008. №13(1). P. 95–110.

17. *Surel Y.* How to stay populist? The Front National and the changing French party system // *West Euro-pean Politics*. 2019. Vol. 42 (6) P. 1230–1257.

THE 2012 AND 2017 PRESIDENTIAL ELECTIONS IN FRANCE. THE CANDIDATES' POPULIST RHETORIC

Nazarova Nadezhda A.

Perm State University,

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia, nadezhda.nazarova.2001@mail.ru

In recent years there has been an increase in support for populists. Under the conditions of globalization, when the economic, cultural and political interdependence of states is increasing, domestic politics (especially of developed countries and states that are members of influential regional organizations) influence the political situation in the region. However, the importance of studying populism by political scientists increases. In the paper, we conceptually clarified the difference between populism as a political ideology and a political struggle strategy, identified and characterized the programs of the leaders of the first round of the presidential elections of 2012 and 2017 in France in terms of the presence of populist strategies in them. The study showed that populist strategies were used somewhat more often by all politicians who received quite high support in the first round, which was a consequence of the strengthening of the position of the extreme right against the background of the migration crisis and the failure of the socialist government.

Key words: *Populism; electoral programs; Marine Le Pen; Emmanuel Macron; Nicolas Sarkozy; François Hollande; François Fillon; Jean-Luc Melanchon.*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЗАДАПТАЦИЯ, ЕЕ РИСКИ И ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Жангужинова Ольга Юрьевна

Кемеровский государственный университет,
650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6, olga.zhanguzhinova@yandex.ru

Успешность человека в его дальнейшей жизни и профессиональной деятельности напрямую зависит от того, насколько он сможет адаптироваться к обучению в системе высшего профессионального образования. Прежде всего, успешность дальнейшего обучения во многом зависит от возможности студента освоить новую социальную среду, установить отношения с коллективом, принять новые социальные роли. В связи с этим очень остро стоит вопрос дезадаптации студентов вузов. В данной статье подробно рассматривается существующая дезадаптационная проблематика, терминологические нюансы, а также выделяются самые основные риски и причины, которые могут стать базой для формирования дезадаптации у студентов.

Ключевые слова: *дезадаптация; риски дезадаптации; студенты вуза; социальная ситуация; профессиональное образование.*

Адаптационные способности человека во многом влияют на его ситуативное поведение, дальнейшее развитие, взаимодействие с сообществом, социальную коммуникацию, получение определенного жизненного опыта и результативность деятельности. Данные параметры можно перечислять бесконечно, однако для конкретной социальной ситуации такие параметры будут по-своему дифференцированы, и проявляться в разной степени. В этой связи вопросы своевременного выявления и коррекции социально-психологической дезадаптации стоят очень остро.

Особенно важным это является в образовательной среде вуза, что связано как с переходом юношей и девушек в новый социальный статус, в образовательную систему, функционально отличающуюся от общеобразовательной школы, так и необходимостью адаптации к постоянно меняющимся социально-психологическим факторам. Основное противоречие заключается в том, что, с одной стороны, государство отчётливо артикулирует запрос на формирование социально-адаптированных, просоциально активных юношей и девушек, и своевременное предупре-

ждение проявлений любых девиаций. Образовательная система позиционирует заинтересованность и готовность к сохранению и улучшению психического здоровья обучающихся, обеспечению условий адаптации, качественного освоения профессиональных знаний. Но с другой стороны, эмпирических данных о факторах, определяющих дезадаптационные риски в системе профессионального обучения в изменяющихся условиях, очевидно недостаточно.

Период обучения в вузе является существенным переломным моментом в жизни человека, в переходе от детства к взрослости. Это время, когда повышаются интеллектуальные и психоэмоциональные нагрузки, перенапрягаются адаптивные механизмы и возникает риск проявления дезадаптации. Подробно об этих моментах писали множество отечественных ученых исследователей. Особое внимание стоит уделить таким авторам, как А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов, Т.Ю. Артюхова, А.А. Налчаджян, К.К. Белявцева, А.Н. Воронин. Углубленно вопросы дезадаптации в студенческой среде изучались Б.Г. Мещеряковым, Г.И. Соболевым, В.И. Сединым, Е.В. Леоновой, А.Б. Холмогоровой, А.А. Крайновой, Э.В. Шелиспанской, В.А. Горчаковой и другими.

Термин дезадаптация, благодаря приставке «дез-», которая означает уничтожение, удаление или отсутствие чего-либо, формирует понятие отсутствия, потери адаптации. Рассмотрим мнения различных авторов по данному вопросу.

А. Ю. Коджаспиров считает, что дезадаптация представляет собой определенное психическое состояние, которое формируется под воздействием полного несоответствия внутреннего статуса человека (социального, психологического, физиологического) требованиям конкретной социальной ситуации [Коджаспиров, 2001].

Дезадаптацию в виде конфликта между «Я» и жизненным опытом какого-либо человека, что провоцирует своеобразный внутренний диссонанс, представляет К. Роджерс [Роджерс, 1984].

Такие авторы, как П. Р. Лусканова И. А. Коробейникова [Лусканова, Коробейникова, 1993] характеризуют понятие дезадаптации в похожем ключе, добавляя к уже сказанному, что жизненный опыт формируется в социальной ситуации, с которой человек не может справиться либо затрудняется справиться.

С другой точки зрения дезадаптацию рассматривает А. А. Северный [Северный, 1995]. Он считает, что всему виной становится неадекватное функционирование человека по отношению к его собственным возможностям и потребностям, в том числе к социальной ситуации и окружению.

Интересна позиция А. И. Ковалевой, которая понимает под дезадаптацией процесс, который сопровождается многочисленными межличностным и внутриличностными конфликтами [Ковалева, 2015]. Это является основой для наруше-

ния взаимодействия со средой, и проблема все более усугубляется. А. А. Домахин же определяет дезадаптацию в следующем ключе: «поведение, неадекватное нормам и требованиям ближайшего окружения» [Домахин, 2017].

А. Г. Маклаков объединил в одном понятии две позиции и процесса, и непосредственного неизменяемого свойства. Именно эти два параметра в зависимости от анализируемой ситуации характеризуют либо наличие, либо отсутствие способности приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям, то есть адаптацию и дезадаптацию [Маклаков, 2001]. Автор понимает данные явления в разных плоскостях наук, на физиологическом, психологическом, социальном уровнях. Причем рассматривает их как в контексте целого, общего понятия, так и отдельных видов, имеющих свои свойства и факторы возникновения.

Рассмотрев различные определения, мы пришли к выводу, что дезадаптация является процессом или свойством отсутствия приспособления личности (на психологическом, социальном и (или) физиологическом уровне) к изменениям внешней среды (социальной ситуации).

Все основные факторы, влияющие на возникновение дезадаптации, можно разделить на две четкие категории:

- внешние – влияние социальной среды, ситуации;
- внутренние – влияние собственных психологических и физиологических свойств.

Е. С. Рапацевич в своем исследовании утверждает, что дезадаптация возникает из-за действия определенных внешних или внутренних причин, к которым могут относиться непосильные или несправедливые требования, чрезмерность нагрузок, трудности и возникающие в связи с этим несогласия, сопротивления, самозащиты и т. д. [Рапацевич, 2001].

Иначе на ситуацию дезадаптации смотрит М. В. Шакурова, которая связывает ее с негативными личностными проявлениями индивида, асоциальными проявлениями, к которым можно отнести вредные привычки, сквернословие, дерзкое поведение, социальное отчуждение [Шакурова, 2006]. Однако автор считает дезадаптацию вполне нормальным и неотвратимым элементом в жизни каждого индивида, так как благодаря дезадаптации и формируется сама адаптация посредством переадаптации.

В литературе имеются и иные разновидности факторов дезадаптации. К примеру, интересна позиция А. А. Налчаджана, который предлагал следующие категории причин:

- пережитый психосоциальный стресс;
- пережитые экстремальные ситуации;
- отрицательное включение в новую социальную ситуацию [Налчаджан, 1988].

Для современного российского общества факт наличия дезадаптивных явлений в студенческой среде, обусловленных социальной ситуацией, к сожалению, является одной из важнейших социальных проблем профессионального образования, возникающей зачастую из-за размывания границ ответственности между семьей и обществом в воспитании и полноценном профессиональном и личностном становлении молодых специалистов. Это сужает и минимизирует возможности социального воспитания в студенческой среде. Познавательные процессы могут быть заблокированы отрицательными эмоциями, что приводит к снижению продуктивности деятельности и еще большим трудностям в учебе. Именно поэтому адаптация учащихся в вузе является важным составным элементом в системе учебной деятельности.

Для того чтобы решить указанные выше проблемы, получить от процесса желаемый результат, пройти процесс адаптации в новой непростой сложившейся социальной ситуации, студенту требуется масса навыков, в числе которых внутренняя самоорганизация, умение распределять время и силы в крайне плотном учебном режиме, стимулирование работы по выявлению и осознанию жизненных приоритетов, уточнение текущих и перспективных планов.

Риски дезадаптации студентов в психологической литературе рассматриваются нередко, однако в большинстве своем авторские позиции сходятся. Переход в студенческую образовательную среду в условиях вуза является кардинальной сменой жизненной ситуации человека (в особенности для иногородних студентов). Чаще всего из прошлого школьного окружения тесные отношения остаются только с семьей, соответственно, бывший школьник не только попадает в новый формат обучения и профессионального самоопределения, но и в большей степени в совершенно незнакомую социальную среду. Эта кардинальная смена привычных условий, выход из зоны комфорта становится существенным риском для формирования дезадаптации.

Отдельно стоит отметить риски дезадаптации иногородних студентов, потому что они проявляются наиболее остро. В данном случае ситуация усугубляется полным отрывом на неопределенное время от родной семьи, от своей социальной среды и дома, адаптацией к новым условиям бытовой жизни, повышением уровня ответственности и самостоятельности, выстраиванием совершенно новых взаимоотношений нового формирующегося социального окружения.

Как раз в этот период, в особенности на первом курсе, учитывая новый формат обучения и увеличившуюся по сравнению со школьной программой нагрузку, психоэмоциональные резервы студента, познавательные и энергетические процессы начинают снижаться. При дополнительной поддержке и лояльном учебном режиме со стороны администрации учебного заведения все эти процессы могут стабилизироваться уже во втором семестре.

Трудности учебной программы, большой объем новой информации – еще один существенный риск в жизни студента. Большая нагрузка лекционными и теоретическими материалами, существенный объем самостоятельной работы нередко занимает у студента более 12 часов в сутки. То есть на отвлечение, отдых и свободное время в процессе жизнедеятельности практически не остается. Соответственно, возникает нарушение в гармонично выстроенной, в том числе с помощью родителей, школьной режимной программе: режим дня, труда и отдыха.

Отдельным фактором, который может вызвать дезадаптацию, стоит назвать экзаменационный период. Это период характеризуется повышенным нервно-психическим напряжением, которое затрудняет целенаправленную умственную работу, снижает эффективность труда студентов, ухудшает результативность их деятельности.

Отдельно стоит обратить внимание на такой риск появления дезадаптации, который относится не ко всем студентам, однако охватывает значительную их часть: совмещение учебы с работой. Более того, чаще всего такое совмещение идет в разрез с той профессиональной деятельностью, которую осваивает студент в учебный период. То есть из-за представленного совмещения работы и учебы, студенту приходится на практике познавать одну профессиональную деятельность, а в теории – другую. Это может привести к эмоциональному, психологическому и физическому истощению.

Профессиональная компетентность – это еще один риск возникновения дезадаптации студентов. На сегодняшний день общество предъявляет существенные требования к специалистам различных профессий, обязательное формирование соответствующих компетенций входит в образовательные программы, однако они не всегда отвечают тем требованиям, которые предъявляет работодатель соискателям. Именно боязнь не соответствовать современным требованиям рынка труда существенно влияет на психоэмоциональное состояние студентов, в большинстве своем выпускных курсов. Как указывают исследователи, «Образ профессиональной деятельности и субъективная концепция профессиональной подготовки (как правило, имеющиеся у абитуриента-психолога образ профессиональной деятельности) диффузен, неструктурирован, во многом нереалистичен, а потому будущий студент оказывается не в состоянии оценить вклад той или иной дисциплины в общую структуру профессиональной подготовки» [Суворова, Андреева, 2019].

Рассматривая риски дезадаптации в контексте их диагностики и последующей коррекции, нам близка позиция А. В. Борисенко, Н. Г. Кирсановой, И. В. Зеленцовой: для определения причин дезадаптации и ее преодоления студент рассматривается по 6 критериям: успеваемость, поведение, социальная контакт-

ность, мотивация, пропуски занятий и социальный статус. У иногородних студентов рассматриваются взаимоотношения и поведение в рамках проживания в общежитии.

Таким образом, проанализировав существующие проблемные моменты и комплекс рисков дезадаптации студентов вуза, нами были выделены базовые параметры, которые так или иначе, в зависимости от уровня образовательных успехов в школе, личностных и интеллектуальных способностей, являются индикаторами дезадаптации. Такими выступают: неадекватное профессиональное самоопределение, низкая мотивация, проблемы с саморегуляцией времени, низкое качество рефлексии деятельности.

Библиографический список

1. *Домахин А. А.* Определение особенностей учебной адаптации студентов первого курса (на примере Арзамасского филиала ННГУ имени Н. И. Лобачевского) // Молодой ученый. 2017. №7. С. 750–752.
2. *Ковалева А. И.* Психология стресса: Психологическая антропология стресса. М., 2015. 943 с.
3. *Коджаспиров А. Ю.* Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. учебных заведений. М., 2001. 176 с.
4. *Лусканова Н. Г., Коробейников И. А.* Диагностические аспекты проблемы школьной дезадаптации у детей младшего школьного возраста // Диагностика школьной дезадаптации. М. 1993. С. 6–18.
5. *Маклаков А. Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. №1. С. 16–24.
6. *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван, 1988. 263 с.
7. *Рапацевич Е. С.* Современный словарь по педагогике. Минск, 2001. 928 с.
8. *Роджерс К.* Эмпатия // Психология эмоций: тексты. М., 1984. С. 235–237.
9. *Северный А. А.* Проблемы междисциплинарного взаимодействия при коррекции школьной дезадаптации // Школьная дезадаптация: эмоциональные и стрессовые расстройства у детей и подростков: матер. Всерос. науч.-практ. конф. М., 1995. С. 35–42.
10. *Суворова Е. В., Андреева О. В.* Причины дезадаптации иногородних студентов в вузе и пути их преодоления // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 4. С. 124.
11. *Шакурова М. В.* Методика и технология работы социального педагога. М., 2006. 268 с.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL MALADAPTATION, ITS RISKS AND CAUSES OF FORMATION IN STUDENTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

Zhanguzhinova Olga Yu.

Kemerovo State University, 6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia
olga.zhanguzhinova@yandex.ru

The success of a person in his later life and professional activity directly depends on how much he will be able to adapt to studying in the system of higher professional education. First of all, the success of further education largely depends on the student's ability to master a new social environment, establish relationships with the team, and accept new social roles. In this regard, the issue of maladaptation of university students is very acute. This article examines in detail the existing maladaptation problems, terminological nuances, and also highlights the most basic risks and causes that can become the basis for the formation of maladaptation among students.

Key words: *maladaptation; risks of maladaptation; university students; social situation; vocational education.*

ОТЦОВСКИЕ ПРАКТИКИ ЗАБОТЫ О РЕБЕНКЕ И МАТЕРИ В 1940–1960-е ГОДЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА»

Казанцева Мария Алексеевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15, danilovam227@mail.ru

В статье на основе материалов женского журнала «Работница» рассмотрена репрезентация отцовских практик заботы о ребенке и матери в 1940-1960-е годы. Опираясь на документальные источники и журнальные статьи, был составлен портрет отца в СССР. Отдельно были отмечены различия отцовских практик заботы о матери и заботы о ребенке, проведен анализ девиантных примеров поведения мужчин-отцов, а также поступков, одобряемых обществом. В результате исследования был составлен собирательный образ заботливого отца и мужа.

Ключевые слова: журнал «Работница»; Великая Отечественная война; отцовство в СССР; детство в СССР; материнство в СССР; советская семья.

Сегодня большинство представляет отца как человека, который может многому научить. Он в меру строгий, работает не покладая рук, является примером для своих детей. Но так было не всегда. В разные исторические периоды отношение к мужчинам-отцам и их восприятие отличалось. В патриархальной семье мужчина был главой семьи, обладал практически неограниченной властью над домочадцами. В первую очередь он выполнял роль кормильца, женщина же занималась хозяйством и детьми. С приходом большевиков к власти фигура отца стала менее значима, чем фигура матери [Воронова, 2022]. У мужчины появился выбор – быть внимательным отцом, заботливым мужем или оставить семью, которая не соответствовала его мировоззрению, ценностям или в которой они с супругой «не сошлись характерами», и создать новую. Мужчины могли не переживать о материальном обеспечении детей от прежнего брака, так как теперь содержать семью могла женщина, получившая благодаря политике государства новые права, обязанности и финансовую поддержку. Чтобы проследить изменения в отношении к отцовству в Советском Союзе, я обратилась к изучению репрезентации заботы отца о ребенке и матери в женском журнале «Работница» в 1940–1960-е годы. Отдельно я отметила, как образ отца был представлен на страницах журналов советским читательницам, а также в каком ключе сами женщины видели мужей и отцов своих детей.

В основу методологии вошел социальный конструктивизм. В разные исторические периоды институт отцовства менялся. Тот идеальный образ отца, который представлялся детям и матерям в одно время, выглядел иначе в другой промежуток времени. Если в патриархальной семье отец, прежде всего, был кормильцем, то к 1960-м гг. общество и государство требовало от мужчин большей вовлеченности в воспитание детей. Таким образом, представления о мужчинах-отцах зависели от определенных договоренностей в обществе.

Основной источниковедческой базой послужило издание «Работница» – советский женский журнал, учрежденный по инициативе В.И. Ленина и выходивший с марта до июня/июля 1914 года [Работница]. Его печать была возобновлена в 1917 году. Журнал информировал городских читательниц о текущей ситуации в стране и событиях за рубежом. Женщина представлялась в нем в образе работницы и матери.

С 1943 года журнал выходил ежемесячно [Там же], к концу 1960-х годов состоял из 40 страниц. На основе анализа номеров можно выделить следующий его план. В первом блоке освещалась политика и достижения партии. Затем речь шла об известных людях и их заслугах. Также на страницах были опубликованы статьи про женщин-тружениц и их работе на заводах и фабриках. После основной информации журнал включал в себя статьи развлекательного и полезного характера. Встречаются письма на тему ведения домашнего хозяйства, рассказы, истории из других стран и союзных республик. Немало контента в журнале было посвящено темам воспитания детей, в каждом номере присутствовали рубрики с рецептами и советами. Завершался журнал модными фасонами, тканями, расцветками и выкройками одежды для женщин и детей.

Для анализа репрезентации отцовства был проанализирован 91 журнал за 1943–1969 годы. Журнал «Работница» в основном транслировал образцовую модель поведения отца. Между тем встречались истории об отклонениях от нормы. Такие истории должны были послужить поучительным примером, показать, что трудящихся и позитивно настроенных граждан больше. Сплотившись, советское общество и государство направит человека, отклонившегося с верного пути, в нужное русло.

Для изучения отцовства в СССР и понимания общей ситуации в стране были использованы документальные источники – законодательные и нормативные акты.

Историография исследования отцовских практик заботы о ребенке и матери невелика. Первоначально большое внимание исследователей привлекал вопрос развития семьи как социальной ячейки общества и изменения в родительстве. Кон И.С. в своих работах отмечал изменения семейных и родительских практик в связи с гендерной революцией в XX веке [Кон, 2011].

На сегодняшний день одним из наиболее полных исследований советского отцовства является диссертация Вороновой Е.А. «Представления об отцах и отцовстве в советском обществе, 1950–1960-е гг.» [Воронова, 2022]. В исследовании рассматривается отцовство в общественном дискурсе 1950–1960-х годов по материалам СМИ и письмам граждан, в том числе анализируются статьи из журнала «Работница». Для рассмотрения отцовских практик Е.А. Воронова обращается к дневникам и интервью с мужчинами, ставшими отцами в 1950–1960-е годы. Выделяется три модели личного опыта отцов: отсутствующее отцовство, ситуативное отцовство и вовлеченное отцовство.

Также исследованиями отцовства в контексте изучения российской гендерной проблематики занимались Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. [Здравомыслова, Темкина, 2007], Чернова Ж.В. [Чернова, 2007].

Подробно об отцовских практиках пишет Звонарева А.Е в статье «Социальные практики отцовства», однако в работе не уделяется внимание семейной жизни мужчины, его роли и место в семье [Звонарева, 2010].

Если говорить об исследованиях, в которых анализируется журнал «Работница», то здесь внимание исследователей в первую очередь привлекает образ женщины. Типологию наименований женщин в советском производственном дискурсе рассматривают Золтнер О.В и Горностаева Д.С. [Горностаева, Золтнер, 2021]. По материалам журнала Минаева О.Д. исследовала «неженские» профессии советских женщин 1930-х годов [Минаева, 2009].

Таким образом, исследований на тему отцовства становится все больше, но в первую очередь в работах рассматривается развитие отцовства, изменение ролей и функций отца в семье, представления об отцах и отцовстве в общественном дискурсе, гендерное неравенство, «кризис маскулинности». Отцовские практики заботы о ребенке и матери изучены не в полной мере.

Отец в СССР: это кто?

Слово «отцовство», – пишет И.С. Кон, – означает социальный институт, систему прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как к родителю [Кон, 2009].

Кто такой отец в Советском союзе?

По материалам журнала «Работница» – это человек, «который старается всеми силами облегчить труд матери, уделяет свободные часы ребенку <...> В своем отце дети хотят видеть лучшего друга», также желают, чтобы он был «добрым, справедливым, мужественным», хотят стремиться во всем ему подражать. [Колбановский, 1951, с. 26; Ключарева, 1963, с. 24].

Общая цель отцов, матерей, учителей и государства – «воспитать настоящих людей, будущих граждан коммунистического общества» [Панфилова, 1963, с.

30], «будущих активных и сознательных строителей коммунизма» [Колбановский, 1951, с. 26].

Советское отцовство в 1940–1960-е годы по документальным источникам (законодательным и нормативным актам) представляется несколько иначе.

В период Великой Отечественной войны многие мужчины погибли на фронте, демографическая ситуация ухудшилась. С целью улучшения положения 8 июля 1944 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о государственной помощи матерям и усилении охраны материнства и детства (далее – Указ от 08.07.1944 года). В нем содержалась статья, которая звучала следующим образом: «Отменить существующее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке» [Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944...].

Это значило, что теперь любой мужчина, не состоявший в официальном браке, освобождался от ответственности обеспечивать и заботиться о ребенке, помогать его матери. Будущие отцы могли безбоязненно вступать с женщинами в контакт и быть уверенными, что даже через суд их не признают отцами [Замараева, Новоселов, 2012]. В отличие от женщины, которая являлась матерью и априори должна была воспитывать детей при любых обстоятельствах, мужчина получил право выбора: либо законно оформлять отношения с женщиной и нести ответственность за своих детей, либо отказаться от любых обязательств [Воронова, 2021].

Либерализация гендерной политики начинается с середины 1950-х годов [Чернова, 2007]. В 1955 году выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения аборт». У женщины появляется выбор – становиться матерью или нет.

В 1965 году облегчается процедура развода, а в 1967 г. было поправлено положение с алиментными обязательствами [Там же].

Изменены права и обязанности родителей и детей были в 1968 году в Основных законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье [Закон СССР от 27.06.1968...]. Теперь с помощью суда установить отцовство можно было при ряде дополнительных условий, а именно при совместном проживании и ведении общего домашнего хозяйства отцом и матерью ребенка, совместном воспитании или содержании родителями ребенка. Также мужчинам можно было добровольно признать себя отцом ребенка. Для этого не нужно было вступать в брак с матерью ребенка [Там же].

В Кодексе о браке и семье в РСФСР от 30 июля 1969 года права и обязанности родителей выделялись в отдельную восьмую главу, где также прописывалось равенство отца и матери по отношению к их детям и подчеркивалось, что они сохраняются даже при разводе родителей.

Отцовские практики заботы о матери ребенка

Журнал «Работница» обращается к городской читательнице, а потому часто встречается положительный образ мужчины не как отца, хотя и это очень важно, а мужа. Женщине и матери очень важно, чтобы супруг помогал по дому и с детьми. «Часто так бывает: он – с ночной, а я – к себе на производство. Вернусь – и в комнате прибрано, и обед сготовлен, и белье, что я постирала, просушено» [Квитко, 1963, с. 19].

С грустью вспоминают женщины о мужьях-помощниках, ушедших или уже погибших на войне. «Как сейчас помню, проводила мужа [на фронт], пришла домой, посмотрела на детей, и защемило у меня сердце: «Как, думаю, без отца растить вас буду... А муж у меня был работающий и до детей желанный» [Цветкова, 1943, с. 12].

В рубрике «Беседа врача» заслуженный врач РСФСР И. Струянский отмечает, как важно, чтобы мужья помогали недавно родившей женщине: «Позаботьтесь о ней, товарищ, помогите по хозяйству, не разрешайте поднимать и носить тяжести, много стирать. Ничего, если раз-другой молодой отец пойдет на работу не в белой рубашке, как всегда, а в клеточку – зато сэкономит силы той, которая подарила ему малыша. Возвращаясь домой, муж может купить продукты, зайти в молочную кухню, а уж принести воды, снять с плиты бачок, вынести ведро с мусором – это его прямая обязанность. В домашнюю работу роженица должна включаться постепенно, осторожно» [Струянский, 1963, с. 27].

Материальное обеспечение семьи – обязанность советского мужчины, между тем это является и заботой, если женщина ценит труд мужа. «И вот, пока старшие еще не подросли и не начали работать, жили мы только на заработок отца да на те деньги, которые я получала в помощь от государства на воспитание детей» – пишет Анастасия Дмитриевна Горюшкина, получившая звание «Мать-героиня» [Горюшкина, 1953, с. 26].

Между тем встречаются мужчины, которые готовы помогать супруге, но свои интересы ставят выше. Когда жена просила помочь супруга навести уют в новом доме, тот «глянул на жену и дочь, промолчал, но с сомнением покачал головой: ясно было, что в ближайшее время на помощь папы рассчитывать не приходится, так как он – страстный рыболов, – конечно же, отправится на рыбалку, чтобы угостить друзей на новоселье судачком...» [Головань, 1953, с. 7].

Также отцы могли поддерживать матерей эмоционально, быть вовлеченными в процесс воспитания детей: «Из книг я и муж почерпнули многое, что нам помогает воспитывать детей» – отмечает Анастасия Дмитриевна Горюшкина [Горюшкина, 1953, с. 26].

У людей молодых, еще не набравшихся опыта, в семье могла произойти неприятная ситуация. У Юрусовых дело дошло даже до суда. Муж полностью ушел в написание диплома и не помогал Бэлле с воспитанием детей и работой по дому,

супруга же отказывалась заниматься домашним хозяйством и подолгу лежала в постели. Суд пришел к выводу о том, что мужу стоит следить за тем, чтобы в доме было равноправие, не нужно пытаться ставить жену в подчиненное положение, а жене взять на себя обязанность за воспитанием детей и заботиться о семье [Из зала..., 1953, с. 30].

Таким образом, важными практиками заботы о жене и матери ребенка у отцов становится помощь по дому, совместное воспитание детей и финансовое обеспечение семьи.

Отцовские практики заботы о ребенке

Как пишется в журнале, счастливых советских семей – «подавляющее большинство». Гармония и спокойствие здесь достигаются за счет «строя, при котором живут ее члены, дух, в котором они воспитаны и воспитываются, материальные и духовные блага, которыми они пользуются» [Квитко, 1963, с. 19].

Практически в каждой публикации образ заботливого отца идет в тандеме с его женой, которая наравне с супругом прикладывает усилия по уходу и воспитанию детей.

«Василий Михайлович и Александра Григорьевна – заботливые, любящие родители», – отмечается в публикации на страницах журнала. Дети с нетерпением ждут подарки от отца, в которые он вкладывает определенный смысл и вместе с женой поддерживает детей в их начинаниях. «К машинам у Мишуни страсти, – улыбаясь, говорит отец, – видно, быть ему инженером» [Герасимова, 1951, с. 9].

Радует, что немало отцов, изображаемых в журнале «Работница» инициативные и вовлеченные в тему заботы о детях и их воспитания. «Нас в семье трое взрослых, жена, бабушка и я», – рассказывает отец на родительском собрании. «Чтобы избежать разнобоя в подходе к нашим мальчикам, мы договорились: я слежу за учебными делами сыновей и их поведением в школе, жена и бабушка – за их развлечениями, за выполнением домашних обязанностей, за их питанием и одеждой» [Панфилова, 1953, с. 30].

Не все отцы за непослушание и плохое поведение могли наказывать детей ремнем и жестким словом. Отец Жени из шестого класса отмечал, что «если мне что-либо не нравилось, я объяснял сыну, почему я не хочу, чтобы он поступал таким образом» [Там же].

Мужчины могли прислушиваться к своим детям и становиться еще более хорошими отцами. Когда Лев Маркович Фрадкин спросил свою дочку, почему ее нет на доске отличников, четвероклассница расплакалась и спросила, что неужели на этой доске могут висеть все-все. «Не все, а самые лучшие», – ответил отец. «А ты, папа, лучший? Ты отличник? Покажи мне свой табель». После этого

мужчина сделал вывод: «придется подтянуться, чтобы показать хороший пример ребенку» [Фрадкин, 1951, с. 21].

Однако встречаются мужчины, которые почти ничего не смыслят в разговорах с детьми и бывают с ними неоправданно строги. После неуместной шутки отца девочка закричала на него и расплакалась. Вместо того, чтобы задуматься о не проявлявшейся раньше вспыльчивости дочери, отец «рассердился и заявил ей, что не будет с ней разговаривать, пока она перед ним не извинится» [Панфилова, 1953, с. 18].

К сожалению, встречаются примеры отцов, совершенно незаинтересованных в заботе о детях и уделении им внимания. Постепенно такие отцы теряют авторитет, становятся отрицательным примером, дети начинают неуважительно к ним относиться. «Сын порой тянется к отцу: "Папа, научи фотографировать" или "Папа, поиграем в шахматы...". А папа не умеет и не хочет уметь – лежит на диване, зевает: пьяный» [Е.Е., 1964, с. 28].

Адекватная же строгость по отношению к детям некоторыми матерями одобряется. «Иногда мне кажется, что муж слишком строг с детьми, слишком требователен к ним, не прощает им ни малейшей ошибки, может, так и не нужно делать. Но, подумав, я все-таки прихожу к заключению, что он прав» [Горюшкина, 1953, с. 27].

Есть отцы, которые искренне хотят заботиться о своих детях, но или недостаток знаний, или другие факторы мешают им делать это правильно, из-за чего ребенок становится распушенным, ленивым и даже глупым. «Все, кажется, мы сделали, чтобы Соня могла хорошо учиться. Мать освободила ее от всех домашних дел. Ни в чем она не знает нужды. Чтобы не отрывать ее от учебы, мы запретили ей брать на себя общественные обязанности. Учись только, отдыхай, набирайся знаний! А получилось все наоборот. Девочка плохо успевает, она ленива, эгоистична, ни с кем не считается» [Сергеева, 1951, с. 25]. Есть на страницах журнала даже шуточный стих про «нежных родителей».

У Вани и отец и мать
Полны родительской заботы:
«Ребенку надо помогать,
Чтоб не устал он от работы!..»
С работой Ваня незнаком:
Он почивает на диване.

Готовит вся семья втроем
Уроки, заданные Ване» [Гранова, 1952, с. 21].

В журнале «Работница» в одной из статей выдвигаются требования, описывается, каким должен быть отец: «Но вы – не только гражданин. Вы – еще и отец. И родительское ваше дело вы должны выполнять как можно лучше, и в этом заключаются корни вашего авторитета. И прежде всего вы должны знать, чем живет,

интересуется, что любит, что не любит, чего хочет и чего не хочет ваш ребенок. Вы должны знать, с кем он дружит, с кем играет и во что играет, что читает, как воспринимает прочитанное. Когда он учится в школе, вам должно быть известно, как он относится к школе и к учителям, какие у него затруднения, как он ведет себя в классе. Это все вы должны знать всегда, с самых малых лет вашего ребенка. Вы не должны неожиданно узнавать о разных неприятностях и конфликтах, вы должны их предугадывать и предупреждать... Для всего этого не требуется много времени, для этого нужно только внимание к детям и их жизни» [Ответы..., 1953, с. 25]. И такие примеры отцов приводятся в статьях. Петр Федорович Соловьев в журнале «Работница» делится: «Сам я мало бываю с детьми, больше с ними бывает жена, однако я все знаю о моих детях: их настроения, думы, желания. Все время, которое я провожу дома, я отдаю детям» [Соловьев, 1951, с. 20].

Таким образом, забота о ребенке в Советском Союзе заключается в уделении детям внимания, заинтересованности их жизнью и увлечениями. Важно, чтобы отец, как и мать, поддерживал ребенка в любых положительных начинаниях, был примером и другом.

Заключение

Благодаря изучению репрезентации заботы отца о ребенке и матери в женском журнале «Работница» в 1940–1960-е годы можно составить собирательный образ заботливого отца и мужа. Прежде всего, это «строитель коммунизма», человек трудящийся на благо Родины, ответственный и порядочный гражданин. Между тем, кроме работы, общественной и политической жизни мужчине важно уделять внимание семье, посвящать свободное время ребенку и помогать в быту супруге. Привязки к возрасту не наблюдается. В статьях репрезентуется образ как опытного отца, так и мужчины, вступившего в этот статус недавно. Главный акцент ставится на то, что он должен быть вовлечен в процесс воспитания и заботы о ребенке и матери, открыт к получению знаний, чтению литературы, если еще не достает опыта.

Для ребенка отец – это «лучший друг» и пример для подражания. Дети хотят его видеть «добрым, справедливым, мужественным». Для матери ребенка муж – это прежде всего помощник в воспитании детей и ведении домашнего хозяйства, кормилец и добытчик.

Отрицательный образ отца и мужа заключается в девиантном поведении, тяге к алкоголю, частым развлечениям. В журнале «Работница» аудитория осуждающе относится к физическому насилию со стороны отца, а также причинению вреда ребенку, которое заключается в несправедливом и беспричинном агрессивном поведении отца, в произношении грубых слов в адрес ребенка. Чрезмерная забота, когда отец много помогает ребенку, освобождает его от всех общественных и домашних дел (вместе с матерью), также не является положительным примером, согласно материалам журнала.

Библиографический список

1. Работница // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3487271 (дата обращения: 11.05.2022).
2. Воронова Е.А. Охотница за алиментами или жертва мужчин: мать-одиночка как категория советской повседневности в 1950–1960-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2021. №2(53). С. 173–185.
3. Воронова Е.А. Представления об отцах и отцовстве в советском обществе. 1950–1960-е гг: дис. ... канд. ист. наук. М.: РАН, 2022. 240 с.
4. Герасимова В. В семье героя // Работница. 1951. №12. С. 9.
5. Головань И. В новом доме // Работница. 1953. №5. С. 7.
6. Горностаева Д.С., Золтнер О.В. Типология наименований женщин в советском производственном дискурсе // Научное наследие. 2021. №80. С. 34–37.
7. Горюшкина А. Моя семья // Работница. 1953. №8. С. 26–27.
8. Гранова В. Нежные родители // Работница. 1952. №3. С. 21.
9. Е.Е. Чужой, совсем чужой... // Работница. 1964. №6. С.28.
10. Закон СССР от 27 июня 1968 г. N 2834-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье». URL: <https://base.garant.ru/71420074/> (дата обращения: 12.05.2022)
11. Замараева З.П., Новоселов В.М. Особенности трансформации института отцовства в советский период // Теория и практика общественного развития. 2012. №6. С. 53–56.
12. Звонарева А.Е. Социальные отцовские практики // Женщина в российском обществе. 2010. №4. С. 61–68.
13. Из зала суда. Помирили // Работница. 1953. №12. С. 30.
14. Квитко Т. Не позволим тащить рухлядь в новый дом (Обзор писем читателей) // Работница. 1963. №8. С. 19–20.
15. Ключарева И. Прав ли отец? // Работница. 1963. №1. С. 24.
16. Кодекс о браке и семье в РСФСР от 30 июля 1969. URL: <https://base.garant.ru/3961644/> (дата обращения: 12.05.2022)
17. Колбановский В. Отец, как воспитатель // Работница. 1951. №1. С. 26–27.
18. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 494 с.
19. Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 1. С. 51–65.
20. Минаева О.Д. «Неженские» профессии советских женщин 1930 гг. (по материалам журнала “Работница”). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17241304_73280923.pdf (дата обращения: 13.07.2022)
21. Ответы на письма родителей. На «вы» или на «ты»? // Работница. 1953. №9. С. 25.

22. Панфилова Т. О воспитании мальчика в семье // Работница. 1953. №10. С. 29–30.
23. Панфилова Т. Учительница сказала... // Работница. 1963. №11. С. 30.
24. Панфилова Т. Что случилось с Людой? // Работница. 1953. №11. С. 18–19.
25. Сергеева А. О воспитании девочек // Работница. 1951. №11. С. 25–26.
26. Соловьев П. Дружная семья // Работница. 1951. №8. С. 20.
27. Струянский И. После родов // Работница. 1963. №1. С. 26–27.
28. Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 (ред. от 07.05.1986) «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства"». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=718> (дата обращения: 11.05.2022)
29. Фрадкин Л. А ты, папа, лучший? // Работница. 1951. №8. С. 21.
30. Цветкова А. О моей семье помнят и заботятся // Работница. 1943. № 6. С. 12.
31. Чернова Ж.В. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход: коллект. монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138–168.

FATHER'S PRACTICES OF CARING FOR A CHILD AND MOTHER IN THE 1940-1960 BASED ON THE MATERIALS OF THE MAGAZINE "RABOTNITSA"

Kazanceva Maria A.

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia,
danilovam227@mail.ru

The article, based on materials from the women's magazine "Rabotnitsa", examines the representation of paternal practices of caring for a child and mother in the 1940s-1960s. Based on documentary sources and magazine articles, a portrait father in the USSR was compiled. Separately, the differences between the father's practices of caring for the mother and child care were noted, an analysis was made of deviant examples of male behavior, as well as actions approved by society. As a result of the study, a collective image of a caring father and husband was compiled.

Key words: magazine Rabotnitsa; The Great Patriotic War; fatherhood in the USSR; childhood in the USSR; motherhood in the USSR; Soviet family.

Научное издание

ART OF SCIENCE

Материалы VI Международной гуманитарной
научно-практической конференции

(г. Пермь, ПГНИУ, 4–5 декабря 2022 года)

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *А. Р. Ехлакова*

Объем данных 4,8 Мб
Подписано к использованию 05.12.2023

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15